

СДЫКОВ М. Н.

Степная Пирамида

**Управление внутренней политики Западно-
Казахстанской области
Общественный фонд науки и образования "Акжол"**

СДЫКОВ М.Н.

СТЕПНАЯ ПИРАМИДА

**г. Уральск
2000**

ББК 63.4

С 27

С 27 СДЫКОВ М. Н. Степная пирамида.- Уральск, 2008. - 264 с.

ISBN 978-601-7104-19-1

Данная работа является первым обобщающим исследованием в казахстанской историографии по истории изучения комплекса царских курганов «Кырык - Оба». В ней последовательно рассматриваются вопросы защиты, сохранения и изучения археологических памятников в Западном Казахстане. Показаны современные методы исследования, с помощью которых установлена стратиграфия и структура царских курганов, проведена виртуальная реконструкция первоначального облика. В книге использованы материалы Западно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции за 2001 – 2005 годы, научные отчеты Гуцалова С.Ю., Бисембаева А.А., Демкина В.А.

Совместно с учеными Сингатулиным Р.А. и Юдиным А.И. (Саратов) составлен подробный проект организации музея-заповедника под открытым небом «Степная пирамида», который представлен в данной книге.

Издание может быть использовано в работе учреждений и организаций культуры, музеях, библиотеках, а также в учебном процессе в вузах, колледжах, лицеях и школах. Книга рассчитана на широкий круг читателей, как историков, преподавателей, аспирантов и студентов, так и на всех интересующихся историей Казахстана.

ББК 63.4

С $\frac{0504000000}{00(05)-08}$

© Сдыков М.Н., 2008

© Западно-Казахстанский общественный фонд науки и образования, 2008

КУРГАН

*В степи, на равнине открытой,
Курган одинокий стоит:
Под ним богатырь знаменитый
В минувшие веки зарыт.*

*И вот миновались годы,
Столетия вслед протекли.
Народы сменили народы,
Лицо изменилось земли.*

*Курган же с высокой главою,
Где витязь могучий зарыт,
Еще не сравнялся с землею,
По прежнему гордо стоит.*

*А слезы прольют разве тучи,
Над степью, плывя в облаках,
Да ветер лишь свѣет летучий
С кургана забытого прах...*

А. Толстой,

ВВЕДЕНИЕ

В строительстве независимого государства важное место занимает воспитание у населения, особенно молодого поколения, уважения к своей истории и культуре. Оно должно развиваться через непосредственное привлечение к историческому прошлому, через наиболее полное восприятие исторических корней своего народа. Это – крупная общественно – значимая проблема, которую вместе решают государственные органы, неправительственные объединения и научные учреждения.

Изучение и сохранение культурного наследия стало одним из приоритетных направлений в развитии общественной, культурной и научной жизни в Республике Казахстан. Президент государства Н.А.Назарбаев поставил эту проблему в разряд наиболее важных и актуальных для полнокровного социально-экономического и культурного развития казахстанского общества. При этом президент подчеркнул не только научную значимость, но и особую роль культурного наследия в воспитании гражданственности и патриотизма.

Работа по реализации Государственной программы «Культурное наследие» показала своевременность и жизненную необходимость такой постановки вопроса. В Западном Казахстане интерес к историческому прошлому значительно возрос именно в последние годы, когда стали возможными полномасштабные и целенаправленные исследования в области изучения истории и культуры древнего времени. Открытия и находки последних 5-7 лет, многие из которых являются уникальными, широко представлены в музеях Астаны и Уральска, в средствах массовой информации. И это привело к росту внимания и интереса населения области к историческим проблемам. Впервые многие из них узнали о новых для себя народах и исторических периодах, открыли целый ряд выдающихся памятников культурного и исторического наследия.

На территории Западного Казахстана находятся многочисленные памятники истории и культуры. Только в Западно – Казахстанской области на сегодняшний день 1966 археологических объектов утверждены в официальном государственном списке памятников истории и культуры, в составе которых насчитывается около 10 тысяч отдельных курганов. Большая часть из них выявлена только в последние годы в результате деятельности Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии.

Среди памятников выделяется ряд наиболее значимых объектов. Это – городище «Жайык», памятники каменного века «Ешкитау» и «Тонкерис», поселение эпохи бронзы «Бауржан Аяк», крупные комплексы, насчитывающие несколько десятков курганов: Кырык-Оба, Лебедевка, Мокринское, Чижа, Булдурта, Косколь, Булектау, Кызылжар, Журмалай, Калмакшабын, Тау и другие. Каждый из этих памятников важен и содержит ценный материал по истории

и культуре своего времени и является составной частью единого культурного наследия Казахстана. Часть из них имеют мировое значение.

В этом смысле особое место занимает комплекс Кырык – Оба, включающий в себя более 40 курганов. Уникальность объясняется наличием в его составе группы «царских курганов», выдающихся как по размерам, так и по структуре. Поражает своими размерами, а значит и масштабами затраченных древними людьми сил и средств на его строительство, главный царский курган, который по праву можно назвать – «Степная пирамида». Он является самым крупным в степях Евразии – его высота достигает 18,6 метра, диаметр – свыше 500 метров, рядом расположены два вытянутых кургана, так называемых «батона» - первый длиной около 100 метров и высотой – 6 метров, а второй в длину равен 80 метрам с высотой около 4 метров. Такой конструкции курганов больше не обнаружено и аналогов им в мире нет.

В течении последних 7 лет проходят интенсивные исследования данного комплекса. Здесь работают ученые Казахстана и России – историки, археологи, почвоведы, палеобиологи, применяются современные методы изучения археологических памятников. Полученный материал позволяет говорить об исключительной важности комплекса Кырык Оба в изучении таких актуальных проблем, как становление номадизма на территории Казахстана, сущность и характер этнических процессов, понимание места и роли скифо-сакского мира в культурном и социально-политическом развитии древнего общества.

На сегодняшний день самой актуальной проблемой стало научное изучение на новом, качественно более высоком уровне. при котором все работы проводились бы и

рамках специальной программы исследования, сохранения, реставрации и пропаганды средствами туризма. Речь идет о придании комплексу царских курганов Кырык Оба статуса музея - заповедника под открытым небом с созданием соответствующей инфраструктуры: научно – реставрационных лабораторий и мастерских, комплекса зданий музейного и туристского назначения, материально – технической базы и штата сотрудников. Уникальный памятник должен стать уникальным музеем, где люди могут воочию увидеть красоту и самобытность того времени, оценить возможности и потенциал древних предков. Он должен быть открыт для всех, чтобы учить красоте мира, высоте человеческого духа и силе разума. Это, мы уверены будущее комплекса, который мы назвали – «Степная пирамида».

История изучения данного памятника определяется задачами, которые ставили перед собой ученые.

Первый этап – защита комплекса Кырык Оба от техногенного воздействия и разрушения и пробуждение интереса органов власти, общественности и научных кругов к данному памятнику. Эту задачу успешно решил, созданный в 1998 году, Западно-Казахстанский общественный фонд науки и образования «Акжол». Нам удалось отстоять памятник, «отодвинув» трассу трубопровода, проходившего в 70 метрах от главного кургана, на расстояние 1,5 километров. Нам удалось стать инициаторами возобновления научных археологических работ, которые стали проводиться в области с 2001 года.

Второй этап - проведение научно – исследовательских археологических работ берет свое начало с 2001 года, когда сюда прибыл отряд археологов во главе с директором Института археологии им. А. Маргулана,

академиком Байпаковым К.М. Масштаб и размах развернувшихся исследований выявили необходимость создания собственной организации и в 2002 году решением Акима области был образован Западно – Казахстанский областной центр истории и археологии. Трудными были первые годы. Не было специалистов – археологов, своей базы, опыта организации раскопок, поэтому активную помощь мы получили от Института археологии им. Маргулана, из Актюбинска, от российских коллег из Челябинска, Оренбурга и Волгограда. Постепенно центр стал координатором всех исследований по комплексу Кырык – Оба. В течении 8 лет проводились раскопки, давшие интересный и уникальный материал. За эти годы была вновь воссоздана уральская школа археологии. И теперь сотрудники центра археологические исследования проводят самостоятельно. Для объединения усилий ученых и специалистов была Западно – Казахстанская комплексная археологическая экспедиция.

Сейчас по прошествии этих лет, начинается **третий этап**, логично вытекающий из всего предшествующего процесса - создание историко – культурного и природно – ландшафтного Музея – заповедника под открытым небом «Степная пирамида». Инициаторами создания такого музея стали Западно-Казахстанский общественный фонд науки и образования «Акжол» и Западно – Казахстанский областной центр истории и археологии при поддержке Управления внутренней политики Западно – Казахстанской области. Задача данного этапа создание крупного музейного комплекса, имеющего не только научное, но и культурное, просветительское значение, для пропаганды отечественной истории и культуры методами и средствами науки и туризма

Предлагаемый проект создания музея – заповедника составлен с учетом мирового опыта музеефикации памятников культурного наследия. Расположенный в степи, данный музей должен вобрать в себя достижения отечественной археологии, опыт и мастерство реставраторов для того, чтобы восстановить в подлинном облике сложное сооружение, каковым является царский курган. Проект предусматривает воссоздание всего процесса строительства и самой погребальной камеры с реставрацией предметов быта, вооружения и всего ритуала погребения царя степной империи. В этом его историко – культурное значение.

Сам комплекс царских курганов органически вписывается в степь, поэтому проект предусматривает и постепенное восстановление природного ландшафта, для чего запланировано отведение под весь музейный комплекс прилегающей территории общей площадью свыше 1 тыс. гектаров. Для туристов и посетителей планируется создание специального гостиничного и музейного комплекса. Здесь же будут реставрационные мастерские и камеральные лаборатории. Таким образом, в течении ряда лет будет вестись кропотливая работа по реставрации памятников и воссозданию облика степи периода 1 тысячелетия до н.э. В результате мы получим уникальный и популярный комплекс, который может стать центром крупных археологических исследований и брендом казахстанского туризма.

Постановка такой проблемы в таком масштабе стала возможной только после 8 лет упорного труда. Мы выражаем искреннюю благодарность всем, кто активно участвовал и продолжает участвовать в этой работе. Это ученые и специалисты Института археологии им. Маргулана Министерства образования и науки РК во главе с директором,

академиком Байпаковым К.М., Челябинского научного центра УрО РАН во главе с Боталовым С.Г., Института степи РАН во главе с директором, член-корреспондентом РАН РФ Чибилевым А.А. и многие другие.

Особую признательность людям, руководившим Западно – Казахстанской областью в эти годы, - Крымбеку Елеуовичу Кушербаеву и Нургали Садвакасовичу Ашимову. Мы благодарны за поддержку и понимание наших проблем Акиму области Бактыкоже Салахатдиновичу Измухамбетову.

Большая часть практической работы по изучению комплекса Кырык – Оба была проведена кандидатами исторических наук, опытными археологами, великолепно изучившими и знающими Западный Казахстан Бисембаевым А.А. и Гуцаловым С.Ю., вклад которых в исследование этого уникального памятника бесценен. Выражаю благодарность исполнителям проекта – доктору исторических наук, профессору Юдину А. И., подготовившему исторический очерк и высказавшему ряд предложений по плану музеефикации, и Сингатулину Р.А., автору ряда современных компьютерных разработок, примененных при реализации данного проекта.

Данная книга о прошлом, настоящем и будущем комплекса царских курганов «Кырык - Оба».

*СДЫКОВ М.Н. –
президент общественного фонда науки и
образования «Акжол»,
директор Западно-Казахстанского центра
истории и археологии,
доктор исторических наук, профессор*

I. ПЕРВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ РЕГИОНА

Территория Западного Казахстана, расположенная между южными отрогами Уральского хребта и северным побережьем Каспийского моря, в исторической литературе еще называется Каспийскими воротами. Название это отражает место данного региона как своеобразного коридора, через который в течении многих веков волнами перемещались народы с Азии в Европу и обратно. Миграции, вызванные войнами между соседними народами, поисками лучших земель или природными изменениями приводили к постоянному обновлению этнополитической ситуации в регионе. Захват и изгнание, или порабощение и ассимиляция приводили к смене народов и культур, что находило свое отражение в развитии определенных форм культурно- хозяйственной и социально-политической жизнедеятельности.

В I тысячелетии до нашей эры здесь утверждается как господствующая форма хозяйствования кочевое скотоводство, которое вытеснило оседло – кочевую андроновскую культуру. Причиной тому стали целый ряд

факторов. Но среди них мы выделим изменение природно – климатических условий, которое привело к усилению засушливости в аридных зонах, приведшее к установлению степной, полупустынной и пустынной климатических зон со смещением их северных границ в сторону севера. Территорию Западного Казахстана заселяют кочевники, создавшие мощные своеобразные государственные образования, объединившие многие племена и рода степи. Вскоре устанавливается обширная кочевая скифско – сакская империя, охватившая территорию практически всего Казахстана. В западной ее части, в Приуралье и соседнем Поволжье в VIII – V веках до нашей эры формируется савроматская общность, объединившая кочевые и оседлые племена. С IV века до н.э. на территории современного Западного Казахстана господствует сарматская кочевая империя, в составе которых особое для нас место занимают исседоны и массагеты. Уже в наше время на смену им приходят гунны, мигрировавшие с востока. С середины I тысячелетия главным этносом становятся тюрки.

Памятники того сурового времени - курганы охраняют покой степей и поныне. Они расположились широкой полосой по северной части современных Западно – Казахстанской и Актюбинской областей Казахстана, по степям Оренбургской области и Поволжья России. Тысячи и тысячи их, раскрывших свои тайны или ждущих своих исследователей.

Основное время их появления – период раннего железного века. Строительство основного царского кургана комплекса Кырык – Оба также датируется специалистами серединой I тысячелетия до н.э., то есть временем расцвета раннего железа в Западном Казахстане. Как известно, способ добычи железа из бурых руд стал известен еще во

второй половине II тыс. до н.э. (племена срубной культуры), но в течение длительного времени железо было дорогим металлом, употреблявшимся для изготовления украшений и парадного оружия. Лишь с рубежа VIII-VII вв. до н.э. были преодолены основные трудности в освоении железа. Железные орудия этого времени еще не закалялись, придание твердости достигалось путем науглероживания, когда в горне раскаленное железо долго соприкасалось с углем. С VIII в. быстро растет ассортимент, количество и качество изделий из железа, которые стали интенсивно вытеснять бронзовые и каменные предметы.

Эпоха раннего железа — это время перехода степных племен к развитому кочевому скотоводству. Население степи, благодаря железным орудиям, смогли освоить новые приемы агротехники, животноводства, различных ремесел. Произошло обособление ремесла, появились новые виды оружия. Образование значительного прибавочного продукта привело к появлению новых форм общественной организации. В племенах, состоявших из имущественно и социально однородных общинников, выделилась родовая аристократия. Перераспределение общинной собственности привело к частым военным столкновениям, в ходе которых возникли дружины профессиональных воинов, а позднее и военно-политические союзы племен. Войны между ними стимулировали развитие рабства и возникновение новых общественных институтов. Эти процессы неуклонно способствовали разложению родовых отношений и к их замене соседскими общинами, вели к формированию территориальной общины. Именно на эпоху раннего железа приходился расцвет древних обществ, время создания классового общества и первых государственных образований.

Изучение этого периода человеческой истории очень важно для понимания в целом исторических процессов. В эпоху раннего железа появились новые свидетельства и источники, связанные с возникновением государственности, городской цивилизации и письменности. История народов получила отражение в письменных документах и сочинениях авторов древности. Свидетельством пребывания на этой земле многих народов являются также многочисленные памятники древних культур, исследуемые сегодня археологами.

В целом, сведения о тех далеких временах мы извлекаем из источников, подразделяемых нами на две группы. Первая – это литературные и эпиграфические свидетельства по истории края, которые представлены сочинениями и работами греческих, римских, арабских и китайских авторов, надписями на каменных плитах, предметах быта и иных вещах. Вторая группа – результаты и материалы археологических исследований, через которые путем научного анализа ученые получают сведения о далеком прошлом. Литературные источники по жанру, содержанию и информативности весьма разнообразны. Ценность их зависит не только от добросовестности и мастерства автора, т.е. субъективных качеств исполнителя, но и от объективных условий, в которых создавалось то или иное творение. Немаловажную роль играет и время его появления.

Наряду с обширными историческими трудами стали появляться обстоятельные руководства для купцов и мореплавателей, периплы ("перипл" "круговой объезд по морю") и перигерисы (землеописания), иногда отражающие реальные перемещения «варваров» и содержащие сведения о населении того времени. Использование данных источников требует критического подхода, так как в силу различных

причин внутреннего и внешнего порядка описание варварских народов - скифов, савроматов, сарматов, - принимало различные формы, от восторженно возвышенных, подчеркивающих "добродетели" туземного населения, до резко отрицательных, рисующих варваров "коварными" и "кровавыми"

Основной материал по истории народов того времени, населявших обширные земли Евразии, и в частности территории между южными склонами Уральских гор и северными побережьями Каспийского и Аральского морей, мы получаем в результате археологических исследований. Поэтому выявление, изучение и анализ материалов, полученных в результате археологических раскопок, занимает особое место, так как полученные данные зачастую остаются единственными по истории того периода.

Изучение учеными археологических памятников в Западном Казахстане берет свое начало с XVIII века. Сбор археологического материала, выявление и описание памятников древней культуры, часто встречавшихся в казахской степи, начали П.И. Рычков, П.С. Паллас, Г.С. Карелин и другие. Основным интересом этих исследователей вызывали вопросы изучения природных ресурсов, богатств нового для России края, но очень много ценных сведений они предоставили нам по истории и культуре региона.

Непосредственные археологические исследования в XIX веке связаны с именами С. Бабаджанова, А. Харузина, И.А. Кастанье, Терещенко. В 1864 году в «Этнографическом сборнике Русского географического общества» была опубликована статья М.С. Бабаджанова «О каменной бабе, найденной в Киргизской степи», которая привлекла внимание научной общественности России к Казахстану. Археолог А. Харузин первым провел масштабные раскопки

в Букеевской степи, исследовав в 1889 году 22 кургана. В конце XIX века - начале XX века многие исследования проводились Оренбургской архивной комиссией. Особую роль имеет деятельность И.А.Кастанье, проводившего огромную работу по поиску, регистрации и описанию памятников истории, археологии и этнографии, а также по организации археологических раскопок ряда курганов. Первым из археологов он провел первичную классификацию и составил подробный перечень всех известных археологических памятников Казахстана по типам и областям по состоянию на 1910 год. В обстоятельном труде «Древности Киргизской степи и Оренбургского края» он дает обширные сведения о памятниках археологии и этнографии. Эта работа не потеряла своего значения и в настоящее время. Исследования Западного Казахстана проводились в эти же годы А.Л.Аниховским, А.В.Поповым, М.Л.Юдиным и другими.

В советское время со второй половины 20-х годов исследования в регионе возобновляются. В 1925 – 1927 годах экспедиция П.С.Рыкова занималась исследованием памятников на территории современной Западно-Казахстанской области в бассейнах Большого и Малого Узеней и реки Чижа. Одновременно по левому берегу реки Терекла на границе Оренбургской и Актюбинской областей работала экспедиция Академии наук СССР под руководством М.П.Грязнова и М.В.Комаровой. В течении полевого сезона 1927 года в Оренбургском уезде работала экспедиция О.А.Кривцова – Гракова по исследованию средневековых захоронений правобережья реки Урал. Полученный в эти довоенные годы материал имеет актуальное значение для изучения исторических процессов на территории региона и активно используется современниками.

В 1948 году археологические раскопки на территории Западного Казахстана были возобновлены. Совместная экспедиция Саратовского государственного университета и Саратовского областного музея под руководством И.В.Синицина в течении трех лет, 1948 – 1950 годы, провела разведывательные работы и раскопки таких курганных комплексов как Жангала, Корпе-бай, Сары-Айдын, Кара Оба. Всего ими было исследовано 28 курганов. В 1953 году на территории области работала экспедиция Института истории, археологии и этнографии Т.Н.Сениговой, которая обследовала пригороды Уральска, озера – Раим, Камыш – Самарские, берега рек Большой и Малый Узень. В ходе работ было раскопано 20 курганов.

Всего за период с 1926 по 1953 годы было раскопано в области 80 курганов. Работы проводились учеными других городов и научных организаций.

Первые археологические исследования, проведенные непосредственно уральскими учеными, были организованы Уральским педагогическим институтом им. А.С.Пушкина (ныне – Западно-Казахстанский государственный университет им. М.Утемисова). Руководителем этих раскопок являлся Г.И.Багриков и первым объектом изучения стал крупный комплекс курганов раннего железного века Лебедевка в Чингирлауском районе. Организация систематических археологических работ в области связана с именем Г.А.Кушаева, который возглавлял Уральскую археологическую экспедицию в 1968 – 1992 годах. С 1969 по 1975 годы в работе экспедиции принимали участие московские археологи во главе с М.Г.Мошковой. За весь данный период работы было исследовано более 400 курганов, выявлено более 700 новых памятников.. В черновом наброске своей работы «Археологическая

карта Уральской области» Г.А.Кушаев указывает 811 археологических памятников. Среди них, такие как Лебедевка, Барбастау, Челкар, Алебастрово, Мокринский, Кос - Оба, Рыбный Сакрыл, Мамбетбай и многие другие.

Кроме научных результатов одним из главных достижений стало возникновение уральской школы археологов. Это – Г.А.Кушаев, Б.Ф.Железчиков, В.А.Кригер, А.С.Коваленко, Т.С.Жумагамбетов. Однако в середине 80-х годов она практически распалась. Со смертью Г.А.Кушаева в 1994 году систематические археологические исследования в области прекратились.

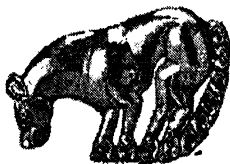
Возрождение археологической науки в Западном Казахстане произошло в новых исторических условиях суверенного и независимого Казахстана с созданием специальной научной организации – Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии. За 7 лет существования центра полностью исследована территория области, выявлено свыше 1600 новых памятников археологии, в составе которых более 9 тысяч курганов, произведены непосредственные раскопки 120 курганов в различных районах области. Возрождена уральская школа археологов.

Анализ результатов работы предшественников позволяет сделать вывод о серьезных успехах в археологическом изучении прошлого. Несомненным достижением исторической науки последнего времени является возвращение научного понимания сущности кочевой цивилизации и культуры. Роль и значение номадов, как в древнее время, так и в периоды средневековья и новой истории, стали освещаться с новых позиций, с учетом современных достижений истории, археологии, этнологии. Вместе с тем, степень изученности ряда периодов в истории:

региона недостаточна. И цельной картины исторического развития создать не удалось. До сих пор актуальными остаются замечания известных археологов Гракова Б.П., Смирнова К.Ф. и Мошковой М.Г., высказанные учеными в разное время, о месте Западного Казахстана в истории кочевников и о необходимости и важности изучения данного региона.

Однозначного понимания воссоздания далекого прошлого в исторической науке нет и быть не может – слишком сложно полотно истории. И любой, уважающий себя исследователь, не рискнет с уверенностью и безапелляционностью провозгласить окончательную истину. Причин тому много и, в первую очередь, это связано с тем, что изучение древней истории края до недавнего времени велось или несистемно, или неполно. Тому есть объективные причины. И главная из них – отсутствие специалистов. Даже в самый благоприятный период в истории советской археологии, а это 70-80-е годы, когда под руководством Г.А. Кушаева в нашей области сложилась определенная школа и начались постоянные археологические исследования, не было специалистов по целому ряду направлений - по каменному веку, по поздним кочевникам, по раннему средневековью. Местные археологи занимались в основном изучением раннего железного века, при этом локализуя себя в более узких нишах – определенных археологических культурах. Исследования ученых археологов из других городов (во времена СССР) были эпизодическими, а казахстанские археологи после полувекового перерыва прибыли из Алматы только в 2001 году. Это и позволяет сделать вывод о неполноте изучения всего древнего времени, а значит об отсутствии целостного системного подхода в освещении исторического прошлого.

Практически все исследователи указывают на высокую научную значимость нашего региона, в особенности для изучения проблем формирования и развития кочевой цивилизации, в частности скифо-сакской культуры, связывая историю региона с именами савроматов, сарматов, а также массагетов, исседонов и других народов. В более поздние времена эта территория стала местом обитания гуннов, складывания тюркской этнополитической общности, формирования собственно казахского народа. Древними насельниками региона оставлено множество памятников, которые содержат ценный материал по истории своего времени.

2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО ФОНДА НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ «АКЖОЛ» ПО СПАСЕНИЮ УНИКАЛЬНОГО ПАМЯТНИКА

Отец истории Геродот назвал египетские пирамиды первым чудом света. Грандиозные сооружения, построенные из каменных блоков, стали символом величия человеческого духа и мысли. Благодаря работе археологов, о них сейчас знают все.

Вера в небо и стремление к небу, желание увековечить память о своих вождях и государствах, подвигли и степные народы к строительству собственных пирамид. Как и египетских фараонов, степных царей укладывали в специальных погребальных помещениях, отправляя в мир вечности в сопровождении жен, боевых лошадей, слуг, множества вооружения и украшений, других необходимых предметов. Над камерой верные соплеменники в течении ряда лет сооружали курган. Основной материал – земля, которую насыпали в мешки, сшитые из шкур животных, и поднимали наверх. Чем выше сан усопшего, тем выше

курган. Так строились все курганы, но только единицы из них можно назвать степными пирамидами. Первым в этом ряду стоит главный курган комплекса царских курганов Кырык - Оба, воздвигнутый в VI – IV веках до нашей эры.

Сам комплекс Кырык Оба состоит из трех самостоятельных групп. Археологи выделили следующие:

1. - группа царских курганов, называемая «Кырык - Оба – I», в которую входят все три царских кургана. Главный и второй по величине курганы имеют дополнительные сооружения в виде двух батонообразных вытянутых курганов, назначение которых археологами еще не установлено. Третий курган не имеет дополнительных сооружений, визуальны они не обнаружены, однако распашка земли вокруг кургана ведется в течении трех десятков лет и вполне вероятно, что они были утеряны. Также визуальны не наблюдается и четвертый царский курган, однако он зафиксирован аэрофотосъемкой. Данная группа уникальна, так как аналогов таким курганам в Евразии нет. Главный курган имеет высоту – 18,6 метра и является самым высоким курганом в мире. Вместе с батонообразными курганами, или батонами как их назвали уральские археологи, данная группа насчитывает 7 объектов. Именно этот комплекс царских курганов должен стать основой предлагаемого Музея – заповедника под открытым небом.

2. группа курганов, расположенная вдоль автотрассы «Уральск - Аксай» в 5-6 километрах от первой группы, и называемая «Кырык – Оба - II». С царским комплексом ее связывает территориальная и хронологическая близость, однородность и однотипность постройки. В этой группе насчитывается 29 курганов разной величины и размера. Самый крупный из них насчитывает высоту в 6 метров и диаметр около 100 метров.

3. группа курганов, компактно расположенная у местечка Шугла. Это – 5 небольших курганов, объединенных археологами по однотипным признакам в группу «Кырык – Оба – III».

Таким образом, в целом комплекс «Кырык - Оба» состоял из трех близко расположенных групп, и объединял 41 курган. Первоначально количество курганов было больше. Это мы установили путем сопоставления современных данных с материалами аэрофотосъемок 50-х годов и вполне обоснованно считаем, что в результате распашки земель, начавшейся в период целины и продолжающейся до сих пор, и освоения Карачаганакского месторождения, безвозвратно утерян целый ряд курганов. Поэтому создание Музея – заповедника - есть единственная возможность сохранить и передать потомкам древнейшие памятники истории и культуры

Археологические исследования, которые проводятся здесь с 2001 года, позволили накопить значительный материал, имеющий высокое научное значение.

Название «Кырык - Оба» существовало давно, означая в буквальном переводе с казахского языка – «Сорок могил». Учеными оно было принято, как историческое название и распространено на весь комплекс однородных курганов, объединенных территориальной близостью. Известно, что степной гигант – главный царский курган приковывал внимание многих исследователей и известных людей. Им восторгались, а писатель А.Толстой посвятил ему стихи, открывающие нашу книгу.

Неоднократно курганы подвергались осквернению и разграблению, причем процесс этот начался еще в древности. Однако наибольший урон памятникам археологии нанесла хозяйственно-производственная деятельность, начиная с момента освоения целины.

Земли Бурлинского района Западно – Казахстанской области (в послевоенный период вплоть до начала 90-х гг. - Уральской), на территории которого находится «Кырык - Оба», были отнесены к зоне интенсивного развития земледелия. В результате многие курганы были распаханы и сравнены с землей, что практически вывело их из научного оборота.

С открытием в этом же районе Карачаганакского месторождения разрушения приняли массовый характер. Строились трубопроводы, прокладывались автодороги, земли отводились под буровые и разведочные работы... Старожилы рассказывают, что буровые вышки ставились прямо на курганах... Слабый голос протеста Г.А.Кушаева в защиту археологических памятников не был услышан и автотрасса «Уральск Аксай» прошла по нескольким курганам, прямо по костям, безвозвратно разрушив целый комплекс памятников на территории Теректинского и Бурлинского районов. Вопросы культурного наследия и исторической памяти предков не беспокоили в советское время органы власти.

Поэтому практических исследований комплекса «Кырык - Оба» до 2001 года не проводилось. Было определено его месторасположение, и комплекс был включен в список памятников археологии местного значения под порядковым номером 250. Однако ни точных координат, ни полного описания всего комплекса не было. Уральские археологи Г.А.Кушаев и Б.Ф.Железчиков относили царские курганы в число самых крупных курганов в Евразии. Но отсутствие финансирования и ограниченные возможности местных археологов не позволили им в свое время начать изучение данного комплекса. Они ограничились раскопками ряда курганов у поселка Алебастрово, находившихся недалеко от курганов «Кырык - Оба»

С момента образования независимого и суверенного Казахстана возродилась тяга общества к историческому прошлому. Обращение к историческим и этническим корням, рост национальной культуры и отечественной истории обусловили возвращение внимания историков и археологов к уникальному памятнику древности – комплексу курганов «Кырык - Оба».

В 1998 году был образован общественный фонд науки и образования «Акжол», созданный доктором исторических наук, профессором Сдыковым М.Н. специально для защиты сохранности данного комплекса и начала его научного изучения, так как в конце 90-х годов наступила реальная угроза потери царских курганов.

В 1997 году было подписано Соглашение о разделе продукции по Карачаганакскому месторождению между правительством Республики Казахстан и совместным предприятием группы иностранных компаний КПО b.v. (современное название КИО – Карачаганакская интегрированная организация), в которую вошли крупнейшие мировые добытчики и разработчики нефти и газа «Аджип» (Италия), «Бритиш газ» (Великобритания), «Тексако» (США) и Лукойл (Российская Федерация). Это решение имело важное значение для социально – экономического развития Казахстана, так как предусматривало восстановление разработки и эксплуатации данного месторождения после периода упадка, вызванного крахом советской экономики. Были привлечены крупные иностранные инвестиции, созданы новые рабочие места, что благотворно отразилось на экономической жизни не только региона, но и всей республики.

Одной из важнейших задач 2-го этапа освоения и эксплуатации месторождения должно было стать строительство трубопровода

«Аксай – Большой Чаган - Атырау» для подключения к трассе Каспийского трубопроводного консорциума (КТК) с целью более эффективного использования всех возможностей нефтегазового комплекса Западного Казахстана. Однако при подготовке проекта трассы трубопровода не была проведена необходимая археологическая экспертиза. Поэтому в зоне строительства, по мнению уральских историков, оказалось более 100 археологических объектов, в том числе и комплекс царских курганов «Кырык Оба». Анализ проведенный доктором исторических наук, профессором Сдыковым М.И. и директором государственной инспекции по охране историко-культурного наследия Западно – Казахстанской области Раимкуловым Б. показал, что трасса проходит прямо по территории комплекса и в 70 метрах от главного царского кургана.

Несмотря на это первоначальный проект был согласован и прошел практически все инстанции. На неоднократные обращения к руководству КПО b.v. и к автору проекта

НИИ «Каспиймунайгаз» со стороны государственной инспекции по охране историко-культурного наследия Западно – Казахстанской области и общественного фонда, реальных сдвигов достигнуто не было. Профессор Сдыков М.И. писал письма и встречался с руководством КПО b.v., ведущими менеджерами, но ответ был один – проектная организация НИИ «Каспиймунайгаз» согласовала трассу трубопровода со всеми заинтересованными сторонами и каких – либо изменений в проект вноситься не будет. В официальной беседе Сдыкова М.И. с менеджером по строительству КПО Дж.П.Алберсом, было заявлено, что угрозы памятнику не существует. Возражения ученого о том, что царские курганы составляют единый комплекс и прохождение трассы между основными памятниками

уже есть нарушение его целостности, а значит, является нарушением действующего законодательства Республики Казахстан, были тогда оставлены без внимания. На организованных в том же году КПО b.v. общественных слушаниях в здании русского областного драматического театра с приглашением общественности области на вопрос об археологической экспертизе был вновь дан отрицательный ответ.

Таким образом, наступила вполне реальная угроза сохранности царских курганов и возросла возможность их потери. Именно тогда общественным фондом была начата кампания в защиту памятника «Кырык - Оба». Это была первая общественная акция, направленная на решение такой важной и социально-значимой проблемы как охрана культурного наследия. Напомним, что Государственная программа «Культурное наследие» будет принята только в 2004 году, поэтому современникам должны быть понятны те сложности и трудности, с которыми столкнулись инициаторы данной кампании в те времена.

В центральной газете «Казахстанская правда» в 1999 году была опубликована статья «Спят курганы темные», написанная учеными – историками, докторами наук, профессорами Сдыковым М.Н.(Уральск, Казахстан) и Железчиковым Б.Ф.(Волгоград, Россия), при активном участии известного казахстанского журналиста Доронина Г.Н. В ней авторы подняли голос в защиту комплекса «Кырык – Оба» и прямо заявили о возможности техногенного разрушения царских курганов в результате запланированного строительства трубопровода «Аксай – Большой Чаган - Атырау».

В статье говорилось о значении данного памятника для изучения древней истории Казахстана и о том, что к этой

проблеме «...к сожалению, отношение безразличное. Есть опасность их потери. Разве не существует Закона Республики Казахстан об охране памятников истории и культуры? Пока ни со стороны властей, ни со стороны иностранных фирм, работающих на месторождении, нет отклика на предложения ученых о необходимости первоначального изучения земель, попавших под промышленное строительство».

Ученые предлагали «... в Год поддержки культуры было бы справедливо выделить необходимые средства на проведение раскопок в этих древних курганах. Инвесторы Карачаганакского проекта имеют возможность делом доказать свою приверженность сохранению исторических, культурных, природных ценностей края, доверившего им свои сокровища. Самое время вспомнить о том, что Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев в своей книге «В потоке истории» отмечает необходимость бережного отношения к историческому прошлому, о полном восстановлении героической истории наших предков».

Статья вызвала значительный общественный резонанс, интерес к этой проблеме многих СМИ. Последовала целая серия публикаций в местной и республиканской прессе, ряд телепередач и интервью с учеными, которые решительно выступали с критикой проекта строительства, предлагая «отодвинуть» трассу трубопровода на 1,5 – 2 километра. К данной акции присоединились экологи, поставившие вопрос о защите природной среды. Активистами общественного фонда был проведен социологический опрос населения городов Уральск и Аксай, ряда населенных пунктов в зоне строительства трубопровода, который показал, что при общем понимании значимости трубопровода для экономики

страны, люди выступают за необходимость соблюдения законодательства Казахстана и уважение к культуре.

В результате всех предпринятых мероприятий руководство КПО b.v. приняло решение о внесении изменений в проект строительства трубопровода на участке, прилегающем к комплексу царских курганов «Кырык Оба». Трасса была отведена от главного кургана на 1,5 км.

Казалось бы, цель достигнута – царские курганы спасены. Но ученые изначально ставили проблему в более широком аспекте – достижение наиболее полного сохранения культурного наследия по всей трассе трубопровода.

И вновь обращение к руководству КПО. Приводим полностью текст этого письма, отправленного в КПО b.v. в г. Аксай 24 ноября 2000 года. (Опубликование полного текста очень важно, так как сейчас со стороны руководства КИО и отдельных чиновников распространяется мнение, что именно благодаря строительству трубопровода был обнаружен ряд памятников культурного наследия, в частности городище «Жайык». Письмо позволяет развеять эти домыслы.)

«Кому: мистеру Дубиссон Элиот – директору по разработке

Копии: Алберс Джерри/Сакко Энрико – менеджерам проекта

Дюсенбаеву Гумару Ислямовичу – акиму Бурлинского района

Уважаемый господин Дубиссон!

К Вам обращается президент общественного фонда поддержки и развития науки и образования «Акжол» профессор Сдыков М.Н. Мое письмо вызвано обеспокоенностью за судьбу историко-культурных памятников в зоне строительства трубопровода.

На наш взгляд, интересы КПО и фонда «Акжол» по данному вопросу должны быть урегулированы. Мы обратились за поддержкой в международные организации. Нами подготовлены материалы для направления в ряд ведущих газет мира, в том числе в США, Италии и Великобритании.

Думаем, что для КПО важно не создавать новых поводов для усиления негативного отношения значительной части населения области к проведению работ на Карачаганаке. Поскольку на сегодня уже существуют серьезные претензии к иностранным кампаниям со стороны общественности, как по их нежеланию привлекать к сотрудничеству местные организации и предприятия, так и по очевидным фактам ухудшения экологической ситуации. Поэтому уверен, что в случае несоблюдения с Вашей стороны надлежащего отношения к историко-культурному наследию, это вызовет широкий отрицательный общественный резонанс. В своей работе мы будем постоянно отслеживать ход строительства.

Во время общественных слушаний в Уральске 10 октября т.г. была достигнута договоренность с господином Д.Алберсом о встрече в г. Аксае. Главная тема – поиск совместного решения вопроса по сохранению и исследованию археологических памятников по трассе «Аксай – Большой Чаган - Атырау».

Ситуация очень сложная. По нашим сведениям более 150 курганов остались в зоне строительства согласно Вашего проекта. Вами внесены изменения на участке, прилегающем к царским курганам археологического комплекса «Кырык - Оба». Однако из 57 курганов еще более 40 курганов, расположенных от Аксая до Большого Чагана, остались под угрозой разрушения. На втором основном:

участке - от Большого Чагана до Атырау исследование, проведенное Вашей организацией и облинспекцией по охране памятников истории и культуры, мы оцениваем как недостаточное. В составе экспедиции не было ни одного специалиста – археолога, имеющего лицензию. Кроме того, законом Республики Казахстан «О сохранении историко – культурного наследия» установлена определенная процедура согласований, которая пока не выдержана в проекте трубопровода в полном объеме.

Поэтому мы вносим предложения по совместному сотрудничеству в решении существующих проблем. Наш фонд может провести полноценную археологическую экспертизу всей трассы трубопровода с участием высококвалифицированных специалистов и археологов.

С уважением, президент фонда М.Н.Сдыков»

После данного письма состоялась встреча с руководством КПО b.v., но она оказалась безрезультатной. Отказ в дополнительной археологической экспертизе всей трассы трубопровода был мотивирован заключением областной государственной инспекции по охране памятников истории и культуры (руководитель Мамаев Н.). В этом документе говорилось об отсутствии каких – либо серьезных археологических объектов в зоне строительства.

Такое заключение, данное государственной организацией, вызвало недоумение, так как археологов, имеющих открытый лист, дающий право на археологическое обследование, тогда в области не было. У общественного фонда был подписан договор с Институтом археологии им.А.Маргулана о совместном проведении обследования трассы трубопровода, в котором четко оговаривалось направление специалистов из Алматы в Уральск для проведения такой работы. Непосредственное обращение к

госинспекции и в управление культуры области (начальник – Умаргалиев М.К.), в ведении которых находятся все вопросы охраны памятников, подтвердили наши сомнения в отсутствии объективной позиции данных госорганов.

Поэтому, поставив под сомнение заключение инспекции по охране и в соответствии с действующим законодательством, фонд обратился в областную прокуратуру за разъяснением ситуации и юридической оценкой документа.

В письме областному прокурору Мамытову Б.М., которое было нами отправлено 5 марта 2001 года говорилось: « Строительство трубопровода предполагается начать в 2001 году. На стадии завершения составление проектных документов. Одним из требований к ним является сохранение исторических и культурных памятников в зоне строительства. За соблюдением интересов государства в этой части отвечает государственная инспекция по охране памятников истории и культуры. В соответствии с Законом Республики Казахстан от 2 июля 1992 года за № 1488 – XII «Об охране и использовании историко – культурного наследия» (с изменениями от 5.10.95 г.)» такое разрешение может быть дано только после соответствующей оценки со стороны ученых археологов. Заключение госинспекции, в котором говорится об отсутствии археологических памятников, мы считаем научно необоснованным, так как не привлекались специалисты – археологи и не имеется соответствующего акта археологической экспертизы.

В связи с этим, наш фонд как общественная организация, просит Вас дать разъяснение имеет ли полную законодательную силу разрешение госинспекции, в котором указано на отсутствие курганов, без привлечения

специалистов – археологов и акта археологического обследования всей трассы.»

Вопрос, поставленный нами перед прокуратурой, и сейчас является достаточно сложным. И связано это, в первую очередь, с несовершенством отечественного законодательства. Поэтому, в ответе прокуратуры, датированном 5 апреля того же года, не было дано однозначного ответа на наш вопрос. Правовая сторона проблемы имеет важное значение, и наши недостатки умело использовали юристы иностранных компаний. Но все-таки главную роль в утверждении неверного и ошибочного проекта трассы трубопровода сыграла позиция государственной инспекции по охране памятников истории и культуры. Цена этой ошибки – десятки разрушенных безвозвратно памятников археологии, которые были буквально «срыты» в ходе строительства траншей и прокладки труб. Цена этой ошибки – разрушение ряда объектов городища «Жайык», обнаруженного нами уже в ходе начавшегося строительства. (Открытие средневекового города, датируемого XIII – XV веками, непосредственно в зоне строительства полностью доказало нашу правоту и несостоятельность позиции госинспекции - !)

Оставался следующий путь – привлечение общественности к начавшемуся строительству с целью установление контроля за строительством трубопровода.

3 апреля 2001 года фондом были организованы первые альтернативные общественные слушания «Сохранение и защита историко-культурного наследия и окружающей среды в зоне строительства трубопровода «Аксай - Атырау». В них приняли участие многие заинтересованные организации, научная общественность, преподаватели и студенты вузов, учителя школ. Представители КПО b.v., приглашенные для

участия, на слушания не прибыли. Высказал свое мнение по данной проблеме директор Института археологии им. Маргулана Академии наук РК, доктор исторических наук, профессор, член – корреспондент НАН РК Байпаков К.М., один из самых известных и авторитетных казахстанских археологов. Он заявил о полной поддержке работы уральских ученых и общественного фонда по сохранению культурного наследия. И внес предложение о создании специальной программы археологических исследований на комплексе «Кырык - Оба».

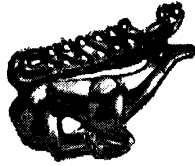
В резолюции, принятой участниками слушаний, перед общественным фондом была поставлена задача по разработке, совместно с Институтом археологии, программы научно – исследовательских работ по изучению комплекса царских курганов «Кырык -Оба». Участники обратились к акиму области с просьбой принять действенные меры по исполнению и соблюдению законодательства Республики Казахстан иностранными компаниями. При общественном фонде была создана группа из ученых – специалистов в области экологии, истории и археологии для проведения постоянного контроля над ходом строительства трубопровода.

Главным результатом всей проведенной работы общественным фондом науки и образования «Акжол» стала подготовка программы археологических работ. Уже 5 апреля авторы программы - Байпаков К.М. и Сдыков М.Н. представили ее акиму Западно-Казахстанской области Кушербаеву К.Е. Проект был поддержан. И, начиная с 2001 года, началось археологическое изучение комплекса «Кырык - Оба». Тогда же было заключен протокол между акиматом области и Институтом археологии о проведении археологических исследований на территории области.

для чего предусматривалось выделение средств из областного бюджета. Таким образом, цель была достигнута – уникальный памятник истории и культуры спасен от разрушения и положено начало его научному изучению.

Логика развития научных исследований культурного наследия в области привела к следующему важному решению – образованию самостроятельного научного центра, каковым стал Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии. Решение акима области от 22 февраля 2002 года стало днем рождения новой организации. Одним из основных направлений работы центра стала организация научного изучения комплекса царских курганов «Кырык - Оба».

Таким образом, деятельность общественной организации, каковым являлся фонд науки и образования, спасла от разрушения и техногенного воздействия уникальный памятник - комплекс царских курганов «Кырык оба» и способствовала возрождению археологических исследований в области. Теперь общественный фонд ставит задачу создания историко – культурного и природно – ландшафтного музея – заповедника под открытым небом «Степная пирамида».

3. «ЦАРСКИЕ» КУРГАНЫ КЫРЫК-ОБА: К ИСТОРИИ ПРОБЛЕМЫ

В археологическом отношении Западно-Казахстанская область представляет богатейший источник исторической информации, который в потенциале можно получить при исследовании памятников археологии. Область находится в центре Евразийского региона в том смысле, что именно ее территория является мостом между Европой и Азией, через который проходили культурные контакты и миграции древнего населения. Общеизвестно, что это место контактов и смешения народов, языков, цивилизаций и религий. И все это отражено в памятниках археологии, которые являются единственными источниками сведений о древнейших эпохах.

Свод памятников археологии Западно-Казахстанской области насчитывает около двух тысяч памятников культурного наследия.

На территории области древнейшие памятники относятся ко времени верхнего и среднего палеолита, такие как стоянка-мастерская Елукитау. В эпоху мезолита отмечается контакт

между населением Восточного Прикаспия и Северного Кавказа. В неолитическое время контакты отмечаются уже особенно отчетливо, западные районы области, вероятно, входили в зону проживания племен орловской неолитической культуры, распространенной в степях Волго-Уральского и Волго-Донского междуречий. На одной из стоянок каменного века на р.Деркул есть небольшая коллекция орловской керамики. Одна из наиболее известных энеолитических археологических культур Восточной Европы – хвалынская – находит свои истоки в прикаспийском регионе Западного Казахстана. Сменившая ее ямная культура эпохи ранней бронзы также оставила свои следы в Западном Казахстане, например в курганном могильнике Илекшар. Эпоха бронзы отмечена рядом памятников срубной и андроновской культур, которые также оставили после себя ряд курганов, в том числе, как можно предполагать по курганным насыпям в сопредельных регионах, «царских» размеров.

Степные курганы своими волнистыми изгибами на фоне неба пока еще достаточно часто нарушают плавное течение степи. Для одних людей они составляют неотъемлемую часть окружающего их пейзажа, для других, преимущественно горожан, эти курганы воспринимаются как часть естественного природного рельефа. И лишь немногие знают, что эти по большей части уже невысокие расплывшиеся бугорки являются ценнейшими свидетелями нашей истории, которые помогают ученым заглянуть в историю и культуру проживавшего здесь населения на протяжении нескольких последних тысяч лет.

Когда заговаривают об археологии, сразу же вспоминаются египетские пирамиды, древние города ацтеков и майя, погребенные в джунглях, античные руины Греции и Рима, легендарная Троя.

А что же у нас?

В Западно-Казахстанской области, таким объектом, который можно поставить в один ряд с наиболее значимыми и известными памятниками археологии являются «царские» курганы Кырык-Оба.

Курганы Кырык-Оба поражают своими монументальными размерами на фоне приуральской степи, отличающейся своим плавным, сглаженным рельефом. Даже самый «маленький» на фоне двух курганов курган № 3 в каком-либо месте приуральской степи казался бы гигантом, все же 90 метров в диаметре при 5 метрах высоты. Но здесь, на водоразделе реки Караобы и Урала, на фоне совершенно ровной степи он смотрится как какое-то маленькое дополнение к двум основным курганам, составляющим визуальную доминанту на водоразделе. Выбор места самого большого кургана № 1 отвечает всем классическим канонам расположения курганов. Это, во-первых, самая высокая точка над горизонтом и во-вторых, курган должен быть виден со стороны ближайшей реки. К юго-востоку от Кырык-Обы протекает небольшая речка Караоба. До кургана № 1 от неё минимум 10-12 км, но, тем не менее курган виден отлично и вполне мог быть в древности надежным ориентиром при перекочевках по долине реки.

В своих археологических выводах приходится быть достаточно осторожным, поскольку новые раскопки вносят постоянные уточнения в существующие научные схемы, а речь пока идет о частично исследованном памятнике, а три самых крупных кургана пока не подвергались раскопкам – желательно сохранить их первоначальный облик.

Большинство курганов распаиваются на протяжении многих десятилетий, в результате чего они практически полностью утрачивают свою насыпь. Курганы Кырык-

Обы составляют счастливое исключение и для них вполне приемлем термин «степные пирамиды». Например «сакскими пирамидами» уже давно называют царские курганы Бесшатыр в Семиречье.

Иногда курганы насыпаны в непосредственной близости от древних поселений, а в других случаях отнесены на десятки километров в степь. Все зависит от времени их сооружения. Самые древние курганы сооружались в пойме реки или неподалеку, на краю первой надпойменной террасы. Постепенно человек обживал все большие пространства степи, и к первому тысячелетию до нашей эры курганы насыпались даже на вершинах водоразделов за многие километры от источников воды. Именно к последним относятся курганы Кырык-Обы, хотя с берегов реки Караобы, как уже говорилось, они видны очень хорошо даже на значительном расстоянии. Их расположение на высоком водоразделе может косвенно указывать на время строительства.

Что наука понимает под термином курган? Само слово курган имеет тюркское происхождение и означает «холм», «горка». Курган это разновидность погребальных памятников. Представляет из себя округлую или продолговатую насыпь над погребением. Размеры и формы курганной насыпи сильно варьируют. Первоначально курганы представляли из себя сложные сооружения, типа Египетских пирамид. Курганы появились в евразийских степях уже в IV тысячелетии до н.э. и практически являются современниками пирамид Египта. Архитектура курганов в очень редких случаях подвергается реконструкции, так как в большинстве случаев при их сооружении использовались такие нестойкие во времени материалы как дерево и грунт. Позднейшие курганы датируются XIV-XV веками н.э.

В целом, принято считать, что курган – это остатки (развалины) конструктивно сложного архитектурного сооружения, включающего в себя погребальную камеру, ограду и насыпь (кладку из дерна или наброса камня), имевшего погребально обрядовую и ряд других функций. В плане сравнения курганами Кырык-Обы интересно отметить одну особенность сооружения курганов тагарской культуры раннего железного века (VII-III вв. до н.э.) в бассейне верхнего и среднего Енисея. Там при сооружении курганов активно использовался дерн. Блоки дерна укладывались рядами и перестилались прослойками глины и/или другого материала в качестве скрепляющего материала. Высказывается даже предположение, что кладка имела форму ступенчатой пирамиды (Герман П.В., 2003). Стенки грабительского лаза кургана 1 Кырык-Обы имеют полосчатую структуру и, возможно насыпь также сооружалась из дерновых блоков. Об этом свидетельствуют и результаты почвенного анализа, проведенного ранее коллективом исследователей из Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН под руководством д.б.н. В.А. Дёмкина. По результатам их исследований определено, что основная часть курганной насыпи представляет собой смесь гумусовых горизонтов древней почвы.

В волго-уральских степях курганы начали сооружать еще в IV тысячелетии до нашей эры (или около 6 тысяч лет назад), и тогда они имели совершенно иной вид, нежели привычные нам, чаще всего, небольшие плоские возвышенности. В принципе в кургане заложена та же самая идея, что и в каменных пирамидах Египта – сохранить нетронутым тело умершего знатного человека и показать его высокое положение в обществе (фараона на берегах Нила, вождя на берегах Волги или Урала). Но если каменные исполины оказались почти

неподвластны времени, то земляные курганы не устояли перед стихиями. Постоянное воздействие природной среды – дожди, ветра, сезонные колебания температур – приводило к постепенному разрушению земляной насыпи: она оплывала, становилась намного ниже и увеличивалась в диаметре. Но самый большой урон их облику принесла распашка степей, особенно когда стала использоваться мощная техника, и уже через 15–20 лет многие курганы превратились в светлые пятна на пашне.

Если говорить о предполагаемом времени сооружения курганов Кырык-Обы, то мы должны признать широкий хронологический диапазон возведения крупных курганов, которые мы можем с полным правом называть «степными пирамидами».

Первые курганы в Волго-Урале относятся к позднеэнеолитическому времени. По набору инвентаря и погребальному обряду захоронения в этих курганах мало чем отличались от энеолитических хвалынской культуры, совершаемых в грцнтовых могильниках. Данные подкурганные захоронения получили название бережновских, по имени курганного могильника у с.Бережновка в Волгоградском Заволжье. Эти курганы не отличались крупными размерами и сложностью погребальных конструкций – простая подпрямоугольная яма, ориентированная по сторонам света и бревенчатый накатник над ней. Бережновские захоронения как бы занимают промежуточное положение между энеолитической хвалынской культурой и раннебронзовой ямной (Дремов И.И., Юдин А.И., 1992).

В ямное время разные по величине курганы зафиксировали неоднородность населения в имущественном и социальном отношениях. Среди курганов ямной культуры уже встречаются

крупные, высотой до 6-8 метров. В Приуралье элитные ямные захоронения отличаются не только увеличением размеров курганов и могильных ям, усложнением их конструкции, но и разнообразием погребального инвентаря, и человеческими жертвоприношениями (Моргунова Н.Л., 1999).

Из раскопанных крупных курганов Волго-Уральских степей, самые крупные, которые могут претендовать на звание «степные пирамиды», это конечно Большие Утевские конца ранней бронзы и курган Золотой эпохи средней бронзы.

Большие Утевские курганы располагались у с.Утевка в Нефтеюганском районе Самарской области курганы были исследованы в 1972-1973 гг. Самый большой курган №1 имел диаметр в основании 110 метров и высоту около 4 метров. В кургане была найдена обширная могильная яма площадью 7 квадратных метров и глубиной 1,5 метра. Погребенный сопровождался набором выразительных медных предметов (нож-копье, тесло, шило, втульчатый стилет с железным навершием), каменным пестом, глиняным сосудом и двумя золотыми сережками подвесками. По расчетам автора раскопок, И.Б.Васильева для сооружения такого кургана требовалось 500 человек, которые должны были работать 80 дней (Кузнецов П.Ф., Плаксин А.В., 2004).

Курган Золотой самый большой курган Саратовской области. Он находится в Хвалынском районе, в 3 км к северо-востоку от ст. Дубовый Гай. У местных жителей он известен как курган “Золотой” Ранее рядом с курганом существовал хутор с тем же названием. Высота кургана около шести метров, а насыпь имеет диаметр в основании около 150 м. Курган сооружен на низкой и ровной террасе левого берега р. Терешки, и это как раз тот случай, когда искусственное происхождение насыпи не подвергается

сомнению даже последними скептиками – настолько она выразительна по отношению к другим курганам, большая часть которых сильно распахана. Через центр насыпи “Золотого” кургана в годы Великой Отечественной войны была проложена железнодорожная колея, которая разрезает курган почти до уровня дневной поверхности. По сведениям очевидцев, при строительстве дороги в насыпи попадались остатки истлевших бревен и какие-то кости красного цвета. Предполагалось, что, скорее всего, основное и самое интересное погребение затронуто не было. В 2005 году при прокладке второй линии железной дороги, насыпь кургана была практически полностью уничтожена. На следующий год Р.А.Мимоходом было проведено доследование кургана. Было найдено несколько впускных сарматских погребений, а основное погребение относилось к средней бронзе. По сведениям же местных жителей известно, что в 1950 году в северо-западной части насыпи копали яму под погреб и нашли небольшую (меньше метра) каменную “бабу” со сложенными на поясе руками и плоской шапочкой на голове. В древности такие каменные бабы венчали многие курганные насыпи. Те, которые сохранились до наших дней, теперь обычно выставляются во дворах краеведческих музеев.

Производят впечатление и многие курганы, обнаруженные в ходе археологических разведок в Волго-Уральском междуречье, особенно в юго-восточных, приграничных с Западным Казахстаном районах, т. е. там, где под пашню занята не вся степь, и даже небольшие курганы сохранились относительно неплохо. Некоторые крупные курганы, располагающиеся на возвышенных местах, видны за десятки километров, как, например, курганы на одной из вершин Синих Гор к юго-востоку от с. Чалыкла Озинского района или курганная группа на

горе Туетау к югу от п. Восточный в Дергачевском районе. Замечательный курган сохранился у с. Золотая Степь, он хорошо виден с шоссе Энгельс-Ершов, по левую сторону, на высоком сырте (все – в Саратовской обл.). Конечно, они тоже изрыты грабительскими ямами, а в насыпях курганов на горе Туетау хорошо видны следы пребывания здесь в годы Гражданской войны артиллерийской батареи.

Результаты раскопок последних десятилетий показали, что в Западном Казахстане есть курганы от самых ранних - ямных (Илекшар), срубных (Лебедевка IV-VIII) и алакульских (Илекшар-2, одиночный курган) до позднейших средневековых. Вероятно, наибольшее количество крупных курганов в Западно-Казахстанской области было построено в эпоху раннего железного века, после перехода местного населения к кочевому образу жизни, вызванного аридизацией климата в начале I тыс. до н.э. На территории области сменялись племена скифов, савроматов, сарматов, известных по письменным источникам, а также ряда археологических культур средневекового времени, которые уже хорошо сопоставляются с данными письменных источников. Общеизвестно, что территория Западно-Казахстанской области – своеобразный мост между Европой и Азией, часть Евразийского пояса степей и здесь происходили те же процессы, что и в степях от Причерноморья до Алтая.

Ранний железный век оставил после себя, пожалуй, наибольшее количество «царских» курганов. Само название «царский» естественно является чисто условным. Иногда оно означает размер курганной насыпи, а иногда – всего лишь содержание погребального инвентаря в могиле. Поскольку могилы очень часто подвергались ограблению ещё в древности, а грабили

погребения в наиболее крупных курганах, то более маленькие по размерам насыпи оставались нетронутыми. Вероятно, эту закономерность отметили еще в древности и результатом этого явились очень богатые захоронения в совершенно невыразительных, маленьких курганах. Например, одно из самых богатых погребений в Нижнем Поволжье, из исследованных в конце прошлого века, было обнаружено в кургане, который имел диаметр всего 26 метров при высоте 0,39-0,63 метра. Курган № 13 из курганной группы у с. Большая Дмитриевка в Саратовском Правобережье, которую начал исследовать И.А.Волков ещё в 1967-1988 годах, содержал два погребения. Основное, вероятно эпохи бронзы, было полностью ограблено еще в древности. Впускное, погребение в поле насыпи, позднесарматского времени, сохранилось непотревоженным. Женское погребение содержало золотые и серебряные украшения (серьги, кулоны, пронизки), янтарные и хрустальные бусы и подвески, стеклянную фиалу, костяной гребень, серебряную шкатулку, бронзовое зеркало и многие другие предметы, происходящие из среднеазиатских, северопричерноморских и западноримских ремесленных мастерских (Матюхин А.Д., Ляхов С.В., 1991)..

Собственно и одно из наиболее известных захоронений «золотой женщины» из Лебедевки III было совершено в кургане 6 диаметром 30 метров и высотой 2,25 м, что для местных курганов не является слишком большим размером, хотя этот и являлся самым крупным в данной группе. А ведь здесь было обнаружено, пожалуй, самое богатое захоронение на территории области, также отличающееся наличием набора богатых женских украшений и жреческих атрибутов (Скифы Западного. ., 2007).

Курганы страдали раньше от ограблений, но все же не в такой степени, как сейчас, когда на поля пришла мощная техника и от распашки курган спасают или очень крутые полы или установленный на его вершине геодезический знак. Да и грабители, увы, пока не канули в лету. Если курган не распахивается, то на его поверхности часто можно видеть заплывшие и заросшие ямы, которые, как оспа, покрывают центральную часть насыпи. Это следы старых грабительских раскопок. Все три кургана Кырык-Обы «украшены» глубокими воронками, а в кургане 1 есть еще и совсем свежий грабительский шурф, достигавший глубины 6 метров.

Получается, что современные грабительские раскопки обычно безрезультатны: драгоценности не обнаружены, а то, что составляет истинную цену – информация о жизни наших предков, которую можно извлечь из захоронений, – безвозвратно утрачена. И в наше время предпринимаются попытки грабительских раскопок, обычно с помощью бульдозера, но с тем же самым результатом: никакого клада, естественно, нет; впускные погребения в насыпи уничтожены (их даже и не заметили под гусеницами), а до основного погребения, ради которого насыпался курган, бульдозером добраться практически невозможно.

Не миновала сия участь и курганы Кырык-Обы. Практически полностью запаханы рвы вокруг курганов № 2 и 3. На всех трех насыпях видны грабительские воронки с колоссальным объемом вынутого грунта. Воронка на кургане 1 имеет диаметр около 30 метров при глубине свыше 6 метров. Грунт, вынутый из этой воронки, по своему объему превышает объем многих курганов, например насыпи над «золотой женщиной» из Лебедевки. Утешает только то, что не всегда грабители попадали именно на

погребение и в любом случае остаются шансы найти какое-нибудь сопровождающее погребение или незамеченные грабителями предметы погребального инвентаря.

Пока мы можем только строить догадки, что содержат курганы Кырык-Обы, но в степной зоне Евразии есть немало исследованных «Царских курганов», по которым можно предположить каким массивом исторической информации располагают курганы Кырык-Обы. Ближайшие курганы из исследованных в последние годы – Филипповские курганы в Оренбуржье. На территории Казахстана это широко известная группа Бешатыр. Далее на восток – это курганы Аржан и Архан 2 на Алтае. На Северном Кавказе – Большие Майкопские курганы, Большой Ипатовский курган. И конечно, это всемирно известные скифские курганы Северного Причерноморья. Сооружены они в разные эпохи, но, несмотря на это обладают рядом общих черт.

Даже если в курганах нет находок – а большие курганы чаще всего грабили уже в древности – все равно это ценнейший архитектурный источник, есть даже термин «курганная архитектура». Устройство могилы в какой-то мере помогает реконструировать реальные жилища населения, возводившего курганы, или реконструировать их идеологические представления.

Древнейшими из названных будут, конечно, Большие Майкопские курганы. Название, как и термины «царские курганы», «степные пирамиды» достаточно условное. Название получено по Майкопскому кургану, исследованному Н.И.Веселовским в 1897 году. Крупная погребальная камера, была разделена деревянными перегородками на три части, по числу погребенных. Насыпь кургана достигала 10 метров высоты, а погребальный инвентарь был настолько богат,

разнообразен, выразителен, что по этому кургану была названа культура.

В дальнейшем оказалось, что архитектура майкопских курганов отличается значительным разнообразием, например сложную архитектуру имеют большие майкопские курганы у сел Заманкул и Брут в Республике Северная Осетия – Алания (Кореневский С.Н., Ростунов В.Л., 2004). По калиброванным радиоуглеродным датам время этих курганов определяется в пределах первой половины – третьей четверти IV тыс. до н.э., то есть, даже ранее египетских пирамид. В кургане 3 у с.Брут могильная яма имела необычную подтрапещевидную форму, а вокруг неё был выложен каменный бордюр. В кургане прослежены четыре насыпи. Первая насыпь сооружена из черного гумусированного грунта. Высота ее была немногим больше трех метров. Затем эта насыпь была покрыта слоем желтой материковой глины толщиной 30-40 см, который был утрамбован. Над слоем глины через небольшой промежуток времени была сооружена вторая насыпь из черного гумусированного грунта и высота кургана достигла пяти метров. Эта вторая насыпь также была перекрыта слоем утрамбованной материковой глиной толщиной 30-40 см. После этого с трех сторон кургана была возведена платформа в форме полумесяца. Затем над курганом была возведена третья насыпь и опять из чернозема. И только последняя насыпь, возводившаяся для реконструкции кургана после образования воронки в центре насыпи из-за разрушения надмогильного перекрытия, уже насыпалась из перемешанного грунта.

Архитектура еще одного кургана (курган 1 у с.Заманкул) интересна тем, что в его конструкции кроме земли использовался камень. Стенки могильной ямы были

обложены камнем, а сама она была перерыта бревнами в два ряда. Края насыпи были укреплены кромlexом шириной почти в четыре метра. Низ кромlexа сложен из крупных окатанных булыжников диаметром 40-60 см, а верхняя часть достраивалась из менее крупных камней.

Но наиболее сложной оказалась архитектура кургана 2 у с.Заманкул. Первоначальная курганная насыпь высотой около 5,7 метров и диаметром основания около 44 метров представляла собой конструкцию, похожую на усеченный конус со ступенями, а также спиральным подъемом наверх. Винтовой подъем начинался как пологая терраса, опоясывал центр кургана и почти замыкал круг. Терраса имела спиралевидную форму и не доходила до вершины. Вторая, верхняя часть кургана имела вид усеченного конуса, заканчивавшегося плоской горизонтальной площадкой подпрямоугольной формы. Предполагается, что в западной части конуса могли быть ступеньки, ведущие на верхнюю площадку.

В последнее время широкую известность получило исследование Большого Ипатовского кургана на Ставрополье, который по своим размерам почти в два раза меньше с большого кургана Кырык-Обы, но представляет чрезвычайный интерес из-за своей архитектурной конструкции. Ипатовский курган имел высоту 7-8 метров и диаметр 70 м. Первая насыпь была возведена в IV тыс. до н.э., на рубеже энеолита-ранней бронзы. Затем в него совершались подзахоронения майкопской и катакомбной культур, насыпь кургана периодически увеличивалась. На вершине кургана было обнаружено богатейшее погребение сарматской «принцессы» в конце I тыс. до.э. Последними, уже без досыпок курган использовали ногайцы в начале XIX

века, захоронив там 150 соплеменников. Всего в кургане исследовано 195 погребений и прослежено 11 насыпей (Кореневский С.Н, 2007; Кореневский С.Н. и др., 2007). Курган функционировал больше шести тысяч лет!

Всплеск курганного строительства приходится на рубеж средней и поздней бронзы, когда в Южном Приуралье и Западном Казахстане проживало синташтинское население, погребальная курганная и поселенческая «протогородская» архитектура которого отличалась своей продуманностью и сложными инженерными решениями, что сразу привлекло внимание исследователей, так как в местных культурах предшествующего времени они известны не были.

Характерной особенностью погребальной архитектуры синташтинских некрополей эпохи бронзы является широкое использование дерева как материала для сооружений перекрытий и облицовки стенок обширных погребальных камер. Над могилой также могли сооружать ложно-сводчатые купола из глинобитных блоков. Сложная и даже избыточная архитектура некоторых многокамерных могильных ям заставляют исследователей предполагать, что их сооружение отражает некий неизвестный нам миф, выраженный средствами архитектуры (Зданович Д.Г., 1995; Зданович Д.Г. и др., 2002). Интересна реконструкция первоначального облика Большого Синташтинского кургана. Погребальный комплекс состоял из камеры размерами 3х3,5 м из крупных бревен, перекрытых бревенчатым же накатом. Над ней была сооружена квадратная платформы 36х36 м, высотой 1,5 м. Над платформой возвышался купол толоса диаметром 18 м и высотой 3 м. Все сооружение было окружено стеной такой же высоты как и платформа диаметром 72 м, сложенной из грунта, и рвом (Генинг В.Ф. и др., 1992).

Правда, с такой реконструкцией не согласен К.К.Быструшкин. Он считает, что в Большом Синташтинском кургане не было квадратной платформы, а был круг радиусом до 19 м. Но похоже замена квадратной платформы круглой нужна была исследователю для его космологических построений. По его мнению, Большой Синташтинский курган представляет собой объект космологической литературы – Круг Земной, а расположенное рядом городище Синташта, круглое в плане – Круг Небесный. Городище Аркаим, имеющее двойную кольцевую структуру, символизирует совмещение этих двух Кругов. Отсюда сделан вывод: Аркаим – космос до разделения земли и неба, первородный древний мир, а Синташта – космос после разделения Земли и Неба, наш эволюционирующий мир (Быструшкин К.К., 2003).

В принципе и Кырык-Оба вполне можно рассматривать через призму космологической архитектуры, учитывая отмеченные закономерности в расположении курганов 1 и 2 – по линии восток – запад, батоны расположены по линии север-юг, со смещением, близким к линии магнитного склонения. Правда теория К.К.Быструшкина была подвергнута резкой и справедливой критике со стороны Д.Н.Верхотурова, который не согласен с тем, что городища «страны городов» строились исключительно исходя из космологических соображений, без всякой связи с хозяйством, металлургическим производством и оборонительным назначением (Верхотуров Д.Н., 2007).

Представляется более верной трактовка таких сооружений, как Большой Синташтинский курган, Большой Бесшатырский курган, Аржан и др. просто как проявление солярной символики в идеологии населения, строившего эти курганы (Кукушкин И.А., 2004).

Традиция создания сложных архитектурных погребальных сооружений с использованием соляной символики получила свое дальнейшее развитие в раннем железном веке. В 1971-74 гг. на севере республики Тыва, в Уюкской котловине М.П.Грязновым и М.Х.Маннай-оолом был исследован теперь всемирно известный курган Аржан-1.

Курган Аржан-1 имел примечательную конструкцию. В основании кургана была каменная платформа, а на ней – деревянные клетки с расходящимися коридорами лучами. Курган был разграблен, но удалось установить, что в могильнике диаметром 70 метров, находилось 29 комплексов, в которых были погребены 15 человеческих и 13 лошадиных останков. Найденные более 9 тысяч украшений, предметов обихода и конская упряжь помогли определить ранее время появления скифов – в конце IX – начале VIII вв. до н.э.

В 1998 году российско-германской экспедицией там же было начато исследование кургана Аржан II. В отличие от первого кургана Аржан II был сооружен в основном из камня. Круглая постройка диаметром 80 метров была сооружена из каменных плит, перекрыта слоем глины, окружена каменной оградой и облицована вертикально уложенными каменными плитами. В кургане обнаружено непо потревоженное захоронение раннескифского времени. Крупная могильная яма (5,5 x 4,5 м и глубиной более 4 м) содержала погребальную камеру с двойными бревенчатыми стенами. Внешний сруб имел десять венцов и был перекрыт накатом из 24 бревен. Внутренний сруб, сооруженный из более крупных бревен, имел шесть венцов и перекрыт 11 бревнами. Пол камеры был устлан досками. Внутренняя поверхность камеры тщательно отёсана. Со временем оба перекрытия просели, через щели внутрь

сруба просыпалось немного глины, но большая часть могилы на момент исследования грунтом заполнена не была (Чугунов К.В. и др., 2002).

Интересно, что особенности сооружения элитных курганов раннескифского времени прослеживаются ещё в синташтинских памятниках. Полагают, что традиция сооружения элитных курганов была воспринята «древнейшими скифами» от предшествующего индоиранского населения андроновской этнокультурной общности. Параллели проводят между наземными конструкциями кургана Аржан и курганом-храмом Синташты, сооруженном на месте первоначального погребального комплекса с толосом. На втором этапе существования Большого Синташтинского кургана он был перестроен в храм-святилище. Храм представлял из себя 9-ярусную ступенчатую пирамиду диаметром 72 метра и первоначальной высотой 9 м. Основу храма составляли деревянные клетки в несколько венцов, расположенные концентрическими кругами попарно таким образом, что каждый последующий ряд укладывался отступая от края предыдущего. Внутреннее пространство кургана и клетки заполнялись связками камыша и грунтом. На верхней площадке диаметром 24 м реконструируется купол, на вершине которого по версии авторов раскопок был установлен столб. Ступени пирамиды и верхняя площадка использовались для ритуальных действий. Отмечается, что деревянная платформа Аржана также сделана из расположенных по трем ярусам и некоторых случаях совмещенных попарно клеток и это представляет собой как бы «спрессованную проекцию» Большого Синташтинского кургана-храма, что свидетельствует не только о преемственности между ними, но и о трансформации культурной традиции (Савинов Д.Г., 1994).

В упоминавшемся выше Царевом Кургане, несмотря на неоднократные ограбления, удалось также реконструировать курганную архитектуру. Курган был насыпан над внушительной по размерам могильной ямой, площадь которой достигала 100 квадратных метров. Могила была перекрыта накатом, достигавшим в некоторых местах семи рядов. Стенки могильной ямы были укреплены досками, а в двух углах погребальной камеры были сделаны нары для сосудов с сопроводительной пищей. Хотя после неоднократных ограблений погребальный инвентарь не сохранился, размеры кургана и особенности его сложной конструкции указывают на скифо-сарматское время его сооружения.

В широко известных Пазырыкских курганах получены данные о конструкции могилы и архитектуре курганов, сложенных по преимуществу из камня. Могильная яма кургана 1 имела площадь в 52 кв. м и глубину 4 м. Погребальная камера имела двойные стены (внутри доски, снаружи брёвна), пол и потолок. Пространство между стенами было заполнено дробленным камнем, из камня же сооружена насыпь. Поверх потолка в могильную яму опущено свыше 300 брёвен средней толщины.

Широкое распространение в раннем железном веке получили шатровые подкурганные сооружения над могилой. Вокруг могильной ямы сооружался кольцевой валик из вынутого из могилы материкового грунта. На этот валик радиально (концами к центру) укладывались бревна в один ряд. Над центром могилы одним концом бревна упирались друг в друга и были приподняты на 1,5-2 метра над уровнем древней дневной поверхности, а другим лежали на грунте. Конструкция представляла собой низкое шатровое покрытие высотой около 2 м или платформу над центральной могилой

в кургане. Деревянное сооружение сначала поджигалось с нескольких сторон и лишь затем над частично сгоревшими деревянными конструкциями возводилась земляная насыпь. Как полагают исследователи, традиция сооружения низких шатровых вымоствок на кольцевом вале вокруг центрального погребения является эпохальным явлением, отмеченным во многих культурах скифского времени севера евразийских степей (савроматской, раннепрохоровской, саргатской, гороховской и т.д.). Эта традиция распространилась от северного Причерноморья до Северного Казахстана и лесостепи Западной Сибири при возведении элитарных курганов воинской знати (Фролов Я.В., Шамшин А.Б., 1999).

Несколько типов интересных шатровых конструкций было исследовано на левом берегу р. Илек в Актюбинской области в 1973-1974 и 1976 гг. в могильниках Бесоба и Сынтас. Выделяется курган 10 с деревянной постройкой прямоугольной формы, впущенной в неглубокую яму. Он явно тяготел к двум большим курганам 9 и 11, составляя с ними единый комплекс. Бревенчатые стены постройки удерживались вертикальными столбами. Постройка была подожжена и затем долго тлела под толстым слоем земли. Человеческого погребения не было, но сохранились кости жертвенной лошади, фрагменты глиняного сосуда, остатки железной конской узды и акинака. По мнению автора раскопок, в данном случае мы имеем дело со святилищем, которое было связано с похоронами знатных людей в больших курганах.

Отмечено, что наиболее распространенным видом погребального обряда в больших курганах Бесобы и Сынтаса являются захоронения на древнем горизонте в крупных и нередко сложных по конструкции деревянных

постройках. Выявлено несколько типов монументальных бревенчатых построек из сосны и тополя: шатер или деревянная конструкция в форме цилиндра, опорой для которой служили земляной вал или деревянная рамноугольник. В кургане 3 (Бесоба) шатер из нетолстых бревен опирался на невысокий вал, образованный выкидом земли при углублении круглой погребальной площадки.

Данные гробницы принадлежат к числу самых больших наземных культовых построек из исследованных на Илеке - площадь шатра жрицы из кургана 3 Бесоба равнялась 227 кв. м, а в гробнице кургана 4 она достигала 240 кв. м. Близкие по конструкции шатры известны в Северном Казахстане, на среднем Дону, в раннесарматских курганах Южного Приуралья, в Западной Сибири. Но там они перекрывали грунтовые могильные ямы, а илекские шатры возводились как дома мертвых над погребениями на древнем горизонте. М.К.Кадырбаев отмечает, что все шатровые постройки заключали погребения представителей родоплеменной знати.

Особенными размерами отличались восьмигранные гробницы. Под земляной насыпью трехметровой высоты кургана 9 (Бесоба) вскрыта усыпальница общей площадью 112 кв. м, тогда как площадь самой большой «царской» усыпальницы Бешшатыра в Семиречье составляет менее 30 кв. м. Восьмигранную усыпальницу и коридор-дромос заложили бревнами, затем гробницу и все пространство вокруг нее площадью 380 кв. м укрыли мощным слоем тополевых веток и сверху возвели земляную насыпь. Курганы датируются концом VI - V в. до н. э. (Кадырбаев М.К., 1984).

Вероятно, шатровое или ложношатровое перекрытие было сооружено над курганом 1 в могильнике Покровка

2 на левобережном Илеке в Оренбургской области. Как полагают авторы раскопок В.Л.Егорова и Л.Т.Яблонский площадка будущего кургана первоначально была сnivelирована и выстлана слоем камыша. Затем был насыпан земляной вал, поверхность которого укрепили слоем утрамбованного материкового суглинка желтого цвета. Ров отсутствовал, курган насыпали из почвенного слоя. После сооружения вала поверх камыша уложили бревна деревянного наземного сооружения, округлого в плане и диаметром до 24 м. Бревна диаметром 12-15 см были уложены не менее, чем в 5 слоев. По отношению к центру площадки бревна располагались радиально. Скорее всего, бревна лишь имитировали конусовидное сооружение и опирались вершинами на кучу хвороста. Следовательно, погребенный еще до строительства деревянного сооружения был положен на поверхность материка и присыпан грунтом. Поверх бревен уложили слой коры, все это сооружение подожгли и центральная его часть выгорела почти полностью. Насыпь сооружалась над непогасшим еще погребальным костром. Предполагается, что данный курган мог нести вторую семантическую нагрузку и являлся не просто погребальным, но и культовым сооружением (святилищем). Датируется данное погребение VI- началом V в. до н.э. (Веддер Д. и др., 1993).

Очень выразительна архитектура скифских курганов Северного Причерноморья, где для сооружения гробниц использовался камень. Знаменитый курган Куль-Оба под Керчью содержал под насыпью каменный склеп в виде квадратной камеры площадью около 20 кв. м. Склеп был сложен из огромных известняковых блоков, тщательно отёсанных и пригнанных друг к другу. Свод камеры был

устроен в виде ступенчатой пирамиды: каждый верхний ряд камней немного выступал над нижним.

Сложная курганная архитектура была прослежена при исследовании И.А.Забелиным в 1862-1863 годах не менее знаменитого Чертомлыцкого кургана. Высота кургана достигала 20 м, а диаметр – около 350 м. Погребальная камера достигала глубины 12 м от уровня материка и представляла из себя сложное сооружение: от каждого угла центральной могилы отходили ниши, в трех из них были также совершены захоронения. Таким же сложным было подкурганное устройство и в еще одном широко известном памятнике – кургане Солоха, раскопанном Н.В.Веселовским в 1912-1913 годах. Вначале в кургане было исследовано разграбленное погребение, совершенное в могильной яме площадью около 27 квадратных метров и глубиной до 6 метров. Судя по остаткам погребального инвентаря, здесь была похоронена знатная скифская женщина. Продолжив раскопки, А.Н.Веселовский обнаруживает второе царское погребение, которое было абсолютно нетронутое. Гробница представляла собой сложное подземное сооружение, включавшее шахту, коридор-дромос и погребальную камеру с тремя боковыми нишами.

Аналогичная конструкция была прослежена и в царском кургане группы «Пять братьев» на Нижнем Дону. В конце 50-х годов прошлого века здесь проводил исследования В.П.Шилов. Могильный склеп квадратной формы был сложен из необработанных блоков известняка и перекрыт накатом из толстых дубовых бревен диаметром до 0,6 м. К склепу примыкал длинный коридор-дромос.

Из курганов с каменными усыпальницами следует упомянуть еще Царский курган близ Керчи, также отличающийся своими размерами. Диаметр кургана 250

метров, а высота – 17. Внутрь кургана ведет каменный коридор длиной 36 метров и высотой 7 метров. Коридор выходит в квадратную погребальную камеру.

Не менее сложной была погребальная конструкция в Золотом кургане близ той же Керчи. Под насыпью были открыты три каменных склепа. Круглая погребальная камера главного склепа была сложена из 17 рядов тёсаного известняка и завершалась уступчатым куполом. Курган был насыпан из рваного (бутового) камня и полностью облицован подогнанными друг к другу каменными блоками. Из всех курганов именно этот Золотой курган больше всего походит на египетские пирамиды.

Территориально из крупных курганов наиболее близки к Кырык-Обе Филипповские «царские» курганы на юге Оренбургской области. Один из них раскопан А.Х.Пшеничноком в 1987-1988 гг. Курган имел диаметр около 100 метров и высоту более 9 метров и чрезвычайно большую могильную яму – 19 x 21 м глубиной 2 м. В могилу вел длинный (17,5 м) коридор-дромос, вход в могилу был оформлен в виде дверей, опиравшихся на толстые деревянные столбы. Над могильной ямой была сооружена деревянная конструкция шатрообразной формы со стенами из толстых бревен. Дромос также был перекрыт бревнами.

Курган был неоднократно ограблен, о чем свидетельствовали грабительские ходы в насыпи. Причем грабители дважды проникали в камеру, когда она была еще полой, не заполненной землей. Тем не менее, в кургане было обнаружено около тысячи различных предметов, по которым определено скифское время совершения захоронения. Проведенная реконструкция первоначального вида кургана показала, что он представлял собой сооружение диаметром 70-80 м., и высотой не менее 15-20 м.

Еще один царский курган (№ 4) в группе Филипповка был исследован в 2006 году Л.Т.Яблонским. Под насыпью кургана также прослежена сложная деревянная конструкция перекрытия погребальной камеры, которая состояла из бревен, уложенных в радиальном направлении в 7-10 слоев и затем сожженных. Три впускных захоронения кургана, синхронных основному, оказались не потревоженными грабителями, что является достаточно редким случаем. Основное погребение располагалось под центральной частью насыпи в виде большой подпрямоугольной ямы с коридорообразным дромосом. В центре погребальной камеры находился подквадратный глинобитный жертвенник-очаг. Погребенные, в специальных гробовинах с крышками располагались попарно вокруг очага. Погребение было ограблено лишь частично. Все погребения содержали богатые наборы парадного оружия, украшений и предметов конской упряжи, выполненных в зверином стиле. Исследователь подчеркивает особое научное значение материалов кургана 4 Филипповского могильника – драгоценные находки в нем имеют аналогии в других курганах могильника, в том числе и в «царском» кургане 1 и происходят из «закрытых» археологических комплексов, не потревоженных грабителями (Яблонский Л.Т., 2007).

Чиликтинский курган, содержащий сакское погребение VII-VI вв. до н.э. и исследованный С.С.Черниковым в Восточном Казахстане, имел 66 метров в диаметре при 6 метрах высоты. Как и почти все крупные курганы он был ограблен в древности, но конструкцию могильной ямы удалось восстановить. В центре кургана, под насыпью находилась могильная яма размерами 7,1 x 8,3 м и глубиной около 1 м. В могильную

яму была опущена деревянная конструкция размером 4,8 х 4, м, сложенная из двух рядов лиственниц и перекрытая сверху бревенчатым накатом.

И конечно в плане сравнения нельзя не упомянуть о «сакских пирамидах» Царских курганах Бесшатыр, которые составляют одну из достопримечательностей Национального парка «Алтын-Эмель» в 200 километрах восточнее г.Алматы. Самый крупный из курганов имеет диаметр 105 м и высоту 17 м. Курганы опоясаны валами, полукольцами врытых вертикально каменных плит. Насыпи курганов в виде усеченного конуса сложены из камня и гравия. Погребальные усыпальницы возводились из бревен тянь-шаньской ели, к ним вели коридоры-дромосы. Под курганом № 6 обнаружены ходы, вырытые в коренной породе на два метра ниже пола могильной камеры общей длиной 55 м.

Естественно, что наибольшие параллели при исследовании Кырык-Обы мы вправе ожидать с курганами Кырык-Обы II. Три предложенные реконструкции наземных погребальных сооружений из сырцового кирпича и дерева для кургана 19 похоже восходят своими истоками к Большому Синташтинскому кургану, а традиция сжигать деревянные конструкции после совершения погребального обряда имела широкое распространение в погребениях шатрового типа скифского времени. Значительно более крупные «царские» курганы Кырык-Обы позволяют надеяться, что для верхушки общества, погребенной в них были сооружены еще более интересные в архитектурном отношении могильные склепы-усыпальницы.

Таким образом, проведенный краткий обзор крупных и элитных курганов степей Евразии, показывает, что

наиболее вероятно отнесение Кырык-Обы к скифскому времени раннего железного века.

По данным А.К.Акишева большая часть из 350-ти элитарных курганов юга Казахстана (Северный-Тянь-Шань) сооружено не более чем за 400-500 лет. Сооружение таких элитарных курганов стало возможным при достаточно высоком уровне развития социума, его властных структур и при строго организованной военно-политической системе, при массовой фанатичной приверженности религиозно-идеологическим догмам (Акишев К.А., 1994). Еще более узкими хронологическими рамками определяют время возведения царских курганов в Европейской Скифии (Солоха, Чертомлык, Огуз, Александрополь) - конец V-IV вв. до н.э. (Алексеев А.Ю., 1994).

Древние погребения в курганах содержат очень ценный материал для историков. В идеологических представлениях первобытных людей обязательно существовало понятие о загробном мире, и многие народы старались обеспечить умершему сородичу достойное продолжение жизни. Самый яркий пример – погребения уже неоднократно упоминавшихся египетских фараонов со всем домашним скarbом и слугами, представленные в виде скульптурных или живописных изображений.

Для скифских царских курганов Причерноморья предполагается существование регламентации при сооружении курганов – когда каждому социальному уровню соответствовали определенные стандарты – строго определенное количество повозок дерновых блоков (Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е., 1994).

В погребениях из наших курганов наблюдается та же картина, правда состав сопроводительного погребального инвентаря соответствует уровню развития материальной

культуры. Уровень же жизни большей части степного населения в бронзовом и раннем железном веках был не настолько высок, чтобы можно было безболезненно изъять большое количество вещей из мира живых для мертвых. Поэтому большинство погребений не содержит каких-то особых сокровищ, хотя периодически археологам улыбается удача и они получают в свое распоряжение курганы типа Кырык-Обы II и Лебедевки, являвшийся некрополями как рядовых общинников, так и воинско-жреческой знати скифского времени, со всеми сопутствующими атрибутами: сложные надмогильные деревянные конструкции, сопровождающие человеческие жертвы, захоронения лошадей, устройство камерных могил, особые виды парадного погребального инвентаря. Нетрудно заметить, что подобный набор признаков отмечается для всех престижных захоронений раннего железного века Евразийского пояса степей с весьма незначительными вариациями.

Сказанное в полной мере относится и к курганам Кырык-Обы. Ведь если даже относительно небольшие курганы Кырык-Обы II (за исключением кургана № 11) дали потрясающие материалы скифского времени, то что же будет в больших курганах Кырык-Обы? Здесь мы также вправе рассчитывать на «царские» захоронения.

Как видно из приведенного краткого обзора типов погребальных конструкций, при всей их мегалитичности, на разных территориях они имеют свои особенности как в выборе материала для сооружения (камень, бут, земля, дерновые блоки, сырцовые кирпичи, дерево), так и способах сооружения могильных камер, что собственно и позволяет говорить о разных археологических культурах и соответственно народах.

Учитывая отсутствие подходящего строительного камня, результаты палеопочвенных и палеомагнитных исследований, а также культурные традиции населения, о которых стало известно после проведенных в последние годы раскопках на Кырык-Обе II, Лебедевских и Илекшарских могильниках, можно предполагать что «царские» курганы Кырык-Оба также будут сооружены из сырца и дерева, а насыпь сложена из дерновых блоков и обложена песчаниковыми плитками (на кургане 1).

Для культур кочевников Евразийских степей фиксируется одна закономерность – грандиозные погребальные сооружения строятся на раннем этапе формирования культуры, относится ли это к культурам бронзы (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2005) или раннего железного века (Кукушкин И.А., 2004).

Считается, что формирование раннесарматской культуры проходило в Южном Приуралье, когда её некоторые признаки отмечены уже в V в. до н.э. в памятниках местной «савроматской» культуры. Во второй половине IV в. до н.э. здесь полностью сложилась раннесарматская (прохоровская) культура. На рубеже IV-III вв. до н.э. начались процессы миграции раннесарматского населения в Заволжье и степи Волго-Донского междуречья. Исследования в бассейне р.Урал поставили новую проблему – насколько далеко на юг распространялись савроматские и сарматские памятники. Экспедициями ИА АН СССР был или исследованы курганные группы в районе с.Лебедёвка Чингарлаусского района Западно-Казахстанской области. Были исследованы погребения савроматского, раннесарматского и позднесарматского времени (Мошкова М.Г., 1974; Мошкова М.Г., Кушаев Г.А. 1973). Исследование памятников на условной границе

Европы и Азии и прилегающих районах вызвали острую научную дискуссию в начале 80-х годов прошлого века о существовании одной или двух синхронных савроматских культур – одной в восточной части (Южное Приуралье) и второй в западой (Нижнее Поволжье и Волго-Донское междуречье). Проведенные полевые и камеральные исследования подтвердили существование двух близкородственных культур.

Однако проведенные полевые исследования на территории Западного Казахстана уже в XXI веке показали более сложную картину культурно-исторических процессов в первом тысячелетии до н.э. в степном коридоре Европа-Азия. Оказалось, что культурные связи населения Южного Урала простираются как на юг (низовья Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи), так и на запад (территория лесостепной Украины и Северного Кавказа). Анализ предметов материальной культуры показал участие скифов в генезисе культуры ранних кочевников Южного Приуралья (Гуцалов С.Ю., 2003; он же, 2004). Культура рядовых кочевников Южного Приуралья близка культуре населения Нижнего Поволжья. Воинско-жреческая элита в материальной культуре имеет многие параллели со скифами территории Украины и Северного Кавказа, а с другой стороны – с культурой саков и массагетов Приаралья. Местное население сформировалось из двух потоков мигрантов и группы аборигенного населения.

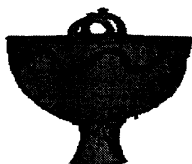
Предложенная С.Ю.Гуцаловым схема сложения культуры ранних номадов Южного Приуралья и Западного Казахстана заслуживает пристального внимания и, возможно, найдет еще одно подтверждение в случае исследования «царских» курганов Кырык-Оба.

Печальная участь постигла многие курганы. Одни, такие как Большой Ипатовский, почитавшийся местным

населением (его даже посещали молодожены), были раскопаны в силу хозяйственной необходимости – через его территорию должен был пройти трубопровод. Но это еще не худший вариант – памятник был подвергнут тщательному научному исследованию и его материалы уже введены в научный оборот.

Другие, как Золотой курган в Керчи, подверглись почти полному разрушению, – он был превращен Керченской городской управой в 70-х годах XIX века в каменоломню и от него к настоящему времени уцелели только фрагменты монументальной циклопической облицовки насыпи. Царев Курган, давший название городу Кургану, был разрушен в 60-е годы прошлого века совершенно сознательно – после раскопок приглянулся чернозем, из которого была сложена насыпь, и его использовали на хозяйственные нужды.

На исследованных раскопками курганах Бесшатыр уже несколько лет восстанавливают первоначальные размеры насыпи. Подобные явления, когда восстанавливают первоначальные размеры уже исследованных курганов, становятся все более востребованы во всем мире, ведь курганов нет только в Австралии и Антарктиде. Стоит надеяться, что и в планируемом музее-заповеднике «Кырык-Оба» в случае раскопок «царских» курганов, найдутся в дальнейшем средства не только на обработку и публикацию результатов исследования, но и на восстановления первоначального облика курганов.

4. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОМПЛЕКСА «КЫРЫК–ОБА»

Археологические исследования

Непосредственное археологическое изучение комплекса Кырык – Оба началось с созданием Западно-Казахстанского центра истории и археологии. До этого исследований не проводилось. Совместно с сотрудниками Института археологии им. А.Маргулана под руководством директора института, академика Байпакова К.М. и директора центра, профессора Сдыкова М.Н. был снят подробный план всего комплекса, уточнены количество и параметры каждого кургана, впервые обследована непосредственно группа царских курганов и начаты планомерные раскопки. С 2003 года к работе присоединились сотрудники Западно-Казахстанского государственного университета им. М.Утемисова.

2001 год

Археологические исследования проводились на комплексе Кырык Оба 2 отрядом под руководством

заместителя директора Института археологии, кандидата исторических наук Ж. Курманкулова.

Курганы расположены вдоль автомобильной трассы Уральск-Аксай (А-8), от 77 км. по 82 км. дороги, в 5-ти километрах к югу от с. Даниляколь. Цепочка состоит из 29 земляных курганов и вытянута с юго-запада на северо-восток на 5 км.

Курганы с 1 по 10 находятся к С - 3 от трассы, остальные растянуты к Ю - В вдоль шоссе. Почти все курганы находятся в аварийном состоянии, из-за современной хозяйственной деятельности: насыпи большинства курганов северо-восточной ветви разрушаются вследствие многолетней распашки земли, на вершинах некоторых курганов установлены железобетонные столбы линии электропередач, часть засажены лесополосой, через некоторые курганы юго-западной подгруппы проведена противопожарная запашка, разрушившая насыпи и окружающие рвы, наконец необходимо упомянуть о недавних попытках ограбления с помощью бульдозера (курган № 13), воронка кургана № 17 превращена в свалку мусора.

Насыпи земляные, диаметр различный от 15 до 100 метров, высота от 0,25 м., до 7 м. Курган № 11, самый большой в группе, имеет диаметр около 120 м. и высоту 7 м., в среднем же высота насыпей, не поврежденных запашкой, колеблется от 1,5 до 3,5 метров.

Курганы с 1 по 5 расположены на расстоянии не более 20 метров друг от друга, составляя как бы отдельную подгруппу. Рвы курганов № 3 и № 4 смыкаются, образуя "восьмерку" Цепочка продолжается в 70 метрах к северу, где курганы с № 6 по № 10 так же сгруппированы вместе. Рвы № 8 и № 9 смыкаются в "восьмерку"

Курган №2. Диаметр кургана составлял 34 метра с севера на юг и 38 метров с запада на восток. Высота насыпи 1,95 м., После снятия земляной насыпи выявилась конструкция кургана. В центре находилась большая прямоугольная могильная яма, ориентированная длинной осью с севера на юг - сев.стена - 3.9м; южн. стена - 4 м; зап.стена - 5.1м; вост.стена - 5.6м:

С северо-восточной стороны могильной ямы прослеживаются следы деревянной рамы, обрамлявшей погребение. В самой яме обнаружены остатки рухнувшего бревенчатого перекрытия. Площадь вокруг ямы и перекрытие были застланы толстым слоем коры и веток, толщиной 10-25 см. Погребение было окружено кольцевым глиняным валиком высотой 30-40 см., шириной от 100 до 180 см., на расстоянии 4.5 метра от краев. Валик был насыпан на уровне древней дневной поверхности, после захоронения могильная яма и валик были накрыты ветками и корой и засыпаны землей. Вероятно, глиняный валик являлся эквивалентом каменного кольца, встречающегося в некоторых савроматских курганах нар. Илек (Смирнов К.Ф., 1964, с.78). Традиция застилать погребение и окружающую площадку слоем веток и коры отмечена М.К. Кадырбаевым, выявившего эту особенность для всех крупных курганов могильников Бесоба и Сынтас на р. Илек. (Кадырбаев М.К., 1984, с.91) Сохранившийся древесный слой до 25 см., спрессованный насыпью, указывает на большое количество использованного материала. Подобный обряд М.К. Кадырбаев связывает с поклонением священному огню.

Само погребение было неоднократно ограблено, остатки деревянной конструкции найдены только в северо-восточном углу, но всей вероятности представлявшей

бревенчатую раму Глубина могильной ямы 1 метр от уровня древней дневной поверхности, прослеженному по древесному слою. Первое ограбление совершено еще до падения деревянного перекрытия, кости и череп погребенного найдены у восточной стены могильной ямы. Длинные трубчатые кости сложены грабителями вдоль стены, череп установлен сверху, вследствие чего совершенно невозможно установить ориентацию тела погребенного по сторонам света. Останки принадлежали молодому человеку в возрасте около 18-25 лет, поскольку на нижней челюсти видны не проросшие “зубы мудрости”

В погребении найдены разрозненные кости овцы. Интерес представляет найденная нижняя челюсть небольшого хищника, вероятно корсака или собаки.

В сопровождающий инвентарь входили: керамический сосуд, разбитый при ограблении; небольшие железные пластинки от доспеха, найденные в заполнении и на дне могильной ямы; три фрагмента обкладок из золотой фольги, прибиваемых к основанию мелкими золотыми гвоздиками; потерянные грабителями три бронзовые подпружные бляхи, в виде свернувшегося волка, найденные в 10 см. от поверхности, у западной полы насыпи

Склеенный сосуд усеченно-яцевидной формы, тулово значительно вытянуто по вертикали, с плавно выведенными плечиками, переходящими в короткую горловину. Высота 36 см., диаметр тулова 27 см., венчика 13 см. Дно “приставное”, уплощенное, почти полностью утрачено. Тесто плотное, с примесью шамота, обжиг сильный, черепок в изломе красный. Сосуд сформирован на круге медленного вращения. Поверхность выровнена, но не заглажена. Внешняя поверхность и горловина внутри были покрыты светло-красным ангобом. Сосуд подобен сосуду

из кургана 4, могильника Бесоба. датируемого не позднее V в. до н.э. (Кадырбаев М.К. 1984. с.88, рис.2).

В заполнении могильной ямы в большом количестве найдены (ок. 70 шт.) железные нашивные бляшки прямоугольной формы, со скругленным нижним краем, относящиеся к чешуйчатому доспеху. По размерам делятся на 2 типа: крупные нагрудные (2,6 см.-1,4 см.) и более мелкие (2,2 см. – 1,2 см.), от обшивки рукавов. В верхней части бляшек пробиты по 2 отверстия, для нашивания к кожаному подкладу. Доспехи подобного типа неоднократно описаны в литературе (Смирнов К.Ф. 1961, с.75; Хазанов А.М. 1971, с.52). «Чешуйки располагались горизонтальными рядами, перекрывая одна другую. В свою очередь верхний ряд частично перекрывал нижний.» (Хазанов А.М. 1971, с.52)

При сносе насыпи, у западной полы найдены три бронзовые бляхи, крепившиеся на подпружных ремнях конской седельной сбруи и изображающие, свернувшегося в кольцо, волка в традиционном савроматском зверином стиле. Овальная бронзовая бляха изображает в низком барельефе волка в профиль. Сильное, неестественно вытянутое тело хищника плавно изогнуто по овалу. Нос соприкасается с длинным хвостом, огибающим круп животного, конец спирально загнут. Центр композиции образуют лапы. Одна передняя и одна задняя лапы поджаты и заканчиваются тремя длинными изогнутыми пальцами или когтями. Пальцы передней лапы касаются с коленным сгибом с задней, а пальцы задней лапы с коленным сгибом передней. Коленный сгиб задней лапы обозначен округлой выпуклостью. Округлым рельефом выделены лопатка, грудная клетка и бедро. Шея животного - мощная, широкая относительно узкого туловища. Голова довольно крупная, с большой мордой. Зрачок миндалевидной формы

с выделенной слезницей, образованной углубленной линией. Зрачок оконтурен валиком с плавным рельефом. Листовидное ухо прижато к голове. Хищный оскал пасти подчеркнут изображением трех острых клыков и двух коренных зубов. В бляхе между задней лапой и брюхом животного вставлено изображение орлиного грифона, развернутого головой в сторону, противоположную направлению головы волка.

Все три бляхи идентичны по размерам 102 на 113 мм., высота 14 мм.. Различие заключается лишь в способах крепления припаянного штыря, имеющего грибовидную форму. В первой бляхе - штырь укреплен с лицевой стороны и на тыльной стороне напротив первого укреплен второй. На другой бляхе - штырь укреплен с тыльной стороны. В третьем случае - 2 штыря расположены с тыльной стороны. Подобные бляхи, служившие для крепления подпружных ремней, были широко распространены в скифо-сарматском мире на протяжении всего I тыс. до н.э.

Датировка кургана № 2 возможна по ряду суммированных признаков. Форма могильной ямы относится к III-му типу могил "большие квадратные или приближающиеся в плане к квадрату" по классификации К.Ф. Смирнова (Смирнов К.Ф. 1964, с.79). Характерны для богатых захоронений таких как Блюменфельдский курган А 12 в Поволжье, Пятимары I на р.Илек и др. Наиболее распространен подобный тип в V в. до н.э. (Смирнов К.Ф. 1964, с.81)

Керамический сосуд, сходный с сосудом из кургана 4 могильника Бесоба датированный V в. до н.э., подтверждает датировку для кургана №2 концом VI - V вв. до н.э.

Курган № 6. Диаметр 24 м., высота 1 м. Насыпь сильно оплывшая, повреждена проселочной дорогой и запашкой. Курган ограблен в древности и не дал датирующего вещевого

материала. Погребение представляло собой округлую, диаметром 6 метров, могильную яму, глубиной 2 м. от уровня древней дневной поверхности. Подобные могилы отнесены К.Ф. Смирновым к IV типу, распространены в Южном Приуралье.

Курган № 8. Диаметр насыпи по оси север-юг 55 м., высота 2,5 м. от современной поверхности. Был окружен широким рвом, шириной около 8 метров, глубиной до 1,5 метров. Рвы курганов № 8 и № 9 смыкаются, образуя “восьмерку”

В центре кургана, под насыпью обнаружено основное погребение (№ 4), представлявшее собой выровненную и обмазанную глиной погребальную площадку на древней поверхности, прямоугольной формы, вытянутое по линии запад-восток. Площадку окружал ровик, глубиной 40-50 см., шириной 70-80 см. С восточной стороны на дне ровика найден, лежащий на боку, бронзовый котел, уцелевший при ограблении. На боках котла заметны были следы копоти, поверх которой он перекрывался корой. Высота котла 26,5 см., диаметр венчика 21,3 см. на 27 см. Тулово – полусферическое, на воронковидном поддоне. На венчике расположены две вертикальные ручки в виде арок с примыкающими протомнами - стилизованными головами орлиных грифонов, клювами касающиеся ручек. Под венчиком по периметру тулова расположен орнаментальный пояс из 18 фестонов.

С юго-восточной стороны, за пределами ровика обнаружено захоронение лошади (№ 3) с остатками сбруи: резная подвеска из кабаньего клыка, изображающая голову волко-грифона, 4 алебастровые обоймы для перекрестных ремней уздечки, бронзовая пронизь, дуговидная пронизка-накладка, бронзовая обойма.

Подвеска из клыка кабана, длиной 130 мм., подобная подвеске при мече из Блюмендфельского кургана А 12 (Смирнов К.Ф. 1964, рис. 11 В).

На расстоянии 13-16 м. площадка окружена глиняным валом, высотой до 0.8 м., площадь внутри вала застлана слоем коры и ветвей. Установить конструкцию надмогильного сооружения не удалось.

Конструкция погребальной площадки в виде стола, окруженного ровиком, близка кургану 9 могильника Бесоба (Кадырбаев М.К. 1984, с. 89-90, рис.3) датированного V веком до н.э.

С западной и северной стороны обнаружены два разграбленных впускных погребения, датированных временем не позднее I в. до н.э. (погр. № 2 и № 1).

В целом раскопанные погребения могильника Кырык Оба 2 по обряду захоронения, конструкциям курганов и погребальному инвентарю тяготеют к кругу памятников на р. Илек. таким как Бесоба, Сынтас, Пятимары I и др.

2002 год

В 2002 г. сотрудниками Западно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции (далее ЗККАЭ) под руководством д.и.н., профессора М.Н. Сдыкова и к.и.н. А.А. Бисембаева и при активном участии преподавателей и студентов исторического факультета ЗКГУ и АГУ им. К. Жубанова. (руководители к.и.н. С.Ю. Гуцалов и к.и.н. Р.А. Бекназаров) были проведены полевые исследования комплекса Кырык – Оба. Значительную научно-методическую помощь в ведении раскопок оказали сотрудники Южно-Уральского отдела ИИА УрО РАН под руководством Боталова С.Г. (г. Челябинск).

Объектом раскопок стала курганная группа Кырык-Оба II. Данные курганы располагались по левую сторону от трассы Уральск – Аксай, в 80 км к востоку от Уральска и в 5-ти км к северу от «царских» курганов Кырык-Оба I. На территории Южного Приуралья известен только один аналог комплекса Кырык-Оба – Филипповские курганы, раскопанные во 2-й половине 80-х гг. известным башкирским археологом А.Х. Пшеничнюком.

Всего в группе Кырык-Оба II насчитывается двадцать шесть курганов, растянувшихся в цепочку с запада на восток на расстояние около 5-ти км. Часть курганов была повреждена при проведении хозяйственных работ в советское время. Некоторые из них ныне находятся под пашней.

В 2002 г. исследовались три кургана - №№ 16, 18, 19. Изучаемые объекты имели диаметр от 30 до 40 м и высоту 1,2-2 м. Исследования выявили наличие сложных погребальных конструкций, при строительстве которых использовались глина и дерево. Архитектурные сооружения, реконструируемые здесь, также как и в курганах у Лебедевки, представляли собой склепы квадратной или прямоугольной формы. Для курганов некрополя Кырык-Оба II характерно типологическое своеобразие.

Курган № 16. Диаметр кургана 29 м, высота – 1,2 м. Насыпь с оплывшими полами в центральной части имела углубление диаметром до 10 м и глубиной до 0,5 м. В результате раскопок в кургане удалось проследить сложную архитектурную конструкцию. По периметру его на погребенной почве был насыпан глиняный кольцевой вал диаметром 38 м, шириной до 4 м и высотой 0,5 м. В южной части он был разомкнут для осуществления церемониального прохода через дромос к могильной яме,

выкопанной в центре сооружения. Она имела прямоугольную форму с закругленными углами и значительные размеры: ширина – 5,3 м, длина – 7,4 м. Стенки могилы постепенно сужались, и по дну яма имела размеры: 5,2 x 6,4 м. Длинными стенками могила была ориентирована с севера на юг. Ход в могилу начинался у южной подошвы кургана. Он имел длину около 14 м, ширину – до 1 м. Глубина его 1,5 – 1,8 м.

Над могилой был возведен глиняный склеп квадратной формы размерами 11 x 11 м. Стены выкладывались в 4 кирпича. Их руины сохранились на высоту до 0,9 м. Ширина стен составляла 1 м. Под влиянием сильнейшего пожара, произошедшего еще в древности, склеп оказался сильно разрушенным. Из-за воздействия огня глиняные стены приобрели кирпично-красный цвет (мощность прокаленного слоя составляла 0,4 – 0,9 м, а местами и 2 м), и, главное, потеряли прочность. В результате, большая часть склепа рухнула в могильную яму. Часть кирпичной кладки, не успев обгореть, обрушилась на внешнюю сторону к периферии кургана на глиняный вал. Пространство внутри склепа было покрыто тростником. От стенок погребального храма в сторону вала были радиально уложены деревянные жерди и ветки, которые опирались на столбы, установленные вокруг могильной ямы. На периферии деревянной конструкции бревна и ветки располагались по периметру вала. Таким образом, это было сооружение шатрового типа. Жерди и ветки побывали в огне, поэтому часть из них обуглилась, а часть превратилась в пепел.

Неподалеку от входа в могилу был привязан к столбовой коновязи, и затем, вероятно, убит верховой конь (в районе ребер обнаружено массивное бронзовое подпружное кольцо, а напротив скелета, на дне дромоса – бронзовый псалий

с окончанием в виде головки грифона). Лошадь лежала с подогнутыми ногами, мордой на С. Кости ее очень сильно обгорели во время пожара и часть их (фрагмент черепа и несколько ребер) попала в дромос.

Возможно, на западной стенке погребального храма была подвешена конская уздечка, от которой сохранились металлические предметы: бронзовый двудырчатый псалий с окончанием в виде ушастой лошади, три бронзовых распределительных пронизи – столбикообразной, конической и клювовидной форм, а также фрагмент железных удиц. Все это лежало на древней поверхности под западной стенкой строения.

В ходе совершения погребально-поминальных ритуалов степняки справляли тризны – у подошвы кургана на уровне погребенной почвы найдено множество костей лошади и овцы (обычно лопатки и ребра).

Могила была ограблена в древности, и на дне (глубина могильной ямы – 2,6 м от уровня погребенной почвы) встречались разрозненные фрагменты костей скелета и немногочисленный инвентарь: железный нож, лепной сосуд, остатки деревянных ритуальных сосудов с золотыми и серебряными оковками, ритуальная галька и бронзовая пронизка.

Курган № 18. Диаметр 40 м, высота – 1,6 м. В профиле он близок к трапеции с оплывшей подошвой. Под этим курганом в древности было создано сложное могильное сооружение. В центральной части на площади 7 x 11 м было возведен погребальный храм из глиняного кирпичасырца (ширина кладки около 1,0 м). Не исключено, что на крыше склепа было совершено человеческое жертвоприношение: на глубине 0,5 м от поверхности кургана компактно располагались черепа четырех

людей и отдельные кости – трубчатые, ребра, позвонки и лопатка. Возле черепов лежало несколько предметов: каменная плитка, железный нож и отдельные фрагменты красноглиняной гончарной посуды, фрагмент каменного алтарика. Склеп окружал грунтовый кольцевой вал диаметром 21-23 м, шириной до 2 м и высотой 0,3 м. В юго-западной части вала был проход. От вала к центру погребальной площадки под углом 30-45° радиально размещались деревянные плахи шириной до 20 см. Доски были покрыты жердями и ветками, а те, в свою очередь, слоем камыша и коры толщиной до 1 см. На периферии плахи располагались вдоль кольцевого вала. Вероятно, это также была конструкция так называемого «шатрового типа». После того, как в данном погребальном храме были прекращены все похоронные обряды, там был разведен сильный пожар по всей центральной части кургана фиксировался слой сильно прокаленной почвы, а по периферии – сгоревшие плахи и жерди курганной деревянной конструкции. Часть из них обуглилась, а часть превратилась в пепел. Прокаленная почва местами имела мощность более 1,0 м. Следует заметить, что почти все кости скелетов людей и животных, обнаруженные в этом кургане, не подверглись воздействию огня. Данное наблюдение, безусловно, требует своего объяснения.

За пределами погребальной площадки в честь усопших устраивались частые поминальные пиры: на дневной поверхности за пределами храма обнаружены остатки многочисленных тризн – кости лошади (в основном лопатки и тазовые), овцы, фрагменты гончарных сосудов. К югу от кургана во рву располагалось ритуальное место. Здесь был найден лепной горшок с сотней черных ритуальных галек внутри. Сверху сосуд был накрыт большой трубчатой

костью лошади, а рядом лежало еще несколько костей коровы, а также череп и лопатка лошади.

Другое ритуальное место находилось у южной стенки храма. Оно представляло собой ямку диаметром до 1 кв. м, глубиной 30 см от дневной поверхности, в которую было уложено не менее 3-х уздечек верховых коней: 6 бронзовых псалиев; 8 круглых бляшек с петлей на обратной стороне; крупная круглая бляха в виде свернувшегося в кольцо кошачьего хищника, обладавшего волчьей мордой; 6 бляшек-нащечников с синкретическим изображением волка и хищной птицы.

Под курганом было выявлено четыре погребения. Основное погребение 1 находилось внутри склепа. Здесь на погребенной почве, посыпанной мелом, на подстилке из тростника и коры, покоились останки не менее 5 погребенных. Захоронение нарушено грабителями: кости людей были беспорядочно разбросаны в центре площадки. У одного из них кости ног были в сочленении и *in situ*, из чего можно сделать предположение, что покойник был ориентирован головой на юг. Среди этого множества костей были найдены бронзовые наконечники стрел, фрагменты красноглиняного гончарного сосуда, фрагмент каменного блюда-алтарика, железный кинжал, фрагменты железного парадного меча, фрагмент ритуального глиняного сосудика, фрагмент конской распределительной бляхи. Нетронутым грабителями оказался только один погребенный, и то, вероятно, потому, что его социальный статус был намного ниже, чем у похороненного здесь кровнородственного коллектива. Об этом говорят, и его расположение по отношению к остальным (у юго-восточного края деревянного шагра), и поза (лежал в сильно скорченном положении на правом боку, с плотно прижатыми к туловищу

руками, головой на юг), и отсутствие находок поблизости от него.

Под курганом было совершено еще три захоронения, одно из которых можно рассматривать как жертвенное, остальные – как могилы стражников.

Вероятно, жертвенным являлось погребение 2, где был похоронен ребенок. Неглубокая могильная яма (0,6 м от уровня погребенной почвы) прямоугольной формы, размерами 0,9 x 1,4 м, ориентированная длинными стенками с севера на юг, была вырыта в восточной половине погребальной площадки. Скелет ребенка лежал головой на юг. Из-за плохой сохранности костей трудно определить его положение. В ногах стоял лепной сосуд, изготовленный из глины, с примесью шамота.

Погребение 3. Совершено в юго-западной части склепа в широкой прямоугольной яме, размерами 1,25 x 2,2 м, ориентированной по оси ЮВ-СЗ. Над могилой было сооружено деревянное перекрытие, состоявшее из продольных плах, которые держались на поперечных жердях и крепились на угловые стойки. По диагонали ямы на дне могилы (глубина 1,3 м от уровня погребенной почвы) на камышовой подстилке лежал, вытянуто на спине, головой на ЮВ взрослый человек. Руки были вытянуты вдоль туловища, кисти находились у таза. Ноги лежали прямо. Туловище по отношению к ногам образует тупой угол, а череп слегка завалился вправо, из этого можно сделать вывод, что покойник находился в полусидящем положении. Вдоль длинной северо-восточной стенки лежали остатки жертвенной пищи – не менее $\frac{1}{4}$ скелета коровы: ребра, лопатка, бедренная и берцовая кости.

Инвентарь захоронения представлен железным колчанным крючком с бронзовыми наконечниками стрел в колчане, железным кинжалом и железным ножом.

Погребение 4 было совершено в противоположном – северо-восточном конце погребальной площадки. В могильной яме прямоугольной формы (размеры ямы на уровне материка: 1,2 x 2 м), ориентированной по оси СЗ-ЮВ, лежал скелет взрослого человека. Над ямой сооружено деревянное перекрытие, состоящее из продольных жердей и поперечных плах, покрытых корой. В юго-западной стенке был прорыт подбой глубиной 20-25 см и высотой 60 см. На дне могилы на глубине 1,3 м от уровня погребенной почвы, в подбое, вдоль северо-восточной стенки на подстилке из тростника располагался вытянуто на спине мужчина 30-40 лет. Головой он был ориентирован на ЮВ. Ноги, согнутые в коленях, образуют «позу всадника». Кости рук – вытянуты вдоль туловища. Череп и часть костей грудной клетки оказались смещенными от основной оси к югу, – возможно, такое положение связано с тем, что и этот покойник находился в полусидящем состоянии. В нише юго-западной стенки лежал бок овцы – ребра и лопатка.

В могиле обнаружены следующие вещи: железный нож, лепной сосуд с трубчатым носиком, бронзовые наконечники стрел в колчане, железный кинжал, железный колчанный крючок.

Обращает на себя внимание единство в обряде захоронения стражников, которое проявилось в симметричном расположении могил под курганом, глубине захоронений, сходстве поз и удивительном единообразии набора сопровождающего инвентаря. Захоронения стражников были синхронны основному захоронению, так как могильный выкид из этих ям был зафиксирован по бровкам, и располагался над валом, окаймляющим погребальную площадку. То есть эти могилы рылись в то время, когда в центральное сооружение был открыт доступ.

Следовательно, можно предположить их синхронность и, возможно, одновременность основному погребению.

Курган № 19. Диаметр кургана 36 м, высота – 2,0 м. Насыпь полусферической формы с крутыми склонами была окружена ровом шириной 3 м и глубиной 0,3 м. В результате раскопок выявилась сложная архитектурная конструкция. Основу ее составлял двухкамерный земляной склеп, помещения которого были вписаны друг в друга. В центре склепа была вырыта могила. Вдоль ее края возвышались стены внутреннего помещения толщиной около 1,0 м и длиной до 9 м. Вокруг погребальной площадки на погребенной почве был насыпан вал диаметром 25,5 м, шириной до 6 м и высотой 0,5 м. Фрагменты кладки из глиняного кирпича очень хорошо фиксировались в изучаемом кургане – на профилях было видно, как прослойки раствора чередуются с глиняными кирпичами. От центра сооружения к валу радиально располагались крупные деревянные доски шириной до 20 см. Плахи были покрыты тонкими жердями и ветками, а те, в свою очередь, слоем камыша и коры толщиной до 1 см. На периферии доски укладывались ортогонально, вдоль вала. Таким образом, это было сооружение шатрового типа. Опорой его являлись деревянные столбы, установленные попарно вокруг могильной ямы. Деревянное сооружение полностью сгорело. Часть дерева обуглилась, а значительная часть превратилась в пепел. Вследствие пожара по всей центральной части погребального комплекса наблюдался слой сильно прокаленной почвы, мощность которого местами была более 1,0 м.

За пределами погребального храма по покойнику, или, скорее всего, по покойникам, справлялась тризна, – на погребенной почве были обнаружены лопатки и тазовые кости лошадей.

К югу от могильной ямы на дневном горизонте было совершено захоронение лошади. Остов ее очень сильно обгорел во время пожара. Лошадь лежала с согнутыми в коленях конечностями, мордой на север. Справа от брюха лежало железное кольцо конской упряжи, покрытое золотой пластиной.

Могильная яма имела прямоугольную форму размерами 6,1 x 7 м и была ориентирована по оси ЗЮЗ-ВССВ. После пожара в могилу рухнули остатки склепа и деревянного шатра (фрагменты обгоревшего дерева и прокаленная глина). Поскольку верхний уровень заполнения ямы состоял из рыхлой супеси желтого цвета, можно предположить, что яма длительное время наполнялась наносным песчаным грунтом. Ко дну стенки постепенно сужались. На дне на глубине 2,15 м от уровня древней поверхности могила имела размеры: 5,0 x 6,6 м. В центре, в центральной ее части ее было расчищено углубление, вероятно, под столб, являвшийся опорой всей курганной деревянной конструкции. Могила оказалась полностью разграбленной: у восточной стенки и в центре было обнаружено два скопления костей коровы, и среди них – фрагмент железного ножа. У северной стенки лежала трубчатая кость человека.

2003

Летом 2003 г. археологический отряд Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии под общим руководством профессора, доктора исторических наук М.Н. Сдыкова, проводил раскопки курганов группы Кырык-Оба II в Бурлинском районе Западно-Казахстанской области, располагавшейся по обе стороны дороги на 80-м км автотрассы Уральск-Аксай. В качестве объектов

исследования были выбраны два сильно разрушенных кургана - №№12 и 23.

Курган № 12. Располагался в центре могильника, примыкая с востока к крупнейшему в группе кургану № 11. Он имел земляную насыпь трапециевидной формы высотой около 1,45 м и диаметром 42 м. Северный склон более крутой, чем южный. На вершине его наблюдалась воронка диаметром до 25 м и глубиной более 1 м. Вокруг кургана фиксировался кольцевой ров, оттенявшийся более сочной растительностью.

Стратиграфия кургана следующая: верхний слой – гумус, мощностью 10-15 см ближе к вершине. К подошве толщина данного слоя составляла около 30 см. По центру кургана наблюдался затек от грабительского вкопа (воронка гумуса диаметром до 5 м, уходящая вниз). По сторонам от нее фиксировались фрагменты разрушенной глиняной кладки из кирпича-сырца размерами 20x35 см. Среди них местами по центру наблюдались фрагменты деревянных жердей, некоторые из которых были обуглены. Ниже, на погребенной почве с обоих краев фиксируется мощный вал шириной от 6 до 9 м и высотой 0,75 – 1 м из желтой материковой глины, в плане квадратной формы с закругленными углами. Следует заметить, что мощный слой глины как бы обтекал небольшой вал из гумуса, параметры которого находились в пределах 0,5x0,2 м. Данный конструкт (глиняный вал) был ориентирован углами по сторонам света и имел 22-30 м в поперечнике.

Весьма вероятно, что в юго-западной части вала был разрыв с целью допуска через дромос к могильной яме, который был именно так ориентирован и прорезал юго-западную стенку могилы, располагавшейся в центре кургана. Все пространство внутри вала было покрыто деревянными плахами, располагавшимися вокруг могилы в виде квадрата.

- доски укладывались параллельно валу. Сверху они были накрыты корой. Причем дерево укладывалось до середины глиняного вала. В профилях бровок многих участков хорошо прослеживались следы разрушения глиняных стен. На восточной периферии кургана в 1-й северной траншее за пределами вала фиксировалась прокаленная почва – следы ритуального костра. Представляется, что зафиксированные наслоения являются остатками сложной погребальной конструкции. Основу ее составляла могильная яма, выкопанная по центру кургана. У ее краев был воздвигнут склеп из массивных глиняных кирпичей (саманов). Скорее всего – это остатки подквадратного в плане склепа, воздвигнутого внутри ритуальной площадки. Конструкция оказалась сильно разрушенной, скорее всего вследствие неоднократных ограблений. Большая часть данного архитектурного сооружения рухнула во внутрь у могильной ямы. Часть кирпичной кладки обрушилась на внешнюю сторону к периферии кургана на глиняный вал. Последний был насыпан на погребенной почве.

В ходе вскрытия насыпи были сделаны следующие находки: 1) скелет молодой лошади. Сохранилась только ее половина. Не исключено, что часть ее сползла в могилу, располагавшейся в непосредственной близости от южной стенки. Судя по останкам, лошадь лежала с подогнутыми ногами, головой на С – на погребенной почве на деревянном покрытии в 1 м к югу от могильной ямы;

2) бронзовые и серебряные пронизи и псалии от пяти комплектов конской упряжи – на глубине 60 см от поверхности кургана в 11 м к югу и в 21,7 м к западу от условного центра кургана;

3) две лопатки КРС – на глиняном валу в 20,5 м к югу и в 4,5 м к западу от условного центра;

- 4) ребра и бабка молодой лошади – на глиняном валу в 15,6 м западу и в 2,4 м к северу от условного центра;
- 5) две лопатки лошади – на глиняном валу в 2,4 м к западу и в 7,6 м к северу от условного центра;
- 6) лопатка лошади – на глиняном валу в 2 м к западу и в 7,45 м к северу от условного центра;
- 7) лопатка и тазовая кость лошади – на глиняном валу в 2,45 м к западу и в 7,55 м к северу от условного центра;
- 8) лопатка и бабка лошади – на глиняном валу в 5,8 м к востоку и в 11,5 м к северу от условного центра;
- 9) три лопатки лошади – на вершине глиняного вала в 15,6 м к югу и в 3,25 м к востоку от условного центра;
- 10) лопатка лошади – на погребенной почве в 22 м к югу и в 3 м к востоку от условного центра;
- 11) бронзовая пронизь втульчатой формы – на глубине 40 см от поверхности кургана в 11 м к югу и в 18,4 м к западу от условного центра кургана.

В отвале 1-й северной траншеи обнаружен фрагмент полированной трубчатой кости. В отвале 3-й южной траншеи подобран небольшой кусочек тонкого стекла синего цвета (вполне возможно, что это было т.н. «финикийское стекло»).

Могильная яма была открыта в центре погребальной площадки обведенной валом. Она имела форму квадрата с закругленными углами. Размеры сторон: 7,5х7,5 м. С юго-запада в яму шел небольшой ступенчатый дромос шириной до 1 м длиной 2,6 м. Ступеньки располагались на глубине 0,2 – 0,9 1,2 м от уровня погребенной почвы. В северо-восточной стене в яму ведет еще один вход квадратной формы (0,9х0,9 м) глубиной 0,9 м от уровня погребенной почвы. Судя по расположению и характеру данного входа, нельзя исключать, что он был грабительским. Стенки

могильной ямы слегка сужаются к низу. Заполнение могилы представляло собой по большей части сырой и очень вязкий чернозем, в котором встречались куски материковой желтой глины и мелкие гнилушки.

В заполнении ямы в центре ее на глубине 0,85 м от уровня погребенной почвы располагался скелет большой собаки. Она лежала вытянуто головой на З с подогнутыми ногами. Животное явно было похоронено. Вышеназванное обстоятельство позволяет предполагать ритуальный характер данной находки. Характер положения скелета не исключает факта, что собака была погребена в качестве могильного стража. При этом, не важно, когда это захоронение было произведено, до ограбления, или, как в данном случае, после.

В непосредственной близости от стен глубина ямы была 1,7 м от уровня погребенной почвы, но через 1 – 1,5 м к центру яма конусообразно понижалась до глубины 2,9 м от уровня погребенной почвы. Данный рельеф дна – безусловно, результат деятельности грабителей, почти полностью очистивших от находок могилу.

В ходе раскопа в могиле были сделаны следующие находки:

фрагмент железного ножа – на глубине 0,2 м от погребенной почвы по центру;

копыта, лопатки и тазовые кости лошади – в разных частях могилы на глубине от 0,1 до 0,75 м от уровня погребенной почвы;

железный предмет конической формы (умбон) – в заполнении могилы на глубине 0,3 м по центру ямы;

золотая нашивная бляшка в виде большого животного кошачьей породы – в придонной части могилы по ее центру.

Курган № 23. Располагался на пашне в восточной группе курганов, в которой он был крупнейшим. Насыпь земляная, яйцевидной в плане формы, вытянута с С на Ю. Северный склон ее более крутой, чем южный. Высота 1,65 м и диаметр 36 м. Вокруг кургана визуально наблюдался кольцевидный ров шириной до 5 м и глубиной до 0,5 м. Растительность на кургане отличалась от окружающей наличием полынных ассоциаций. Раскоп кургана велся при помощи бульдозера с оставлением 3-х параллельных бровок, ориентированных с С на Ю, с шириной траншеи около 2,5 м.

В ходе раскопок насыпи были сделаны следующие находки:

1) опрокинутый вверх дном каменный походный алтарь прямоугольной формы (размеры лежа: 45х60 см) на четырех ножках, к сожалению, были сбиты еще в древности. На обратной стороне лежа жертвенника рельефно выделяется прямоугольник – лежал в 14,4 м к северу и в 2,3 м к западу от 0 на глубине 0,9 м от поверхности;

2) кости лошади – в 1 м к западу от 0 и на глубине 1 м от 0;

3) кости лошади – в 1 м к западу от 0 и на глубине 1,5 м от 0;

4) кости лошади (позвонок и лопатка) – в 5,5 м к западу и 3,95 м к северу от 0 на глубине 1,6 м;

5) кости ноги лошади в сочленении (бабка и трубчатая кость) – на погребенной почве в 16,7 м к северу и в 4,6 м к западу от 0;

6) лопатка лошади – на погребенной почве в древесном слое в 9 м к северу и в 4,5 м к западу от 0;

7) лопатка лошади – на погребенной почве в древесном слое в 0,8 м к северу и в 6,2 м к западу от 0;

8) жертвенное захоронение кабана – на деревянном настиле возле могилы, 6,6 м к югу и в 3 м к востоку от 0. Судя по положению челюстей кабан был обращен мордой к северу. В изголовье лежали железная уздечная пряжка, покрытая золотой фольгой, глиняное пряслице и коническая подвеска из минерала зеленовато-голубого цвета.

9) захоронение крупной птицы (рис. 52) – на погребенной почве (- 1,9 м) в 7,4 м к востоку от 0.

Была зафиксирована следующая стратиграфия: верхний слой (гумус) мощностью 10-15 см., к подошве кургана толщина данного слоя составляла около 30 см. По центру кургана наблюдался затек от грабительской воронки диаметром до 5 м. По сторонам от нее фиксировались фрагменты разрушенной глиняной кладки из кирпича-сырца размерами 20x35 см. Среди них местами по центру наблюдались фрагменты деревянных плах. Ниже – на погребенной почве с обоих краев, фиксируется вал (шириной от 2 до 3 м и высотой 0,2 – 0,4 м) из желтой материковой глины восьмигранной в плане формы. Следует заметить, что мощный слой глины как бы обтекал небольшой вал из гумуса параметры которого находились в пределах 0,5x0,2 м. Глиняный вал имел 28 м в поперечнике. Весьма вероятно, что в южной части вала был разрыв с целью допуска через дромос к могильной яме, который был именно так ориентирован и прорезал южную стенку могилы, располагавшейся в центре кургана. От внешней стороны стенок сооружения к валу фиксировались деревянные жерди и плахи, которые располагались по направлению к центру и опирались на столбы (отдельные столбы были расчищены возле края могилы – у углов ямы). На периферии ее плахи располагались вдоль периметра вала. Сверху они были накрыты корой. Причем дерево укладывалось до середины глиняного вала. По, - это было сооружение шатрового типа.

В профилях бровок многих участков хорошо прослеживались следы разрушения глиняных стен. По периферии кургана у вала также фиксируется развал саманных стен. Представляется, что зафиксированные наслоения являются остатками сложной погребальной конструкции. Основу ее составляла могильная яма, выкопанная по центру кургана. У ее краев был воздвигнут склеп из глиняных кирпичей. Скорее всего – это остатки подквадратного склепа, воздвигнутого внутри ритуальной площадки. Конструкция оказалась сильно разрушенной, скорее всего вследствие ограбления и воздействия природных стихий в течение длительного времени. Большая часть данного архитектурного сооружения рухнула вовнутрь у могильной ямы. Часть кирпичной кладки обрушилась на внешнюю сторону к периферии кургана на глиняный вал. Последний был насыпан на погребенной почве.

В центре погребальной площадки находилась могильная яма. Она была прямоугольной формы с закругленными углами, размерами 6,4х7,2 м, и была вытянута по оси ВСВ-ЗЮЗ. Глубина ямы 1,2 м от уровня погребенной почвы. От южной подошвы кургана к ней был прорыт дромос длиной 10,4 м, шириной 1,2-1,8 м. Глубина дромоса 0,5 – 1,0 м. У входа в могилу дромос имеет глубину 0,4 м, к середине понижается до 1,0 м, а затем вновь повышается до 0,5 м. У входа в могильную яму в дромосе было совершено захоронение ребенка – вытянуто на спине, головой на С-СЗ. Дно входной ямы и могилы было устелено корой. В северном углу могилы был прорыт грабительский ход – длинная прямоугольная яма размерами 1,0-1,3х5,3 м глубиной у входа в могилу 1,0 м от уровня погребенной почвы. К выходу глубина могильной ямы постепенно уменьшается до 0. Судя по наблюдениям в ходе снятия

насыпного слоя, грабительский вход был прорыт еще в наземной грунтовой конструкции, в конце которого и был брошен переносной каменный алтарь.

Заполнение могильной ямы представляло собой рыхлую мешанину (местами очень плотную) из гумусированной супеси черного цвета со значительным включением больших комьев материковой глины (явный признак ограбления). Вскрытию ямы, к сожалению, мешала дождливая погода, и в частности, сильнейший ливень накрыл могилу в тот момент, когда была расчищена основная площадь могилы, поэтому пришлось фотофиксацию находок делать на фоне многочисленных дождевых луж. Могила оказалась ограбленной в древности и на дне фиксировались разрозненные остатки захоронения: основная масса костей человека была сосредоточена в южном углу могилы. В самом углу был аккуратно поставлен череп взрослого человека. С севера, в притык к черепу крест на крест лежали кости рук. В полукилометре к северу и западу от них лежали ребра, тазовые кости и нижних конечностей человеческого скелета. В западной части от данного скопления обнаружены: массивная гривна, сделанная из гладкого золотого прута (№16), две височные подвески (№18), выполненные в технике зерни и 26 полусферовидных нашивных бляшек (№17) овальной в плане формы, украшенных орнаментом в виде кривых линий. Среди костей скелета обнаружено два крупных куса мела (№15). Разрозненные кости взрослого человека (№1) (руки и лопатки) встречались в центре могильной ямы. Здесь обнаружены два серебряных предмета – пластинки с двумя штифтами (№21), вероятно оковки какого-то деревянного сосуда и кости МРС (№1). У северо-восточной стенки лежало керамическое пряслице (№20).

Основная же масса инвентаря захоронения была сосредоточена напротив входа в могильную яму. Здесь, возле крупного куска мяса (ребра и передняя нога КРС), в который был воткнут железный предмет (нож - №12) лежали: золотые и серебряные оковки деревянных ритуальных сосудов, фрагменты гончарных сосудов – флаконы розового и серого цветов, ритуальный сосуд розового цвета (№№7-9), фаянсовая шкатулка с крышкой украшенной глазурью (№3), а также, деревянный стержень с керамическим навершием красного цвета в виде головки птицы, каменная ступка (№14), большой оселок (пест ?) из серого песчаника, находившийся когда-то в металлической оправе (№11), костяная втулка (№13) с точечным орнаментом, костяной футляр с железной иглой (№13), ритуальная галька (№6), две ископаемые раковины (№4), кусочек красной охры (№5).

Раскопки 2003 г. подтвердили, что в могильнике Кырык-Оба II погребены только представители воинской и жреческой элиты древних номадов Западного Казахстана. Элитные захоронения в курганах №№ 12 и 23, открытых в текущем году, обладают множеством признаков принадлежности их к древнепрохоровскому этапу культуры номадов Южного Приуралья (конец VI – первая половина V вв. до н.э.). К числу таковых относятся: сопровождающее захоронение коней к югу от могильной ямы; металлические элементы конской упряжи, в первую очередь предметы, выполненные в скифском зверином стиле; формы могильных ям. Особенно показательны в этом плане присутствие в обеих могилах такого конструктивного элемента как длинного входа – дромоса. Инвентарь, принадлежавший данным комплексам, также говорит в пользу датировки их концом VI – первой половиной V вв. до н.э. Это – золотая тисненая бляшка в виде пантеры в кургане №12, многочисленные

золотые украшения (гривна, массивные височные подвески (серьги), нашивные бляшки), предметы культа (каменный походный переносной алтарь, шкатулка, флаконы, пест и пр.) из кургана №23. Все эти вещи получили широкое распространение в указанный период истории Западного Казахстана (Смирнов 1964). И, следовательно, данные погребальные сооружения оказались синхронными тем, что были раскопаны в предшествующие годы. И, к тому же, они культурно однородны.

Следует заметить, что наряду с общими обрядовыми признаками, такими, как захоронения в сложных склепах, возведенных из сырцового кирпича, ритуальные захоронения лошади у края могильной ямы головой на север, некрополь Кырык-Оба II по целому ряду элементов погребального ритуала отличается от синхронных ему могильников кочевой знати Южного Приуралья.

В то же время, деревянные подкурганые сооружения шатрового типа со столбовыми конструкциями, как под курганом так и в могильной яме; зафиксирована могила с дромосом. Кроме того, в ходе раскопок 2001 г. в данном могильнике было раскопано т.н. «святилище огня». Из ориентировок погребенных известны два южная и юго-восточная.

Поиски аналогов обрядовым сооружениям из комплекса Кырык-Оба II привели к отдаленным от Западного Казахстана регионам. Они, как в обряде, так и в инвентаре, имеют наибольшее сходство с памятниками кочевников Приаралья VII-VI вв. до н.э., в 1-ю очередь из могильника Уйгарак. Это сходство проявляется в наличии:

- 1) деревянных столбовых конструкций, как подкурганых, так и могильных;
- 2) «святилищ огня»;

- 3) коллективных захоронений на погребенной почве;
- 4) южного сектора ориентировок;

Приаральские параллели кырыкобинским находкам есть и среди предметов материальной культуры – единственный аналог парадному мечу, обломки которого были найдены в основном погребении кургана №18, имеются в могильнике Тагискен.

Говоря о «южных» связях номадов Западного Казахстана древнепрохоровского периода, было бы несправедливо не заметить, вероятнее всего, средневосточное происхождение уникального набора культовых предметов из кургана №23. Исследователи давно говорят о влиянии культур Среднего и Ближнего Востока на формирование религиозно-культурной практики древних кочевников изучаемого региона (Смирнов 1964; Федоров 1992, 2000, 2001). находка в кырыкобинском кургане – тому явное подтверждение.

Кроме того, следует заметить, что вещевые наборы из Кырык-Обы указывают на скифско-направленное культурных связей кочевников Приуралья. Таким своеобразным «скифским» этнокультурным маркером в Кырык-Обе являются бронзовые нащечники из комплектов конской узды в кургане №18 (см., н.п.: Ильинская 1968, с. 103-136), женский головной убор, расшитый золотыми бляшками (Мирошина 1989, табл.43) из кургана №23. Правда, такие элементы украшений как гривна и золотые подвески, имеют явно «местные» истоки (см., н.п.: Савельева, Смирнов 1972, с.106-115), т.к., данные предметы, несмотря на их широкое распространение в Северном Причерноморье и в предгорьях Северного Кавказа, имеют, все-таки, несколько иной облик.

Т.о., анализ материалов раскопок курганов древних кочевников из курганов Кырык-Обы, показал наличие

различных векторов их культурных, а значит, этнических, связей. Все это позволяет предполагать мозаичную этнокультурную карту территории Уральского левобережья в конце VI-V вв. до н.э.

2004

Летом 2004 г. археологический отряд Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии проводил раскопки курганов группы Кырык-Оба II в Бурлинском районе Западно-Казахстанской области. В качестве объектов исследования были выбраны только аварийные, полностью распаханные курганы (№№ 27-29) и один разрушенный при строительстве автотрассы – курган № 10. Кроме того, были проведены дополнительные исследования курганов №№ 2,6,8.

Группа курганов Кырык-Оба II расположена на обширной равнине левого берега р. Урал в 10 км к югу от его русла и в 5 км к северу от группы царских курганов Кырык-Оба I и состоит из 29 земляных курганов, растянувшихся по цепочке с запада на восток на расстояние до 3 км.

Курган № 2 располагался к северу от автотрассы «Уральск – Бурлин» на западной периферии могильника и был 2-м с запада. Исследование его было начато в 2001 году, но не завершено, поэтому работы на данном кургане были продолжены. Высота его сохранившейся части составляла 1,5 м, диаметр 40 м. Северный склон был более крутой, чем южный.

Были проведены следующие работы: 1) выведение на один горизонтальный уровень старогораскопа (доматерика); 2) зачистка данной поверхности с дальнейшей фиксацией выявленных элементов погребального обряда: 3) зачистка

бровок и фиксация их структуры; 4) раскоп дополнительной траншеи на южной периферии с дальнейшей фиксацией планиграфических и стратиграфических особенностей этой части кургана.

Новый раскоп имел ширину 3,75 м и длину 30 м.

В ходе работ по дополнительному вскрытию кургана были сделаны следующие находки:

1 - комплект конской узды, состоящих из 3-х больших круглых подпружных блях, 2-х пряжек лировидной формы и 2-х распределительных пряжек в виде головок грифонов (рис. 32) – на западной периферии кургана в 13,5 м от условного центра на уровне погребенной почвы на глубине 50 см от поверхности кургана;

2,3 - кости лошади – рядом с комплектом узды на глубине 60 см от поверхности кургана;

4,5 - кости МРС (позвонок и ребро) – на настиле из коры в крайней с юга дополнительной траншее на глубине -75-80 см.

Удалось установить следующую стратиграфию кургана:

верхний слой – гумус, мощностью 10-15 см. К подошве толщина данного слоя составляла около 30 см. По бровкам фиксировались следы разрушения глиняного кладки из кирпича-сырца размерами 20x35 см. Ниже – на погребенной почве с обоих краев, фиксируется мощный вал (шириной от 4 до 6 м и высотой 0,2 – 0,4 м) из желтой материковой глины в плане квадратной формы с закругленными углами. Следует заметить, что мощный слой глины как бы обтекал небольшой вал из гумуса, параметры которого находились в пределах 0,5x0,2 м. Данный конструкт (глиняный вал) был ориентирован сторонами по странам света и имел 23,5 м в поперечнике

Все пространство внутри вала было покрыто деревянными плахами, располагавшихся вокруг могилы в виде квадрата в 6-7 слоев, – доски укладывались параллельно валу, а по углам – кладка из горбыля образовывала тупой угол на стыках. К центру наблюдались доски большей толщины до 2 см. Сверху они были накрыты корой. Причем кора местами укладывалась за внешнюю сторону глиняного вала. Представляется, что зафиксированные наслоения являются остатками сложной погребальной конструкции. Основу ее составляла могильная яма, выкопанная по центру кургана. У ее краев был воздвигнут склеп из массивных глиняных кирпичей (саманов). Скорее всего – это остатки подквадратного в плане склепа, воздвигнутого внутри ритуальной площадки.

Конструкция оказалась сильно разрушенной. В центре ее располагалась могильная яма, перекрытая деревом в виде шатра. Причем, дерево опиралось на столбы, присутствие которых фиксируется по столбовым ямкам круглой формы диаметром около 30 см и глубиной 50 см от уровня погребенной почвы. Столбы располагались группировались по 2-3 штуки и в удалении в 3- 4 м групп друг от друга.

Больше никаких находок и наблюдений на объекте сделано не было.

Курган № 6 располагался к северу от автотрассы «Уральск – Бурлин» на западной периферии могильника. В 2001 г. курган раскапывался отрядом ИА МОН РК при помощи землеройной техники. Было принято решение довершить работу.

Новый раскоп имел радиус к югу 10 м и протяженность 26 м. В ходе работ по дополнительному вскрытию кургана были сделаны следующие находки:

1 – ребро МРС – в 2,8 м к востоку и в 0,65 м к югу от условного центра на уровне погребенной почвы на глубине 30 см от поверхности кургана;

2 – ребро МРС – в 3,5 м к востоку и в 6,7 м к югу от условного центра на уровне погребенной почвы на глубине 52 см от поверхности кургана;

3 – лопатка лошади – в 6,65 м к западу и в 0,6 м к югу от условного центра на уровне погребенной почвы на глубине 52 см от поверхности кургана;

4 – лопатка лошади – в 7,2 м к западу и в 0,5 м к югу от условного центра на уровне погребенной почвы на глубине 42 см от поверхности кургана.

По зачищенным бровкам удалось проследить следующую стратиграфию кургана:

верхний слой – гумус, мощностью 20-25 см. Ниже – слой серого суглинка мощностью 05-0,7 м. На погребенной почве по южной бровке фиксируется мощный вал (шириной от 4,5 до 5 м и высотой 0,5 м) из желтой материковой глины, который, судя по южному срезу указанной бровки в данном месте закруглялся в плане квадратной формы с закругленными углами. Следует заметить, что мощный слой глины как бы обтекал небольшой вал из гумуса, параметры которого находились в пределах 1,5-3,5x0,2 м. Протяжение вала в исследуемой части 16 м. Судя по направлению разрыва вала в бровке, данный конструкт был ориентирован углами по сторонам света. На валу местами наблюдались фрагменты коры. К сожалению, большей информации в результате наших работ на данном объекте получить не удалось. Хотя структура кургана говорит о том, что он был однотипен тем памятникам кочевой элиты, которые были исследованы на данном комплексе в 2002-2003 годах.

Курган № 8 располагался в 40 м к северу от автотрассы «Уральск – Бурлин» в центре могильника. В 2001 г. курган раскапывался отрядом ИА МОН РК при помощи землеройной техники. Перед раскопками, курган имел следующий вид:

1) высота его сохранившейся части 0,8 м, диаметр 40-36 м (был вытянут с запада на восток).; -

2) от объекта сохранились только два (восточный и западный сегменты шириной 5-7 м) и высотой 0,5-0,8 м (рис. 35,36);

3) старый раскоп был выведен на уровень материка;

4) в центре раскопа наблюдалась воронка размерами 7х9 м и глубиной 0,5 м;

5) у западного сегмента кургана (по центру) наблюдалась яма прямоугольной формы размерами 3,15х2,5 м, глубиной 0,3 м. Она была ориентирована с запада на восток. В данном углублении лежала каменная плита со следами обработки. Она имела прямоугольную форму размерами 78х30 см и толщиной 4-10 см. На одной из ее плоских сторон были следы воздействия каким-то плоским орудием. Еще один фрагмент каменного антропоморфа был найден чуть поодаль – в 20 м к западу от кургана под деревом, – вероятно, месте отдыха предыдущей бригады археологов.

Было принято решение доисследовать этот объект. Перед бригадой, работавшей на данном объекте, были поставлена задача зачистить сохранившиеся бровки западного и восточного сегментов и зафиксировать их структуру с целью выявления планиграфических и стратиграфических особенностей кургана.

По зачищенным бровкам удалось проследить следующую стратиграфию кургана:

верхний слой – гумус, мощностью 20-35 см. На погребенной почве, по центру наблюдался вал (шириной от 2,5 м и высотой 0,3 м) из желтой материковой глины. Следует заметить, что слой глины как бы обтекал небольшой вал из гумуса, параметры которого здесь находились в пределах 0,5х0,2 м. В центре фиксировались фрагменты разрушенного глиняного сооружения в виде темного суглинка и больших глиняных блоков (саман ?). Погребенная почва была выражена черноземом мощностью 30 см. Ниже ее шел слой материковой глины желто-красного цвета. К сожалению, большей информации в результате наших работ на данном объекте получить не удалось. Структура кургана была однотипна памятникам кочевой элиты, раскопанным в 2002-2003 годах.

Курган № 10. Располагался в центре могильника в 100 м к северу (через автотрассу «Уральск – Бурлин») от крупнейшего в группе кургана № 11. Южная пола кургана примыкала к дорожному кювету. Он имел земляную насыпь уплощенной формы высотой 0,2 м и диаметром 14 м. Как выяснилось позднее, данный курган представлял собой незначительный фрагмент древнего погребального сооружения, почти полностью разрушенного при строительстве автомобильной дороги, и поэтому его раскопки имели значительный интерес с целью сохранения научной информации о данном некрополе.

Курган раскапывался вручную на снос. Для фиксации его стратиграфии и планиграфии раскоп был поделен на 4 сектора с оставлением двух осевых бровок по линиям «север – юг» и «запад – восток».

В ходе раскопа в различных частях кургана на разной глубине были обнаружены следующие предметы:

1 – лопатка КРС – на глубине 20 см в 2,5 м к востоку и в 1,2 м к северу от 0;

2 – кость передней конечности КРС – на глубине 20 см в 2,0 м к западу и в 3,0 м к северу от 0;

3 – лопатка КРС – на глубине 20 см в 1,9 м к востоку и в 2,0 м к северу от 0,

4 – лопатка МРС – на глубине 35 см в 2,2 м к западу и в 2,4 м к северу от 0;

5 – лопатка КРС – на глубине 50 см в 2,4 м к востоку и в 3,0 м к северу от 0;

6 – фрагмент красноглиняного гончарного сосуда – на глубине 35 см в 6,8 м к востоку и в 5,2 м к югу от 0.

Стратиграфия кургана: верхний слой – гумус, мощностью 5-10 см. К вершине «насыпи» по центру наблюдался мощный вал (шириной от 6,5 м и высотой 0,5 м) из желтой материковой глины. Вероятно, в плане он имел квадратную форму с закругленными углами и был ориентирован стенками по сторонам света. Следует заметить, что мощный слой глины как бы обтекал небольшой вал из гумуса, параметры которого находились в пределах 0,75x0,4 м. По сторонам от нее фиксировались фрагменты разрушенного глиняного сооружения в виде темного суглинка. На внутренних стенках вала к предполагаемому центру кургана фрагменты деревянных плах. Погребенная почва была выражена черноземом мощностью 30 см. Ниже ее шел слой материковой глины желто-красного цвета.

Уровень раскопа был доведен до материка на глубину 75 см. Под курганом было выявлено три погребения:

Погребение № 1 было зафиксировано в 3 м к югу от условного центра и было совершено на глубине 20 см от 0. Фрагменты детского скелета (череп, ребра, лучевая кость и

позвонки) располагались на глиняном валу вне какой-либо системы. Инвентарь не обнаружен.

Погребение № 2 находилось в 2 м к северо-востоку от условного центра. Яма ромбовидной формы размерами 1,9x2,2 м, углубленная в погребенную почву на 35-50 см, была впущена в глиняный вал. Углами она ориентирована по длинной оси с Ю-ЮЗ – С-СВ. Ко дну она сужалась до размеров 1,2x1,3-1,5 м. На дне, по диагонали в деревянной раме, от которой сохранились отдельные фрагменты жердей, на подстилке из войлока вытянуто на спине головой на Ю-ЮЗ лежал скелет человека. Череп лежал на уровне -45. Лицевая его часть обращена вверх. Позвоночник слегка изогнут в грудном отделе. Руки, слегка отодвинутые от туловища, согнуты в локтях, при этом лучевые кости левой руки сходятся к тазу, а правой – находятся параллельно скелету. Таз располагался на глубине 50 см. Кости ног были вытянуты прямо (стопы, находившиеся на уровне -35, обращены влево), образуя небольшой тупой угол по отношению к туловищу. Туловище, также как и изгиб позвоночника и некоторая анормальность в положении рук, наряду с разноуровневым залеганием скелета, заставляет предположить, что погребенный первоначально лежал на невысоком деревянном помосте над ямой, впоследствии опустившись в нее ввиду гниения дерева. Слева от скелета на дне были прослежены отпечатки циновки из тростника, на которой находился погребенный. Инвентарь погребения был представлен:

1 - ожерелье из золотых бус округлой формы, спаянные из двух полусферических половинок вокруг шейных позвонков;

2 - ритуальные гальки – возле обеих плечевых костей;

3 - куски мела – у левого локтя;

4 бронзовое зеркало с широким овальным диском диаметром 11 см и короткой плоской ручкой длиной 6 см и шириной 2 см. в восточном углу ямы.

Основное погребение № 3 располагалось в юго-восточном секторе, однако значительная его часть уходила в сторону кювета, за пределы раскопа. В результате раскоп был расширен до предельно возможных размеров.

К могильной яме с вала спускались тонкие плахи (толщина около 2 см) деревянного перекрытия шириной 20-30 см. Они прослежены в северной половине заполнения могилы. На стенах сохранились отпечатки мощных балок диаметром 30-40 см, лежавших некогда по направлению С-Ю. Из-за невозможности ведения работ в кювете, южная половина ямы оказалась не вскрытой. Удалось выявить северную, большую часть западной и восточной стенок. Заполнение могилы представляло собой темный суглинок вперемешку с комьями материковой глины и мелкими гнилушками. В заполнении с глубины 55 см от уровня погребенной почвы на разных уровнях встречались: фрагменты человеческих костей, фрагменты лепной и гончарной красноглиняной посуды, золотая бусина, аналогичная тем, что найдены в погребении № 2. Судя по всему, могила имела квадратную форму с закругленными углами и ориентирована сторонами по линии СЗ-ЮВ. На уровне материка ее размеры составляли 3,5х3,6 м. Ко дну стенки постепенно сужались до размеров 2,8х2,8 м. Глубина ямы 2,65 м от уровня погребенной почвы. Дно ровное.

Погребение оказалось разрушенным в древности. Отдельные трубчатые кости человеческого скелета лежали в куче по центру восточной стенки. Кроме того, в могиле найдены:

- 1 ритуальные гальки – в кучке, у северной стенки могилы;
- 2 - серебряная накладка – в юго-западном углу ямы;
- 3 - бронзовая уздечная пронизь – в юго-восточном углу ямы;
- 4 – фрагменты глиняных сосудов ;
- 5 – золотая бусина;
- 6 – бронзовая пластинка

Курган № 27 располагался на восточной периферии могильника, на пашне, между курганами №№ 24 и 25, в 70 м к юго-востоку от исследованного в 2003 г. кургана № 23. «Насыпь» земляная, сильно распаханная, в силу чего имела расплывшуюся форму и с трудом выделялась на местности. Диаметр 8 м, высота 0,1 м.

Курган раскапывался вручную на снос. Для фиксации его стратиграфии и планиграфии раскоп был поделен на 4 сектора с оставлением двух осевых бровок по линиям «север – юг» и «запад – восток».

В ходе раскопа в различных частях кургана на разной глубине были обнаружены следующие предметы:

- 1) фрагмент керамики – на глубине 0,3 м в 3,15 м к югу и в 1,9 м к востоку от 0;
- 2) альчик (КРС?) – на глубине 0,38 м в 2,55 м к западу и в 1,2 м к северу от 0;
- 3) фрагмент кости КРС – на глубине 0,35 м в 2,3 м к северу и 0,7 м к западу от 0;
- 4) трубчатая кость КРС – на глубине 0,4 м в 1,1 м к югу и 0,45 м к востоку от 0;
- 5) челюсть КРС – на глубине 0,35 м от в 1,3 м к северу и в 1,0 м к западу от 0;
- 6) трубчатая кость КРС – на глубине 0,4 м в 1 м к востоку и в 0,8 м к северу от 0;

7) фаланга КРС – на глубине 0,4 м в 1,8 м к югу и в 1,65 м к западу от 0.

Раскоп был выведен на уровень материка. Стратиграфия кургана:

1 – стерня, мощностью от 8 - 15 см;

2 – плотный суглинок темного цвета мощностью до 0,25 м (в центре кургана) прослежен от поверхности до погребенной почвы;

3 – могильный выкид, представленный слоями материковой глины желтого цвета, мощностью от 10 до 20 см, располагавшийся на погребенной почве;

4 – глиняный вал мощностью от 15 до 25 см и шириной 1 м в 2 м от условного центра. Сверху вал охватывает слой гумуса шириной около 0,7 м. Вал имел в плане подквадратную форму;

5 – погребенная почва мощностью 10-12 см. В двух срезах – по бровке 3-В в 3 м к востоку от 0 и по бровке С-Ю – в 1,75 м к северу от 0 по внутренней кромке вала погребенную почву прорезал ровик шириной до 0,5 м и глубиной до 0,15 м;

6 – материк выражен светлым суглинком.

Могильная яма прямоугольной формы выявлена по центру кургана. Длинной осью она была ориентирована по линии 3-ЮЗ – В-СВ. Размеры ее на уровне древнего горизонта 2,7х3,9 м. В верхних слоях заполнения могилы встречались мелкие фрагменты дерева, зола и обожженная почва – свидетельства сгоревшего деревянного перекрытия. Судя по остаткам перекрытия, сохранившихся у стенок, оно состояло из плах шириной 4-5 см, лежавших поперек ямы. Также с первого штыка и до дна ямы встречались мелкие фрагменты костей человека, КРС и глиняные черепки. Стенки ямы постепенно сужались ко дну до размеров 2,3х3,6 м. Под наклоном в северном углу ямы у самого края (конец

острия копыя торчал из могилы на уровне погребенной почвы), острием вверх стоял железный наконечник копыя, имевший коническую втулку и лавролистный клинок. Глубина 0,75 м от уровня погребенной почвы. Не исключено, что дно ямы было посыпано мелом, т.к., были обнаружены россыпи кальцитов. Погребение оказалось разрушенным. Находки в западной половине ямы: кость КРС у северной стенки; разбитый глиняный сосуд – в центре; фрагменты черепа и отдельные трубчатые кости человека и МРС – у южной стенки, находились в разрозненном состоянии. В юго-восточном углу ямы в кучке лежали трубчатые кости человека и фрагмент керамики. В восточной половине ямы *in situ* зафиксированы человеческие останки – вытянутые кости ног – левой полностью, а правой, только кости голени и стопы взрослого человека. Судя по их положению, покойник лежал, вытянуто на спине, головой на Ю-ЮВ. Найденное в заполнении копые стояло в его ногах. Кроме того, его сопровождали бронзовые наконечники стрел в деревянном горите – против левого колена; костяная ложечка – у фаланг левой руки против бедра; железный нож – там же.

Курган № 28 располагался на восточной периферии могильника на пашне, в 60 м к востоку от кургана № 26. «Насыпь» земляная, сильно распаханная, в силу чего имела расплывшуюся форму и с трудом выделялась на местности. Диаметр 14 м, высота 0,15 м.

Курган раскапывался вручную на снос. Для фиксации его стратиграфии и планиграфии раскоп был поделен на 4 сектора с оставлением двух осевых бровок по линиям «север – юг» и «запад – восток». Ввиду того, что к северу визуально наблюдалось некоторое понижение, в этом направлении радиус раскопа был увеличен на 2 м.

Раскоп был выведен на уровень материка. Стратиграфия кургана:

1 – стерня, мощностью от 8 - 15 см;

2 – плотный суглинок темного цвета мощностью до 0,25 м (в центре кургана) прослежен от поверхности до погребенной почвы;

3 – могильный выкид, представленный слоями материковой глины желтого цвета, мощностью от 10 до 20 см, располагавшийся на погребенной почве;

4 – погребенная почва мощностью 10-12 см;

5 – материк выражен светлым суглинком.

Пятно могильной ямы прямоугольной формы черного цвета хорошо выделялось на фоне желтого материка по центру кургана. Длинной осью она была ориентирована по линии З – В. Размеры ее на уровне древнего горизонта 2,0х3,0 м. В верхних слоях заполнения могилы встречались мелкие фрагменты дерева – свидетельство деревянного перекрытия. Стенки ямы постепенно сужались ко дну до размеров 1,45х2,5 м.

На дне, на глубине 1,1 м от уровня погребенной почвы зафиксированы остатки разрушенного погребения. В восточной половине ямы в беспорядке располагались кости скелета человека (череп, тазовые, трубчатые рук и ног, позвонки и др. Среди костей человека лежали фрагменты черноглиняного лепного плоскодонного сосуда. Тут же лежали ребра, лопатка и кость ноги лошади. Кроме того, ребра лошади лежали в куче у юго-западного угла ямы. А в центре у южной стенки – лопатки и ребра МРС.

Курган № 29 располагался на восточной периферии могильника на пашне, между курганами №№ 24 и 25, в 40 м к юго-востоку от кургана № 28 и был крайним в группе. «Насыпь» земляная, округлой формы, сильно распаханная,

в силу чего имела расплывшуюся форму и с трудом выделялась на местности. Диаметр 12 м, высота 0,15 м.

Курган раскапывался вручную на снос. Для фиксации его стратиграфии и планиграфии раскоп был поделен на 4 сектора с оставлением двух осевых бровок по линиям «север – юг» и «запад – восток».

В ходе раскопа в различных частях кургана на разной глубине были обнаружены следующие предметы:

- 1) тазовая кость и ребра человека – на глубине 0,25 м в 1,3 м к северу и 0,6 м к востоку от 0;
- 2) лопатка лошади – на глубине 0,3 м в 1,5 м к северу и в 0,7 м к западу от 0;
- 3) кусок дерева – на глубине 0,35 м в 4 м к северу от 0.

Раскоп был выведен на уровень материка. Стратиграфия кургана:

- 1 – стерня, мощностью от 8 - 15 см;
- 2 – плотный суглинок темного цвета мощностью до 0,25 м (в центре кургана) прослежен от поверхности до погребенной почвы;
- 3 – могильный выкид, представленный слоями материковой глины желтого цвета, мощностью от 10 до 20 см, располагавшийся на погребенной почве;
- 4 – погребенная почва мощностью 10-12 см;
- 5 – материк выражен светлым суглинком.

Пятно могильной ямы прямоугольной формы черного цвета хорошо выделялось на фоне желтого материка по центру кургана. Длинной осью она была ориентирована по линии ЮЗ – СВ с небольшим отклонением. Размеры ее на уровне древнего горизонта 2,6х3,4 м. Стенки отвесные. В верхних слоях заполнения могилы встречались мелкие фрагменты дерева – свидетельство деревянного перекрытия. В момент вскрытия ямы со 2-го штыка и до дна в восточной

половине ямы в разбросанном виде стали встречаться кости человека (череп, кости конечностей, позвонки, ребра) и животного. Глубина ямы 0,63 от уровня погребенной почвы. Больше ничего в могиле не обнаружено.

Таким образом, в течение полевого сезона 2004 года археологическим отрядом Западно – Казахстанского областного центра истории и археологии на комплексе Кырык-Оба II было исследовано 7 аварийных памятников – курганов эпохи раннего железа. Все они относятся к 1-й пол. V в. до н.э., о чем свидетельствует сопровождающий инвентарь: бронзовые наконечники стрел, предметы конской упряжи, глиняные сосуды и пр. Следует отметить, что повторные исследования курганов №№ 2, 6 и 8 позволили получить ценнейшую дополнительную информацию об их ритуальных особенностях и предназначении. Все крупные курганы в данном могильнике конструктивно близки и представляют собой археологизированные руины древних строений, возведенных из глины и перекрытых деревом. При этом везде фиксируются глиняные валы, бывшие границами погребальных площадок.

Находки в пределах кургана № 8 и рядом с ним каменных антропоморфов, а также свидетельство авторов раскопок 2001 г. о том, что могильную яму здесь обнаружить не удалось (а только углубление в материк), позволяет предположить, что данный курган по своему предназначению был отличен от окружающих и представлял собой родоплеменное святилище. В центре святилища были либо установлены, либо погребены каменные антропоморфные плиты. Аналогичные памятники ритуального типа были обнаружены исследователями как среди памятников скифской культуры Украины, так и в исследуемой зоне – в бассейне реки Орь и в Южном Зауралье. Захоронение изваяний —

характерная черта культово-поминальной практики скифов Причерноморья (см., н.п.: Ляшко, Фридман 1987), а также носителей традиций прохоровской культуры на ее древнем этапе (VI—IV вв. до н. э.) (Гуцалов, Таиров 2000).

Наиболее близкие аналогии памятнику в целом, как объекту погребальной архитектуры, мы находим на территории Северного Причерноморья скифского времени. Так, в Нижнем Поднепровье в могильнике Первомайка V каменное изваяние было обнаружено в святилище, также окруженное земляным валом, датированное концом V — началом IV вв. до н. э. Сходная с исследуемой подкурганная конструкция была зафиксирована в кургане с каменным изваянием у с. Васильевка в степном Поднепровье. В последние годы на территории Западного Казахстана выявлен ряд культово-поминальных объектов, имеющих отчетливые аналогии с вышеназванными памятниками степной Украины (Гуцалов 1998; Гуцалов, Таиров 2000). Следует заметить, что исследуемое культовое сооружение имеет определенное сходство и с валообразными оградами VI или VI—V вв. из могильника Тагискен в Южном Приаралье (Итина 1984; С. 78—84).

К числу важных достижений раскопок 2004 г. на могильнике Кырык-Оба II относится исследование погребальных комплексов рядовых кочевников. Ни в 2001 г., ни в последующие годы погребальные памятники этого слоя скотоводов не были обнаружены из-за того, что на полях в момент раскопок находились несжатые посевы. Раскопки прошедшего года показали, с одной стороны, их близость к основной массе рядовых погребений кочевников Западного Казахстана конца VI—V вв. до н.э., а с другой, их несомненное обрядовое сходство с курганами воинско-жреческой знати (по крайней мере. курган № 27).

Летом 2005 года археологический отряд Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии проводил раскопки аварийных курганов группы Кырык-Оба II. Были продолжены исследования курганов данной группы, где в качестве объектов были выбраны только аварийные курганы №№ 15 и 17, разрушенные при строительстве автотрассы и полевых работ. Кроме того, были проведены дополнительные исследования кургана №14.

Курган № 14 располагался к югу от автотрассы «Уральск – Бурлин» на восточной периферии могильника, в лесополосе. В 2004 году курган раскапывался отрядом ИА МОН РК [см.: Смагулов, 2005], в результате чего была вскрыта только центральная часть кургана с могильной ямой. При этом многие детали погребального обряда, ввиду фрагментарности вскрытия, зафиксированы не были.

В 2005 году с целью определения характера курганной конструкции на объекте были проделаны следующие работы:

1) зачищены до уровня погребенной почвы остатки деревянной конструкции вокруг могильной ямы, имевшей на момент работ неправильные квадратные очертания размерами 4x5 м. В результате было четко выявлено, что перекрытие состояло из досок шириной до 30 см, лежавших по направлению СВ-ЮЗ и опиравшихся на брусья, расположенных по краям ямы;

2) по западной и южной перифериям кургана был разбит дополнительный раскоп. Дополнительные траншеи были разбиты приблизительно в 6 м к западу и юго-западу от предполагаемого центра. Западная траншея имела

протяженность 12 м с севера на юг и 4 м – с запада на восток. С юга к ней по направлению 3-В были прирезаны еще два квадрата с длиной сторон 4 и 5 м. Грунт снимался до уровня погребенной почвы. По профильным бровкам прослежена следующая стратиграфия:

- 1) гумус – до 10 см толщиной;
- 2) серый суглинок – мощностью до 75 см;
- 3) пласт материковой глины, принадлежавший кольцевому валу – толщина до 15 см. Располагался на погребенной почве. Вал фиксировался во всех секторах и почти по всем бровкам. Последнее наблюдение дает возможным установить, что в данном кургане, как и в раскопанных ранее, вал кольцом окружал могильную яму;
- 4) погребенная почва – толщина 12-15 см.

В 1-м южном квадрате на уровне –30 были найдены кости лопатки лошади, располагавшиеся на глиняном валу. Больше никаких находок сделано не было.

Курган № 15 располагался к югу от автотрассы «Уральск – Бурлин» в центре могильника, у лесополосы. Насыпь уплощенная, с понижением в центре, подквадратной в плане формы. Диаметр 40 м, высота 1,1 м. По периферии кургана – густые заросли чилиги. По южной поле кургана проходила полевая дорога, изменив глубокой колеей его рельеф.

Снятие грунта проводилось вручную. При этом сохранялись две осевые бровки, по сторонам света, проходящие через центр кургана и, соответственно в 5 м к западу и востоку от условного центра – еще две дополнительных меридионального направления

В ходе снятия грунта были сделаны следующие находки:

1 – в 13 м к западу и в 9 м к югу от 0 на уровне погребенной почвы на глубине 30 см от поверхности кургана – клад из железных, бронзовых и серебряных предметов конской узды. Всего, судя по количеству псалиев, было 4 комплекта. Псалии, навершия которых были выполнены в виде голов хищных птиц и волков, были изготовлены из бронзы и железа, а также серебра. Кроме того, в состав узды входили распределители – тройники, бронзовые конусы – султаны, а также различного рода пронизи, выполненные в зверином стиле. Железные кольчатые удила плохо сохранились;

2 – кость КРС – в 12,2 м к западу и 6,8 м к югу от 0 в 15 см от поверхности кургана;

3 – лопатка лошади – на северо-восточной периферии на глубине 15 см от поверхности кургана в 3,2 м к западу и в 20,4 м к востоку от условного центра;

4 – кусочки мела – в 5 м к югу и 0,2 м к востоку от 0 на глубине 60 см от поверхности кургана;

5 – две пластины железа (фрагменты клинка?) – в 11,2 м к западу и 7,2 м к югу от 0 на глубине 25 см от поверхности кургана;

6 – лопатка лошади и множество трубчатых костей КРС – в 17,9 м к востоку и в 3 м к северу от условного центра 30-40 см от поверхности кургана;

7 – две лопатки лошади – в 17,3 м к востоку и 3,5 м к северу от 0 на глубине 30 см от поверхности кургана;

8 – лопатки КРС – в 4 м к северу и 20,3 м к востоку от 0 на глубине 15 см от поверхности кургана;

9 – трубчатая кость КРС – в 4,6 м к северу и 20,3 м к востоку от 0 на глубине 15 см от поверхности кургана;

10 – астрагал КРС – в 4 м к северу и 20,4 м к востоку от 0 на глубине 30 см от поверхности кургана;

11 – трубчатая кость КРС – в 6 м к северу и 20,7 м к востоку от 0 на глубине 20 см от поверхности кургана;

12 – две пястные и одна бедренная кость КРС – в 7 м к северу и 19,7 м к востоку от 0 на глубине 25 см от поверхности кургана;

13 – трубчатая кость КРС – в 7,4 м к северу и 19,5 м к востоку от 0 на глубине 25 см от поверхности кургана;

14 – кости конечностей КРС – в 9,5 м к северу и 13 м к востоку от 0 на глубине 40 см от поверхности кургана;

15 – трубчатая кость лошади – в 9,1 м к северу и 12 м к востоку от 0 на глубине 40 см от поверхности кургана;

16 – лопатка КРС – в 7,4 м к северу и 19,3 м к востоку от 0 на глубине 30 см от поверхности кургана;

17 – трубчатая кость лошади – в 3,5 м к югу и 11,5 м к западу от 0 на уровне –90 на древней поверхности;

18 – железная пластина – в 6,8 м к югу и 12,3 м к западу от 0 на уровне –60;

19 – трубчатые кости лошади – в 5 м к югу и 13,5 м к западу от 0 на уровне –60;

20 – лопатка лошади – в 3,9 м к югу и 15,2 м к западу от 0 на уровне –60;

21 – трубчатая кость лошади – в 9 м к югу и 14,5 м к западу от 0 на уровне –50;

22 – астрагал МРС – в 7,9 м к югу и 10,8 м к западу от 0 на уровне –100;

22 – трубчатая кость лошади – на валу в 10,1 м к северу и 2,9 м к востоку от 0 на уровне –25;

23 – астрагал КРС – в 7,8 м к северу и 15 м к западу от 0 на уровне –40;

24 – позвонки и трубчатая кость КРС – в 9,7 м к северу и 2,4 м к западу от 0 на уровне –60;

25 – трубчатая кость МРС – в 10,5 м к северу и 2 м к западу от 0 на уровне –60;

26 – трубчатая кость КРС – в 0,6 м к северу и 16 м к западу от 0 на уровне –55;

27 – позвонки КРС – в 0,9 м к северу и 15,5 м к западу от 0 на уровне –60;

28 – кости бедра МРС – в 1,6 м к северу и 15,5 м к западу от 0 на уровне –60;

29 – трубчатая кость МРС – в 0,6 м к северу и 16 м к западу от 0 на уровне –55;

30 – позвонки МРС – в 0,9 м к северу и 15,5 м к западу от 0 на уровне –55;

31 – кости бедра МРС – в 1,6 м к северу и 15,5 м к западу от 0 на уровне –55;

32 – позвонки МРС – в 1,7 м к северу и 13 м к западу от 0 на уровне –70;

33 – лопатки КРС (9 шт.) – в 9,5 м к северу и 2,8 м к западу от 0. Все они лежали на одном уровне –60. Несколько из них лежали друг против друга, смыкаясь;

34 – лопатка КРС – в 8,4 м к югу и 0,4 м к западу от 0 на уровне –40;

29 – трубчатая кость МРС – в 0,6 м к северу и 16 м к западу от 0 на уровне –55.

По бровкам удалось проследить следующую стратиграфию: верхний слой – гумус, мощностью 15-20 см. Ниже – слой серого суглинка мощностью 0,5-0,7 м. В центре по осевым бровкам на протяжении 4-5 м фиксировался затек из плотного чернозема, сформировавшегося в результате ограбления кургана. На погребенной почве в 6-7 м от центра по бровкам фиксируется мощный вал (шириной от 4 до 5 м и высотой до 0,5 м) из желтой материковой глины. В плане он был квадратной формы и ориентирован

углами по сторонам света с разрывом в юго-восточном секторе. Следует заметить, что мощный слой глины как бы обтекал небольшой вал из гумуса, параметры которого находились в пределах 0,8-1,0х0,2 м. На валу наблюдался настил из коры от подкурганной конструкции. Основу конструкции составлял деревянный сруб, остатки которого были зафиксированы в центре кургана. Сруб был возведен вокруг могильной ямы на уровне погребенной почвы и вероятно был квадратной формы (южная половина его не сохранилась). Размеры его были 8 м (северо-западная стенка) и 10 м – перпендикулярные стороны. Сруб ориентирован углами по сторонам света. По его углам и вдоль стен с внешней стороны наблюдались остатки сдвоенных или строенных столбов диаметром 20-30 см, углубленные на 15-20 см в погребенную почву. По краям сруб был укреплен материковой глиной. Плахи шириной 10-25 см лежали в несколько рядов.

Могильная яма была выявлена в центре сруба. Ее размеры на уровне погребенной почвы: 5,9х7,9-8,2 м. Она была прямоугольной формы и ориентирована длиной осью с СЗ на ЮВ. С юго-востока к ней перпендикулярно примыкал дромос длиной 8,2 м. Ширина его 1,2 м у устья и 0,8-1,0 м у входа в могильную яму. Уровень глубины в дромосе был различный – от –95 у устья до –45 от уровня погребенной почвы у входа в могильную яму. В устьевой части дромоса было понижение до –115. Здесь лежали в большом количестве кости скелета взрослой лошади (крестец, тазовые, ребра, позвонки и др.), вероятно, остатки мясной пищи, упавшие на дно после обрушения деревянного перекрытия. Рядом с этими костями у северо-восточной стенки на погребенной почве лежали 4 лошадиных черепа. Дромос уступом в виде 4-х ступенек шириной 30-40 см

спускался к центру ямы. Стенки ямы были большей частью отвесные, образуя местами небольшие ниши шириной 20-30 см. Северный угол могилы оказался обрушенным. Яма разной глубины в различных концах – от 1,80 м до 2,20 м. Дно могилы покрывал растительный глени от подстилки.

Могилка оказалась ограбленной, о чем говорила структура заполнения – перемес из комковатой материковой глины с плотным серым суглинком, а также находки отдельных предметов, сделанные по ходу ее вскрытия на разных уровнях:

1) в 6,3 м к югу и 3,1 м к востоку от 0 на глубине 0,7 м от уровня погребенной почвы – 2 бронзовых наконечника стрелы – у входа в могильную яму, с южной стороны;

2) рядом – в 6 м к югу и 4 м к востоку на глубине 1,0 м – фрагменты тулова красноглиняного гончарного сосуда;

3) строго по центру кургана – на глубине 2,0 м – фрагмент черепа человека – у северо-западной стенки ямы, почти по середине;

4) у юго-западной стенки, на глубине 1,5 м – ребро и трубчатая кость человека;

5) в 1 м севернее этого скопления на той же глубине – трубчатая кость и копчик человека;

6) в середине ямы, на том же уровне – золотая подвеска;

7) на глубине 1,7 м – кусочек золотой фольги;

8) в восточном углу на глубине 1,5 м – фрагменты красноглиняного сосуда. Внешняя поверхность покрыта поливой;

9) рядом – бронзовый трехлопастной наконечник стрелы;

10) еще 3 бронзовых трехлопастных наконечника стрелы – западной стенки на глубине 1.4 - 1,7 м;

11) на дне в центральной части – золотая бляшка ромбической формы с вставкой по центру;

12) рядом – бронзовый наконечник стрелы;

13) под завалом в западном углу лежало бронзовое зеркало с длиной боковой ручкой и широким валиком по краю. На его тыльной поверхности пуансоном нанесен орнамент в виде розетки по центру и 4-х окружностей вокруг нее;

14) в центре ямы была обнаружена костяная рукоять ножа, украшенная в зверином стиле. Ее окончание оформлено в виде вытянутой головы волка с оскаленной пастью, под которой вытянута передняя лапа, место стыка которой с туловищем обозначено волютой. В то время, как в профиль наблюдается свиной пяточок. У места крепления рукояти к лезвию на одной из плоских сторон дано изображение хищного животного, по своему облику, напоминающему нечто между кабаном и волком;

15) в северном углу ямы под завалом был обнаружен комплект конской узды, состоявший из псалиев и пронизок, выполненных в зверином стиле.

Структура и планиграфия данного кургана говорят о том, что он был однотипен памятникам кочевой элиты, изученным на этом комплексе за предыдущие годы.

Курган №17 располагался в восточной группе могильника к югу от автотрассы «Уральск – Бурлин». Он имел в плане форму яйца, вершиной на север, как следствие его сильного разрушения в предшествующие годы в ходе хозяйственной деятельности. По сведениям местных жителей в советское время в данном урочище находился полевой стан, и на месте настоящего кургана была построена кузница, что и подтвердили последующие раскопки. В результате в центре раскопа наблюдалась воронка диаметром до 10 м и глубиной около 2 м, заполненная металлоломом и молодой

порослью. Вдоль северной периферии была прорыта бульдозерная траншея, срезавшая значительную часть насыпи и поросшая молодыми тополями. Южный склон был более крутой, чем северный. Размеры кургана: диаметр 42 м и высота 1,65 м.

Снятие грунта проводилось вручную. Были разбиты две осевые бровки, по сторонам света, проходящие через высшую точку кургана и, соответственно в 7 и 14 м к западу от условного центра – еще две дополнительных бровки меридионального направления. При этом, в виду того что в центре кургана располагалась воронка, условный центр был перенесен в южную часть кургана, где наблюдалась его наивысшая точка.

В ходе снятия грунта были сделаны следующие находки:

1 – в 11 м. к западу и в 1 м. к югу от 0 на глубине 50 см. от поверхности кургана – трубчатая кость лошади;

2 – кости МРС – в 0,5 м. к востоку и 0,7 м. к северу от 0 в 10 см. от поверхности кургана;

3 – кости скелета корсака – в 0,6 м. к востоку и 0,6 м. к северу от 0 в 20 см. от поверхности кургана;

4 – бронзовый двудырчатый псалий – в 20 м к западу и в 3,5 м к северу от 0 в 10 см от поверхности кургана. Концы его оформлены в виде головок хищных птиц;

5 – бронзовый двудырчатый псалий – в 14,7 м. к западу и в 7 м. к северу от 0 в 20 см. от поверхности кургана. Концы его оформлены в виде головок хищных птиц;

6 – трубчатая кость лошади – в 14 м в западу и в 5 м к северу от 0 в 60 см от поверхности кургана;

7 – бронзовая пронизь, оформленная в виде головки хищной птицы – в 20 м к западу и в 2,8 к северу от 0 в 40 см от поверхности кургана

8 – бронзовая пронизь, оформленная в виде головки хищной птицы – в 18 м к западу и в 9 м к северу от 0 в 40 см от поверхности кургана ;

9 – бронзовая пронизь, оформленная в виде головки хищной птицы – в 17,5 м к западу и в 11 м к северу от 0 в 70 см от поверхности кургана ;

10 – бронзовая пронизь, оформленная в виде головки хищной птицы – в 15 м к западу и в 10 м к северу от 0 в 80 см от поверхности кургана

Стратиграфия кургана: верхний слой – гумус, мощностью 5-10 см. В южной половине кургана от вершины «насыпи» на глубину 0,75-1 м грунт был ровно подрезан и затем был заполнен рыхлыми комками глины, которые представляли собой, скорее всего остатки саманных, волнообразно разрушавшихся в новейшее время. Этот глинистый грунт неоднократно прорезался более поздними ямами, в заполнении которых преобладал строительный мусор. Или же наблюдались норы землеройных животных, заполненные их останками. Ниже данного слоя наблюдались остатки древнего кургана – темно-серая плотная супесь. Внутри этого слоя, ближе к центру фиксировался выкид из могильной ямы (желтая материковая глина по краю могилы протяженностью 3,5-5 м и толщиной 20-50 см). На периферии наблюдался кольцевой вал шириной от 3,5 до 5,5 м и высотой 0,25-0,75 м) из желтой материковой глины. В плане он имел форму неправильного шестигранника с закругленными углами. Следует заметить, что вал как бы обтекал небольшой вал из гумуса, параметры которого находились в пределах 1,0-2,5х0,4 м. Погребенная почва была выражена черноземом мощностью 20 см. Ниже ее шел слой материковой глины желто-красного цвета. По краю ямы также наблюдался слой прокаленной почвы радиусом до 4-х м и толщиной до 20 см.

Возможно, что наличие последнего слоя – результат сожжения деревянной подкурганной конструкции. Остатки ее зафиксированы в западной половине кургана, в виде круглых столбовых ямок диаметром 25-30 см и глубиной 20 см от уровня погребенной почвы, кольцом охватывавших могильную яму.

Уровень раскопа был доведен до погребенной почвы на глубину 1,25 м от 0. На северо-восточной периферии кургана в круглой ямке диаметром 60 см и глубиной –40 от уровня погребенной почвы находился череп лошади, ориентированный на север.

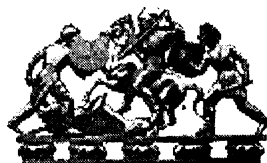
Под курганом было выявлено одно погребение. Оно находилось по центру. Яма круглой формы диаметром 10 м на глубине 1,5 м вдоль стен имела уступ шириной 0,8-1 м. Затем могила конусообразно сужалась ко дну до 8 м в диаметре. Глубина ямы – 3,7 м от уровня погребенной почвы. Заполнение могилы состояло из строительного мусора, прокаленной глины, золы и гумусного слоя. Никаких находок в могиле сделано не было. Скорее всего, погребение, разрушенное еще в древности, окончательно было расчищено в советский период.

Таким образом, в течение полевого сезона 2005 года археологическим отрядом центра истории и археологии было исследовано 3 аварийных памятника Кырык-Оба II – курганы эпохи раннего железа. Все они относятся к I-й пол. V в. до н.э., о чем свидетельствует сопровождающий инвентарь: бронзовые наконечники стрел, предметы конской узды, костяная рукоять, выполненная в зверином стиле, бронзовое зеркало и пр. Следуют отметить, что все крупные курганы в данном могильнике конструктивно близки и представляют собой руины древних строений, возведенных из глины и перекрытых деревом. При этом

езде фиксируются глиняные валы, бывшие границами погребальных площадок.

Курганы Кырык-Обы, как в обряде, так и в инвентаре, более близки погребальным памятникам кочевников Приаралья VII-VI вв. до н.э. Это сходство проявляется, во-первых, в наличии деревянных столбовых конструкций, как на погребальной площадке, так и в могилах; во-вторых, в распространении «святилищ огня»; в-третьих, в существовании практики коллективных захоронений на погребенной почве; и, наконец, в-четвертых, в значительном преобладании южной ориентировки умерших в процессе захоронения.

Историко-культурная специфика некрополя Кырык-Оба II, проявилась в вариативности погребального обряда и конской узды. Не исключено что в указанном урочище похоронена родоплеменная знать, издавелека свезенная к месту своего упокоения у могил приуральских «царей». Подобное отношение к могилам «святых» до сих пор наблюдается у кочевников. Особое отношение номадов к смерти и предопределило своеобразие такого памятника как Кырык-Оба II.

5. СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦАРСКИХ КУРГАНОВ

5.1 Стратиграфия и палеопочвы царского кургана №1

Использование методов и данных почвоведения в изучении археологических памятников имеет в России более чем вековую историю. Еще в середине XIX столетия были проведены и опубликованы результаты исследований почв курганных погребальных комплексов (И.Корнис, П.Кеппен, Ф.И.Рупрехт). Позже к объектам археологии в своей работе неоднократно обращался основатель российского генетического почвоведения В.В.Докучаев, причем по проблемам как одной, так и другой науки. В начале прошлого столетия к подкурганным почвам уже проявляли интерес не только естествоиспытатели (Д.Г.Виленский, А.Н.Криштофович), но и археологи, в частности, выдающийся российский ученый В.А.Городцов. В 70-е...80-е годы прошлого века интегративные исследования под названием "почвенно-

археологические" начали носить систематический характер (Иванов, 1978). Накопленный к концу XX века нами и другими авторами (А.Л.Александровский, Б.П.Ахтырцев, Г.А.Воробьева, А.Н.Геннадиев, А.А.Гольева, С.В.Губин, М.И.Дергачева, В.П.Золотун, И.А.Крупеников, Ф.Н.Лисецкий, П.В.Маданов, Л.С.Песочина, Т.А.Пузанова, Я.Г.Рысков, С.Н.Седов, И.Н.Степанов, С.А.Сычева, О.С.Хохлова, Ю.Г.Чендев, С.С.Чернянский и др.) полевой и экспериментальный материал, круг и полнота решаемых вопросов, уровень теоретического обобщения данных дал основания говорить о формировании на стыке естественных и гуманитарных дисциплин нового научного направления. Было предложено (Демкин и др., 1989, Демкин, 1993) назвать его археологическим почвоведением или педоархеологией. Именно такое определение обусловлено тем, что к числу изучаемых объектов, прежде всего, относятся памятники древней и средневековой истории общества, возникновение которых в той или иной степени связано с почвенно-грунтовым материалом. В частности, таковыми являются погребальные комплексы, другие ритуальные, а также фортификационные, мелиоративные сооружения, культурные слои на местах обитания древнего человека. Подобного рода грунтовые археологические и исторические памятники представляют собой своего рода систему, включающую палеопочвы, перекрытые насыпной толщей антропогенного происхождения, а также довольно часто предметы ритуально-мифологической практики и хозяйственной деятельности населения прошлых эпох. Поэтому основными объектами естественнонаучного исследования упомянутых памятников археологии являются погребенные почвы, подстилающая их грунтовая толща; дневные почвы, сформировавшиеся на курганных

насыпях, культурных слоях, валах, в сопровождающих их ровиках и выемках; органические и минеральные вещества, связанные с погребальным обрядом и процессом жизнедеятельности; исходные и вторичные солевые, гипсовые, карбонатные новообразования; почвенно-грунтовая масса, используемая как строительный материал при сооружении курганов, жилищ, крепостных и засечных валов и т.п. При изучении перечисленных объектов в полном объеме используются морфологические, химико-аналитические, геофизические, микробиологические, минералогические, биоморфные, изотопные и другие методы, применяемые в почвоведении. Наряду с ними в решении ряда вопросов весьма эффективным оказалось привлечение методических подходов и теоретических разработок смежных наук, в частности, геоморфологии, геологии, палеогеографии, ботаники и др.

Насколько же репрезентативными являются археологические памятники как объекты и источник информации для познания закономерностей пространственно-временной изменчивости природной среды в целом, почв и почвенного покрова в частности? Рассмотрим хронологический аспект проблемы на примере степной полосы Евразии, где основное внимание почвоведов сосредоточено на изучении курганов. Известно, что первые археологические памятники такого рода появились здесь еще у племен позднего энеолита в IV тыс. до н.э., то есть на тысячелетие раньше знаменитых египетских пирамид. Традиция курганного погребального обряда сохранялась у населения бронзового (III-II тыс. до н.э.), раннежелезного (I тыс. до н.э. – IV в. н.э.) веков, раннего и развитого этапов средневековья (V – XIV вв. н.э.). Существующая хронология археологических культур

в рамках упомянутых исторических эпох дает возможность определить время сооружения того или иного памятника с точностью от 200-300 до 50 лет. Поэтому даже в пределах отдельного курганного могильника, куда, как правило, входят разновозрастные памятники, можно исследовать достаточно длительный (до 5000-5500 лет) и дробный погребенный педохроноряд, включающий палеопочвы целой серии временных срезов, нередко до пяти-шести и более. Это обеспечивает получение детального экспериментального материала для реконструкции истории развития почв и природной среды. Теперь остановимся на географическом аспекте проблемы. Известно, что древние поселения, стоянки, городища и т.п., как правило, были приурочены к водным источникам (поймы и террасы рек, побережья озер, лиманов и др.). Поэтому информация, получаемая при исследовании подобных объектов, территориально весьма ограничена. Совершенно другие возможности в пространственно-географическом аспекте обеспечивает изучение курганов, которые встречаются в пределах различных элементов рельефа (речные долины, водоразделы, обширные равнинные участки, останцовые возвышенные поверхности). При этом их число несоизмеримо превосходит число стационарных поселков. По оценке специалистов, например, на территории Волгоградской области сосредоточено более 200 тыс. курганов, в Калмыкии – около 700 тыс. Отдельные могильники включают несколько десятков и даже сотен курганов. Можно полагать, что близкая картина наблюдается и в других регионах степного пояса Евразии (Северное Причерноморье, Предкавказье, Приуралье, Казахстан и др.). Таким образом, почвенно-грунтовые археологические памятники представляют собой уникальные объекты.

своего рода архив истории природы, созданный руками древнего человека.

Многочисленными исследованиями последних десятилетий убедительно показано, что репрезентативность объектов, методические разработки и теоретическая база археологического почвоведения дают возможность решать, по крайней мере, ряд важных задач. А именно: (1) эволюция почв и почвенного покрова; (2) региональные и фациальные закономерности процесса почвообразования в связи с пространственно-временной изменчивостью факторов внешней среды; (3) вековая динамика почвенных свойств и процессов; (4) реконструкция природных условий на протяжении каменного, бронзового, раннежелезного веков и средневековья; (5) влияние почв и природных условий на хозяйственную деятельность, расселение и миграции древнего и средневекового населения; (6) историко-социологические реконструкции с использованием данных и методов почвоведения и смежных наук.

Таким образом, на рубеже тысячелетий четко обозначился круг методов, объектов, задач и проблем археологического почвоведения (Иванов, 1992, Иванов, Васильев, 1995, Демкин, 1997, Дергачева, 1997, Иванов, Демкин, 1999). В настоящее время в рамках данного направления успешно реализуются многие вопросы не только почвоведения, но и палеогеографии, экологии, археологии, этнологии и др. Однако при этом базовой областью знания является почвоведение, обеспечивающее своими объектами и методами получение информации и для других дисциплин. Роль археологии прежде всего заключается в решении хронологической стороны комплексных исследований, то есть в датировании своими методами изучаемых объектов (время погребения почв, сооружения насыпей,

функционирования поселений и др.). Особое место занимают палеоэкологические и палеогеографические реконструкции, проводимые на основе сравнительного анализа свойств и признаков разновозрастных погребенных почв. Результаты этих исследований в равной степени входят в сферу интересов как почвоведения, так и археологии, этнологии. Таким образом, в итоге мы имеем тесную систему взаимосвязей через объекты, методы и решаемые проблемы между рассматриваемыми естественными и гуманитарными науками в области изучения истории развития природной среды и ее роли в жизни древних обществ. Кроме того, представляется возможность анализа существующих представлений о духовной и материальной культуре древних народов в свете почвенных исследований археологических объектов.

На сегодняшний день благодаря изучению разновозрастных археологических памятников в области почвоведения достигнуты весьма заметные успехи в решении генетико-эволюционных проблем. Экспонирование грунтовой толщи при сооружении курганов дало возможность установить скорость степного педогенеза с известным нуль-моментом, причем для различных элементов микрорельефа (прикурганье ровики, курганные насыпи) Основное же внимание при почвенно-археологических исследованиях уделяется вопросам истории почвообразования в связи с пространственно-временной изменчивостью факторов природной среды. Для многих природных районов евразийской лесостепи, степи, полупустыни предложены концептуальные модели голоценовой эволюции почв, установлены направленность и скорость миграции солей, гипса, карбонатов, определены закономерности протекания процессов солонце- и

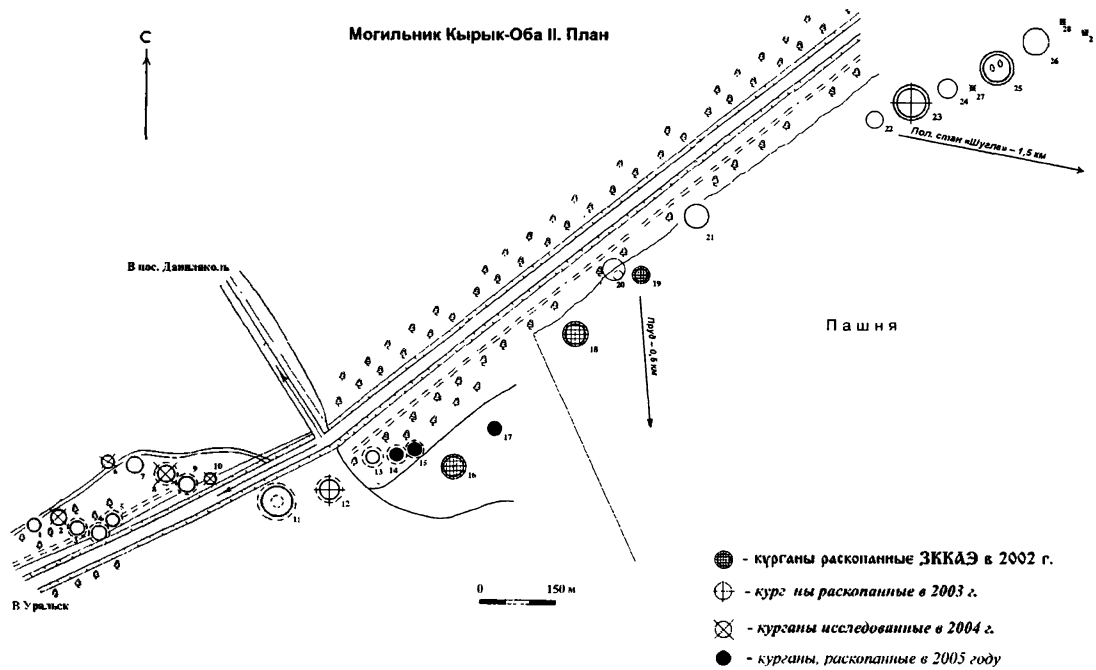

Рис. 1. План могильника Кырык-Оба II.

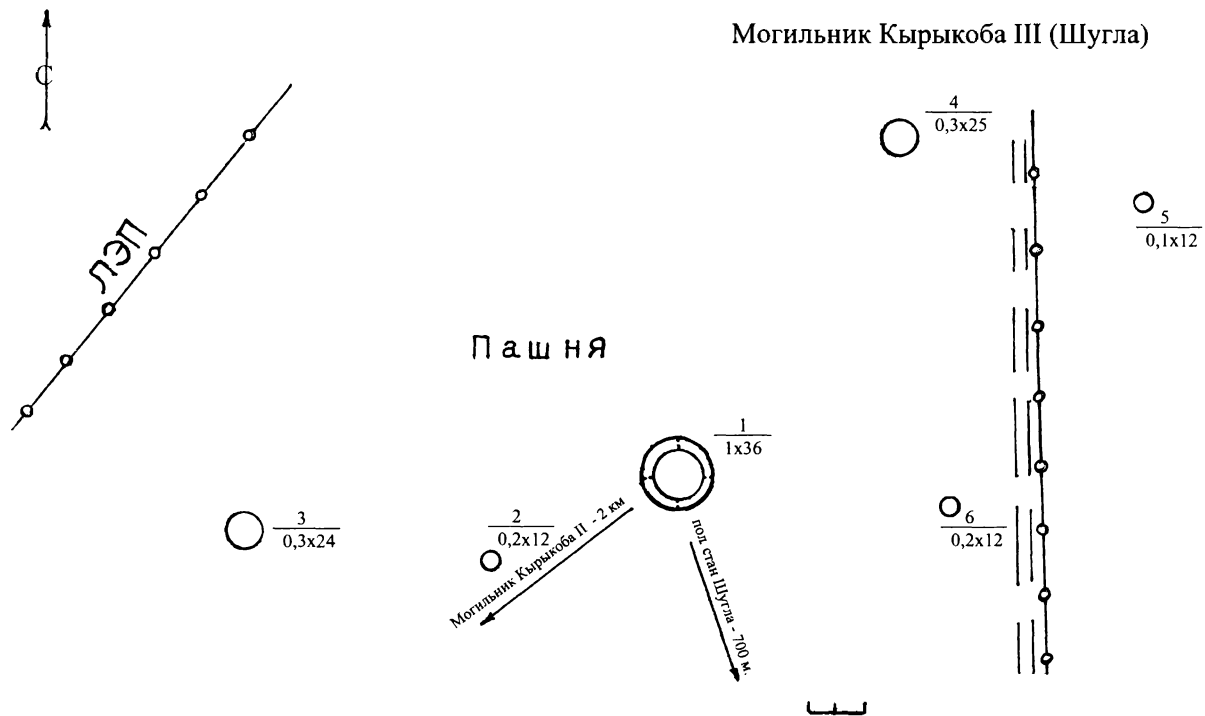

Рис. 2. План могильника Кырык-Оба III

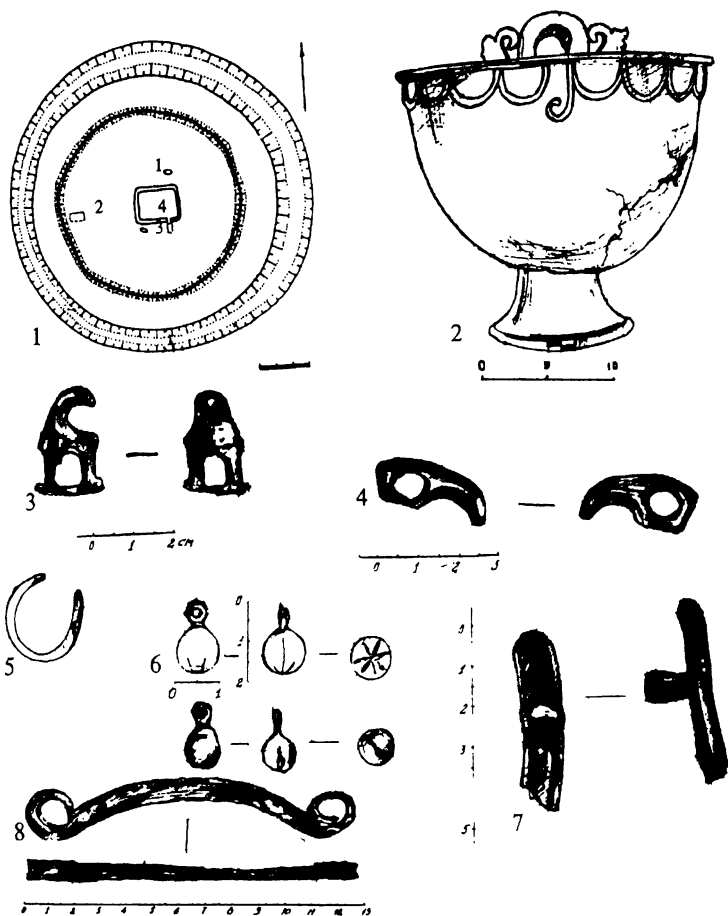

Рис. 3. Курган 8. 1 – план кургана; 2 – бронзовый котел;
 3 – обойма, погребение 3; 4 – пронизь;
 5 – бронзовое кольцо, погр. 1.; 6 – бубенчики, погр. 1;
 7 – пронизка-накладка, погр. 3; 8 – дуговидный псалий, погр. 2

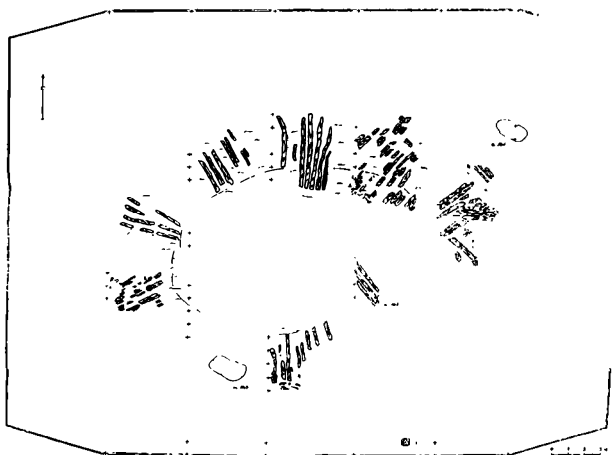
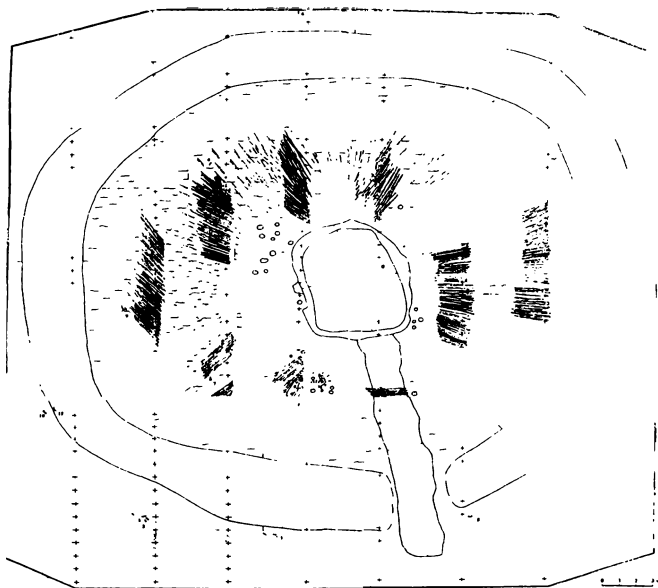
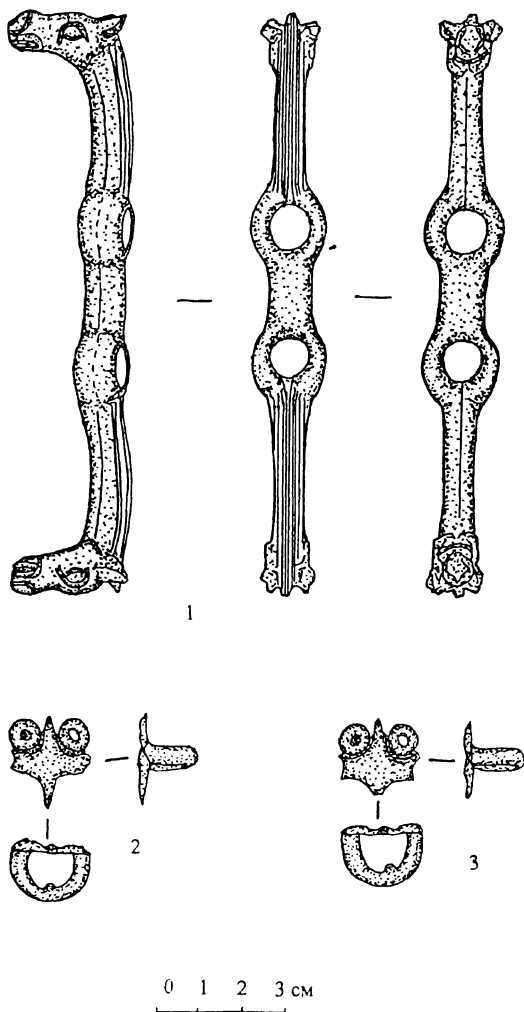

Рис. 4. 1. Могильник Кырык-Оба II. Курган 16. План кургана.
2. Могильник Кырык-Оба II. Курган 18. План кургана.

Кырык-Оба II, к.16.

Рис. 5. Могильник Кырык-Оба II. Курган 16. Инвентарь в насыпи кургана. 1 - двудырчатый псалий. 2,3 - распределительные прогизы. -3 бронза

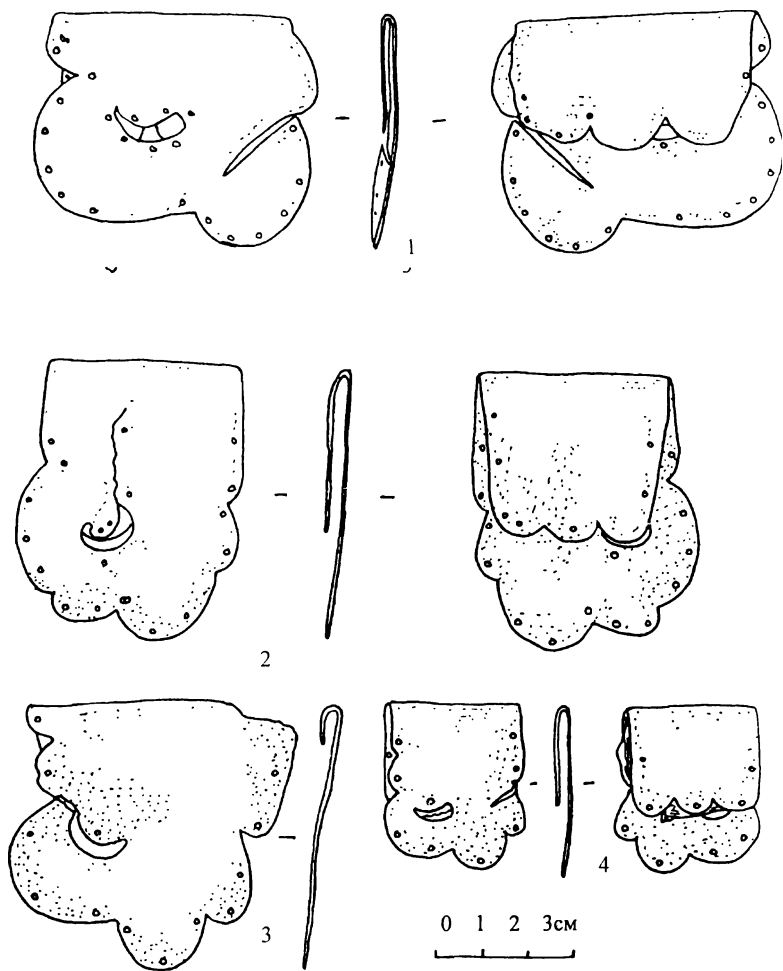

Рис. 6. Могильник Кырык-Оба II. Курган 16. Инвентарь в могильной яме. 1-4 – оковки деревянных ритуальных сосудов. 1- золото. 2-4 – серебро.

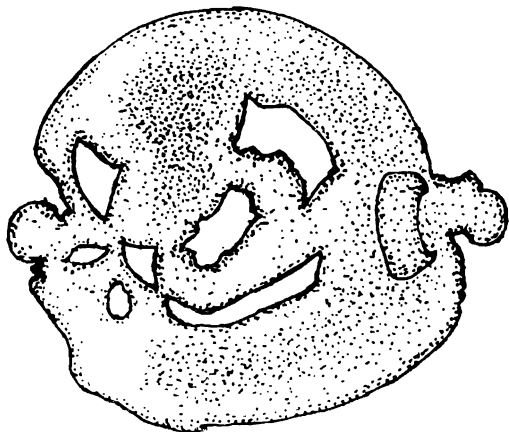
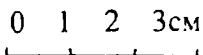
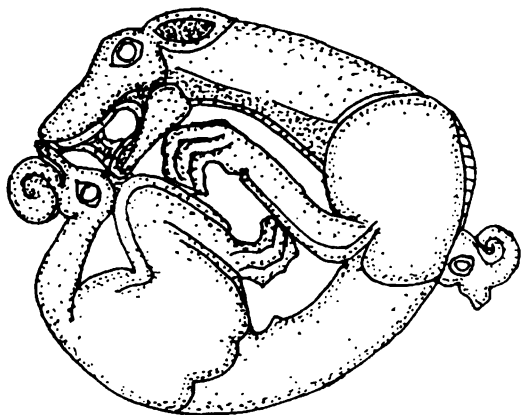

Рис. 7. Могильник Кыртык-Оба II. Курган 18. Бронзовая бляха

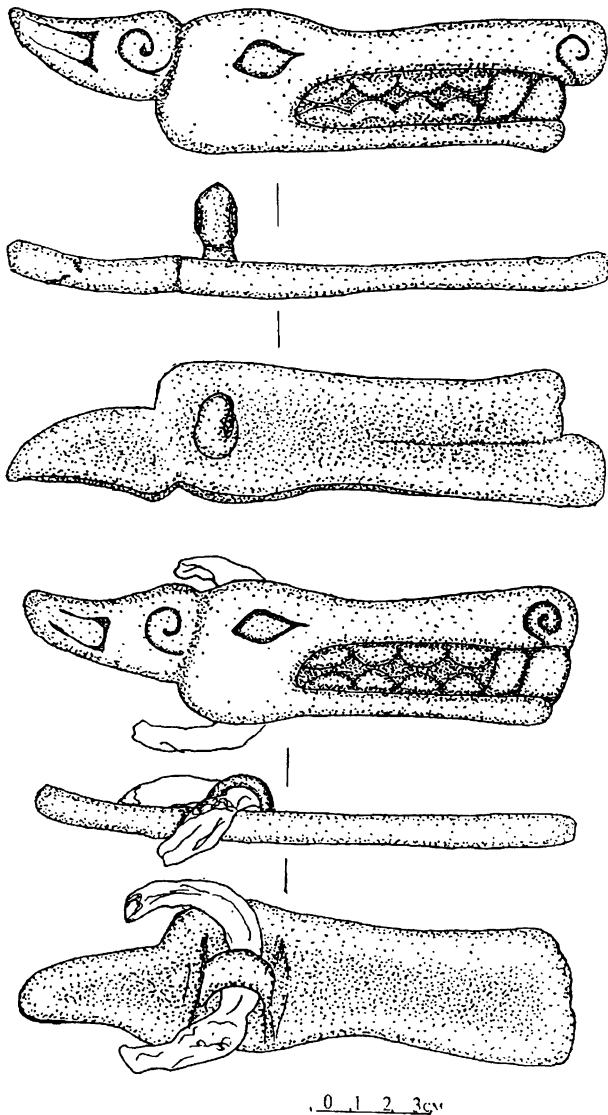

Рис. 8. Могильник Кырык-Оба II. Курган 18. Бронзовые
бляшки-нащечники

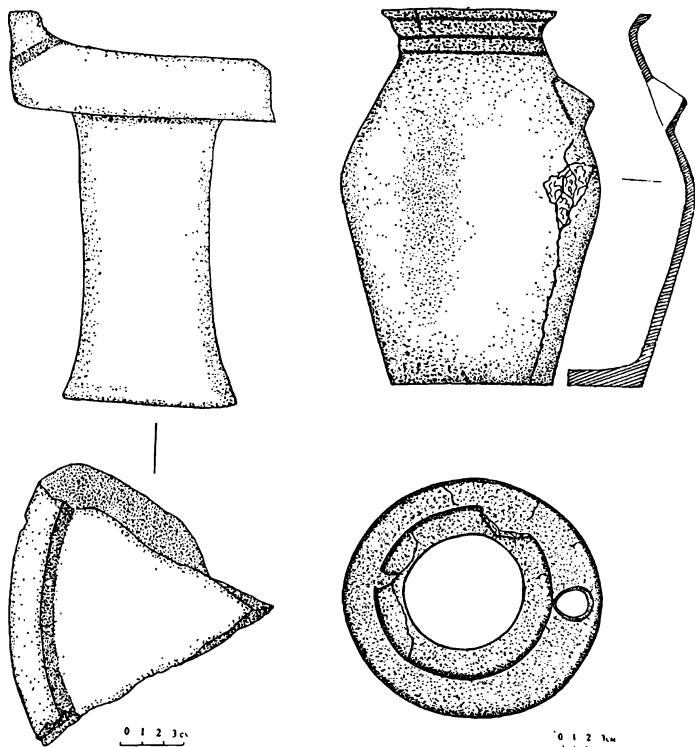

Рис. 9. 1. Могильник Кырык-Оба II. Курган 18. П.1. Фрагмент блюда-алтарика; 2. Могильник Кырык-Оба II. Курган 18. П.4 – сосуд с трубчатым носиком. 1- камень, 2 – глина.

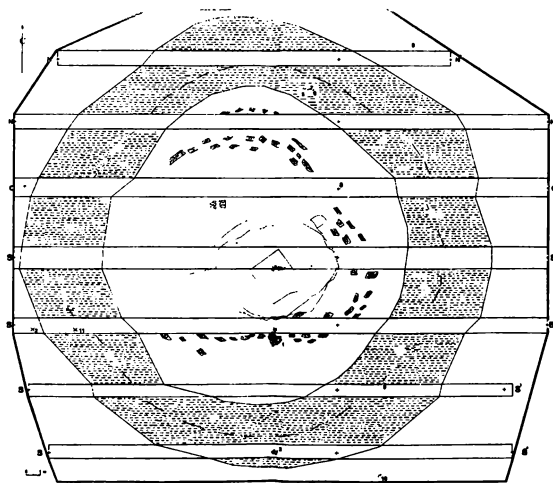
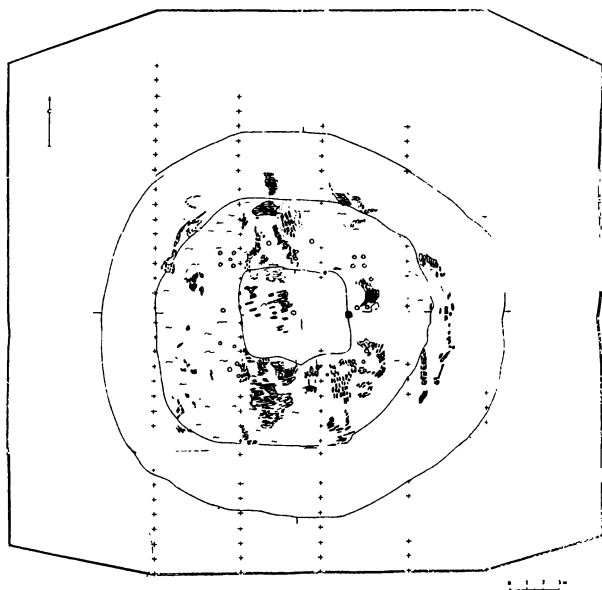

Рис. 10. 1. Могильник Кырык-Оба II. Курган 19. План кургана.
 2. Могильник Кырык-Оба II. Курган 12. План кургана.

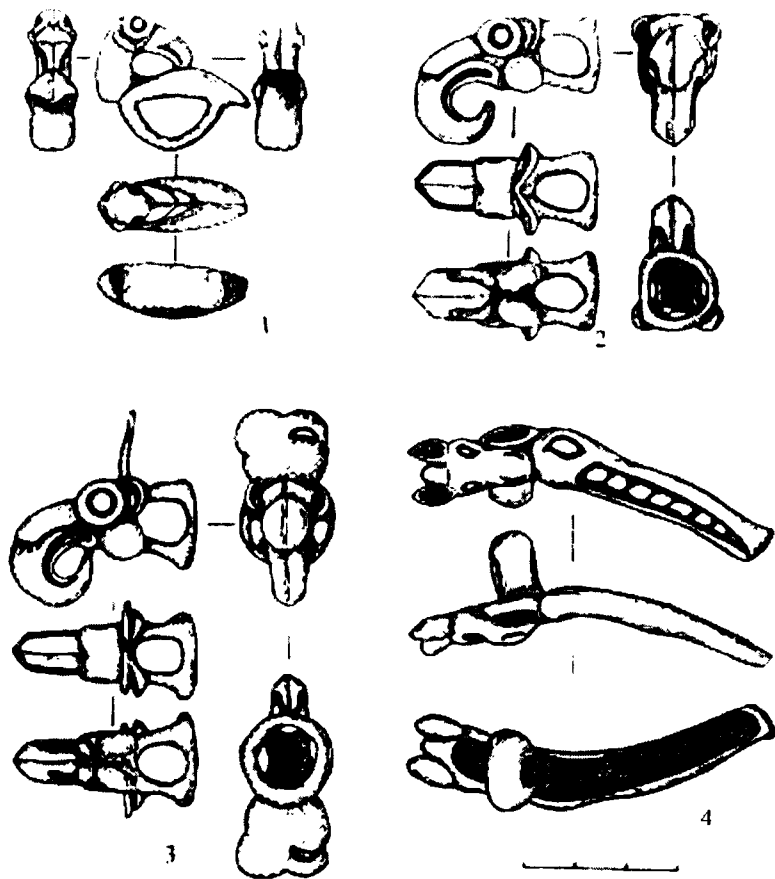

Рис. 11. Могильник Кырык-Оба II. Курган 12. Инвентарь из насыпи. 1-4 – псалии и пронизи. 1-4 – бронза

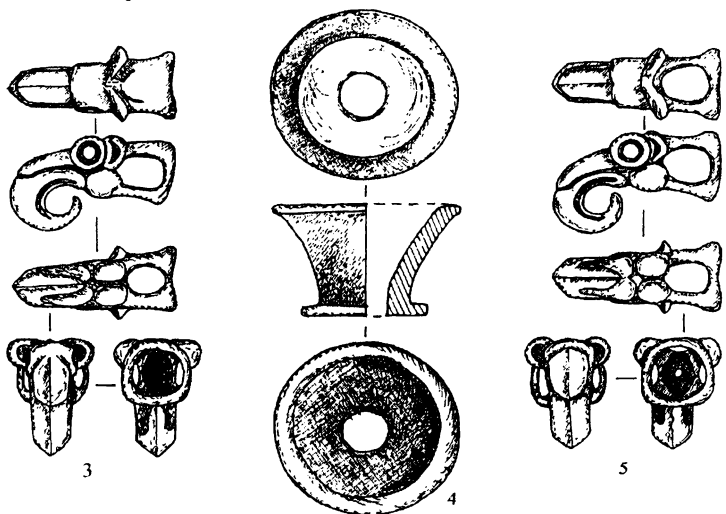
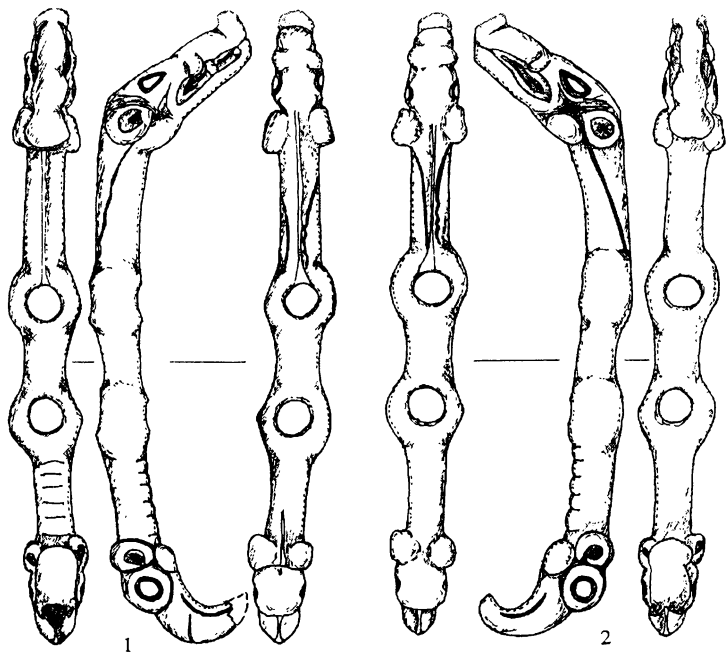

Рис. 12. Могильник Кырык-Оба II. Курган 12. Инвентарь из насыпи. 1-5 – псалии и пронизи. 1-5 – бронза

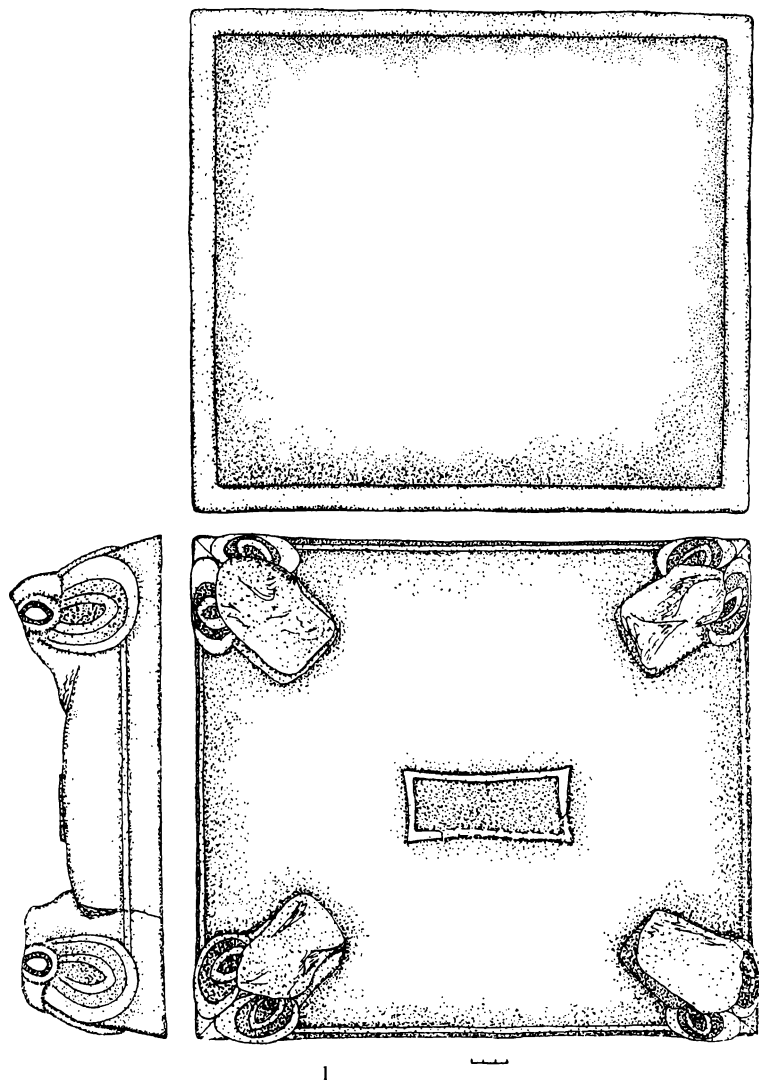

Рис. 13. Могильник Кырык-Оба II. Курган 23. Инвентарь из насыпи. 1 – алтарь. 1 – камень.

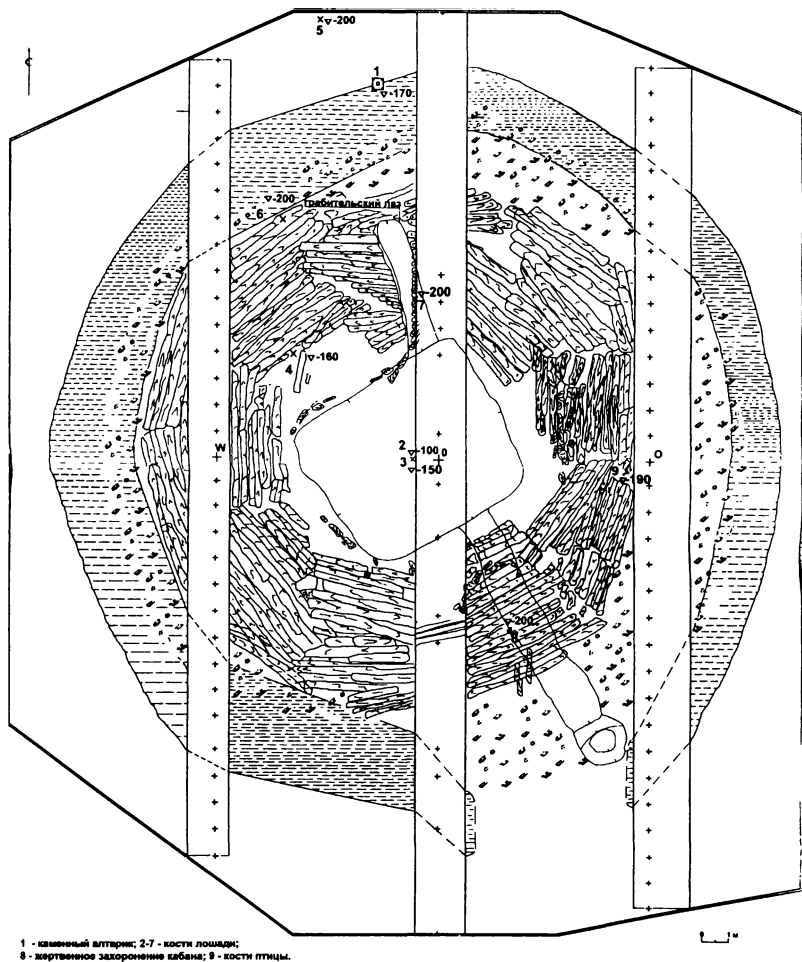

Рис. 14. 1. Могильник Кырык-Оба II. Курган 23. План кургана.

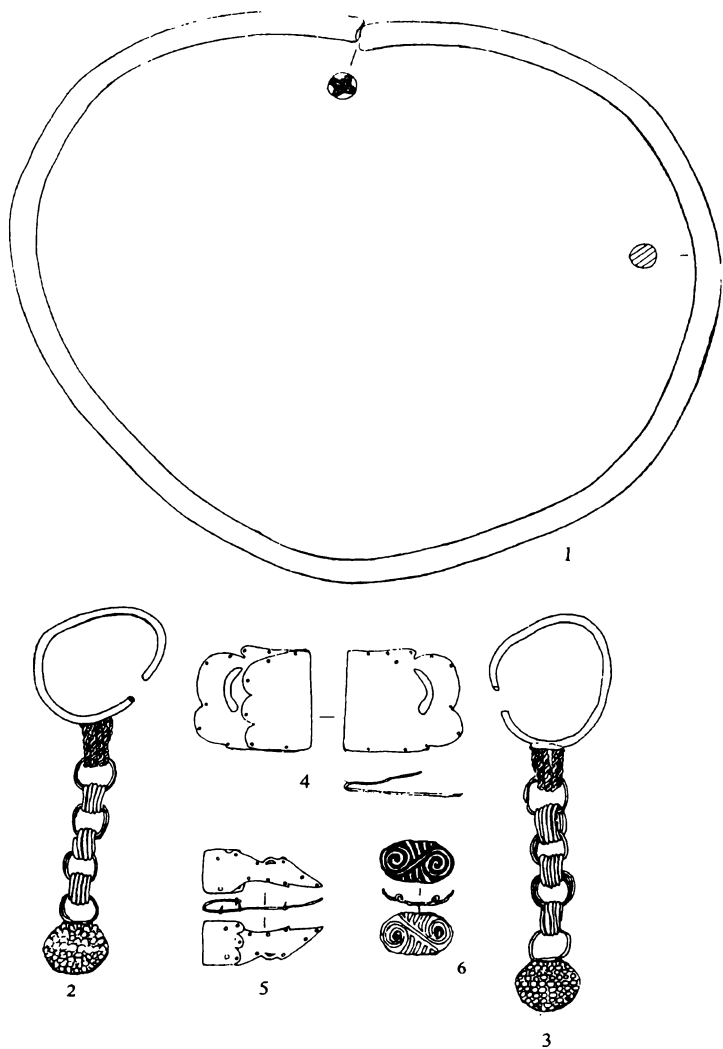

Рис. 15. Могильник Кырык-Оба II. Курган 23. II. 1 - гривна, 2,3 - височные подвески. 4, 5 - оковки деревянных сосудов. 6 - нашивная бляшка. 1 - в золото. 5 - серебро

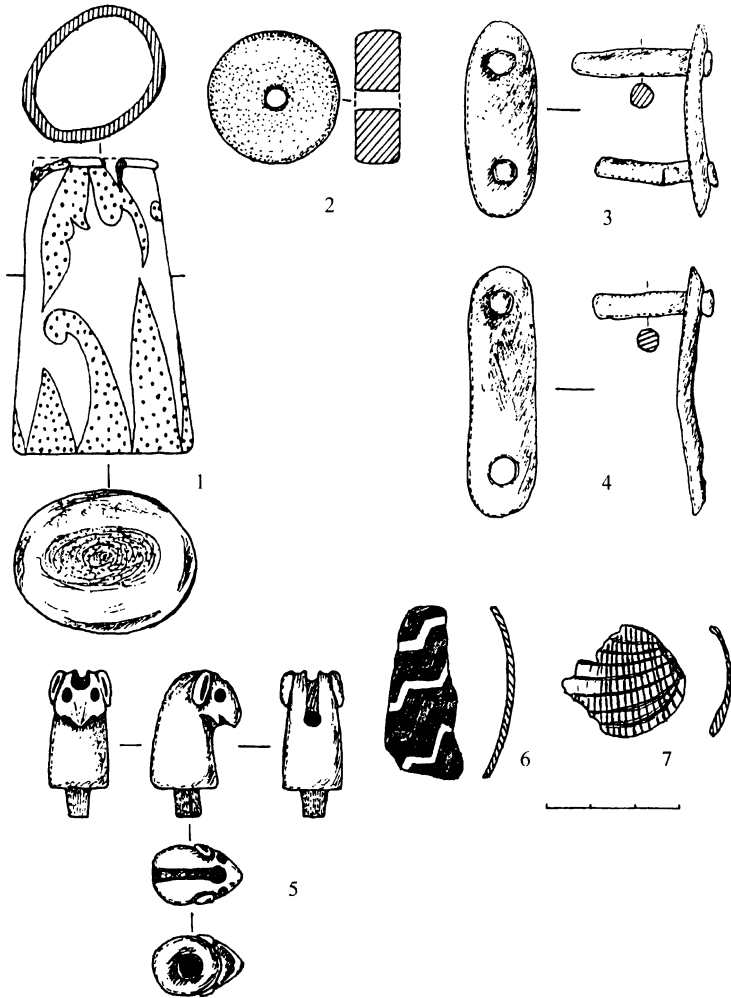

Рис. 16. Могильник Кырык-Оба II. Курган 23. П. 1. 1 – втулка. 2 – пряслице. 3, 4 – пластинки со штифтами. 5 – стержень с навершием в виде головки птицы. 6, 7 – раковина. 1 – кость 2 – глина. 3, 4 – серебро. 5- дерево. глина.

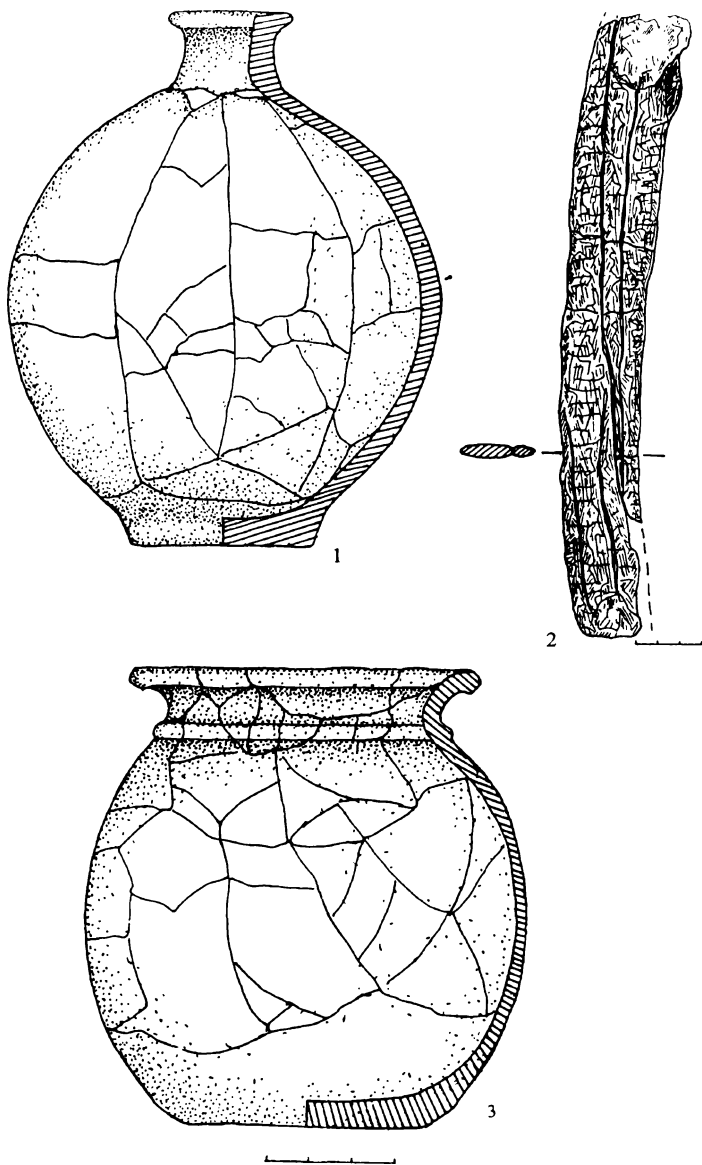

Рис. 17 Могильник Кырык-Оба II. Курган 23. П. 1. 1-3 - фрагменты флаконов розового и серого цветов. 2 - нож (?). 1.3
 глинян. ... железо

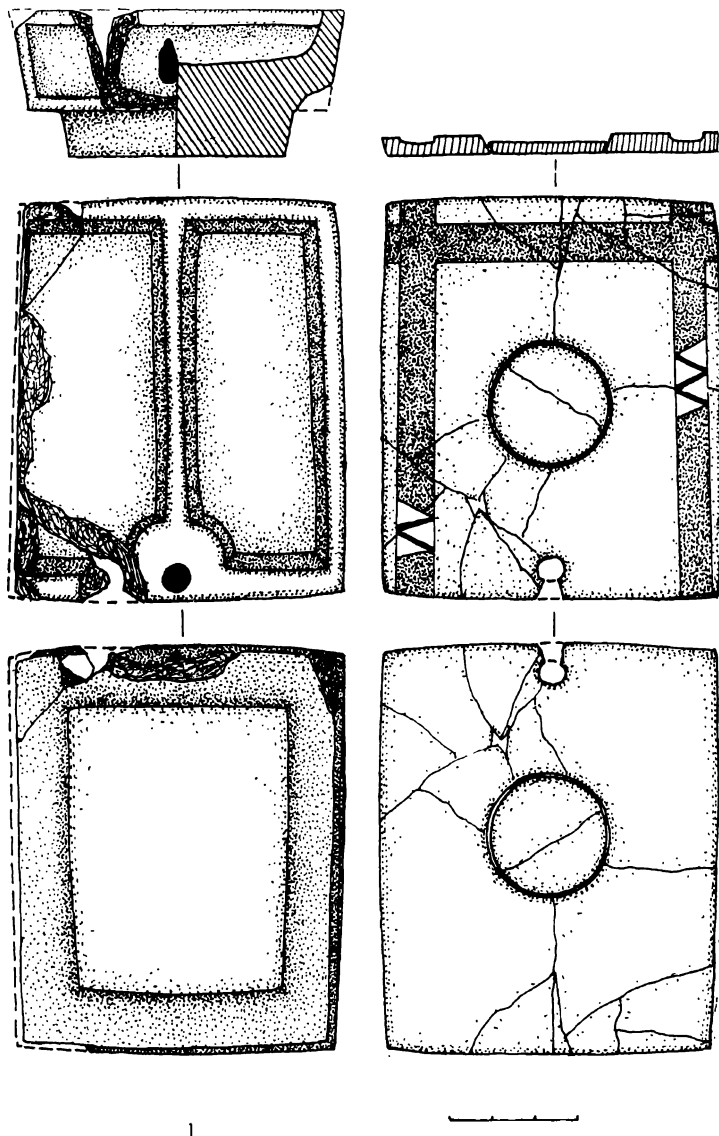

Рис. 18. Могильник Кырык-Оба II. Курган 23. П. 1. 1 – шкатулка с крышкой, украшенной глазурью. 1 – фаянс

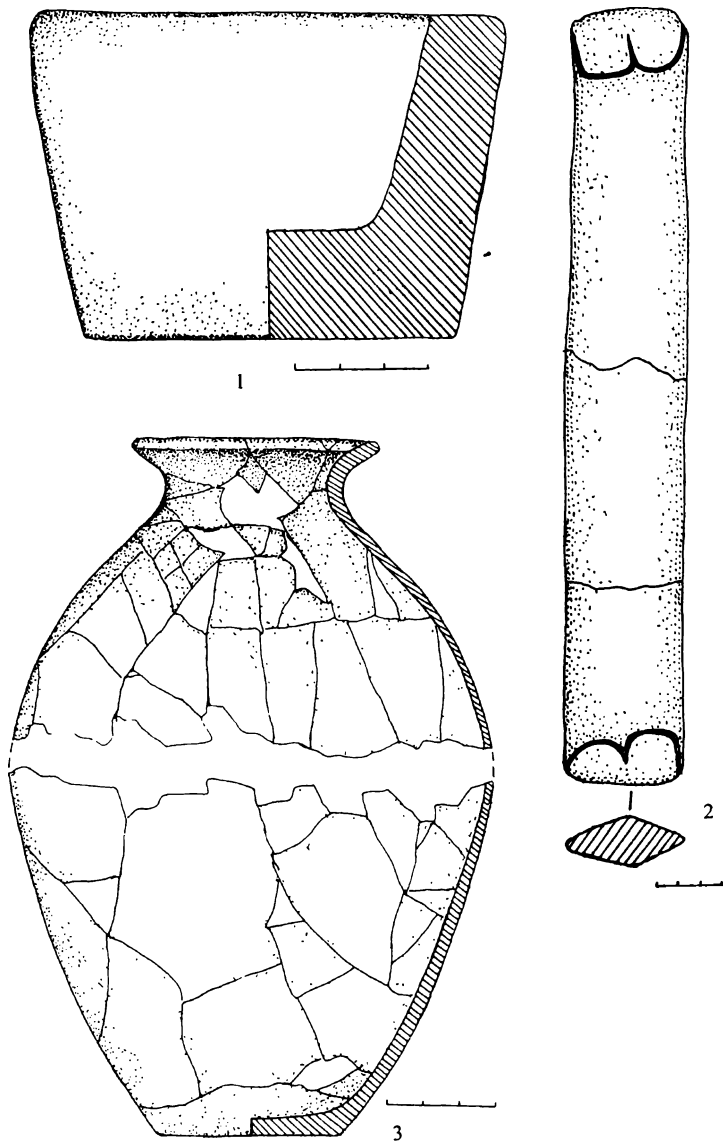
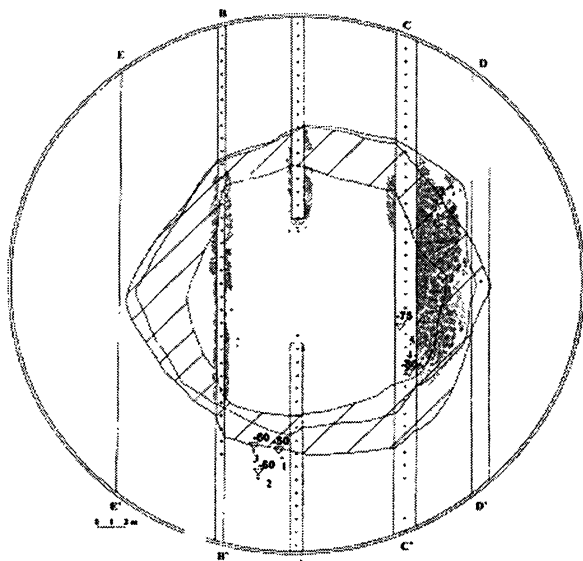

Рис. 19. Могильник Кырык-Оба II. Курган 23. П. 1. 1 – ступка, 2 – оселок, 3 – ритуальный сосуд розового цвета. 1 – камень, 2 – песчаник, 3 – глина

1 - массивная внешняя стена;
 2,3 - кости лошади; 4,5 - кости МРС

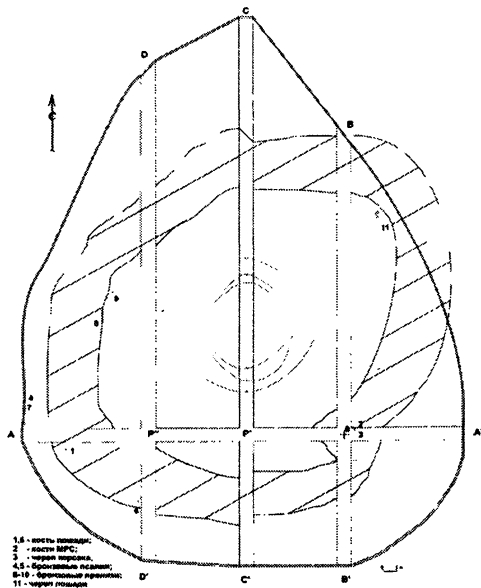

Рис. 20. 1. Могильник Кырык-Оба II. Курган 2. План кургана. 2. Могильник Кырык-Оба II. Курган 17. План кургана.

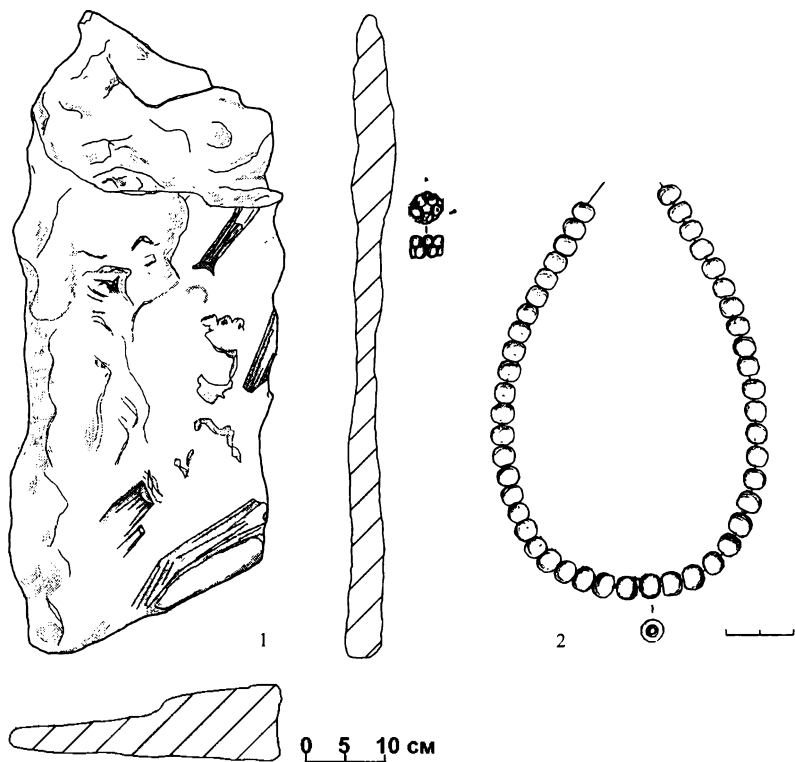

Рис. 21. 1. Могильник Кырык-Оба II. Курган 8. Каменная антропоморфная плита из насыпи. 2. Могильник Кырык-Оба II. курган 10. II 2. Ожерелье из золотых

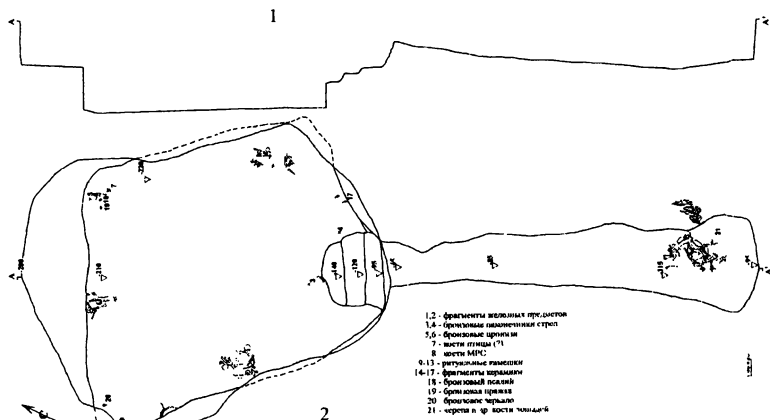
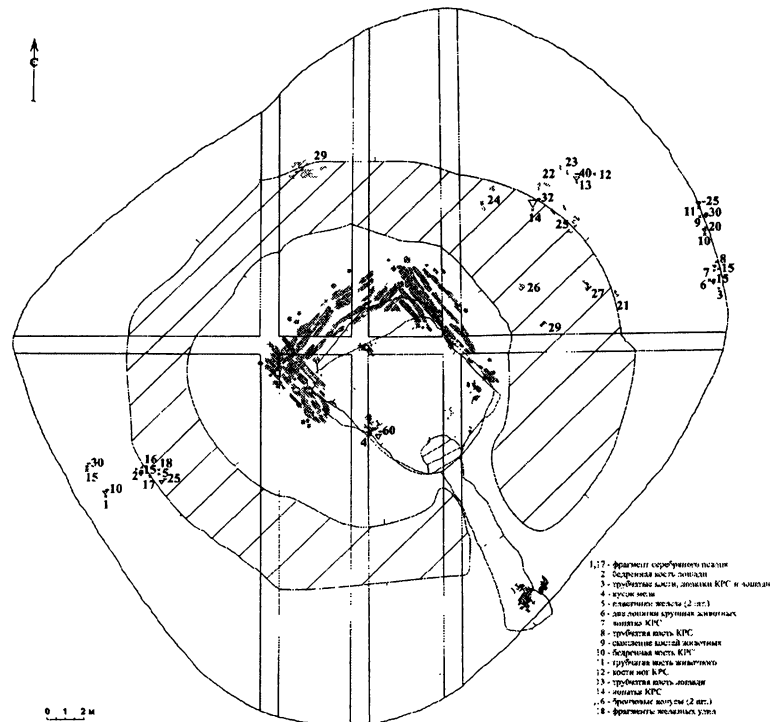
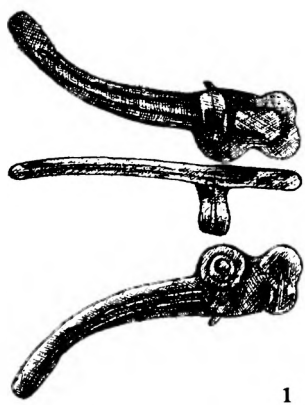
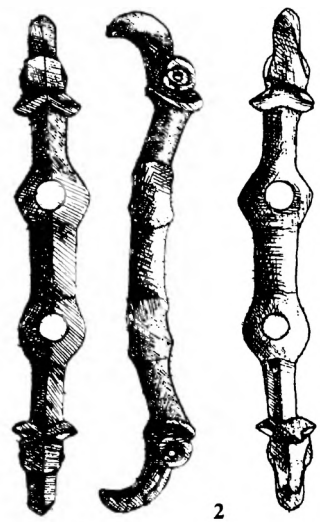

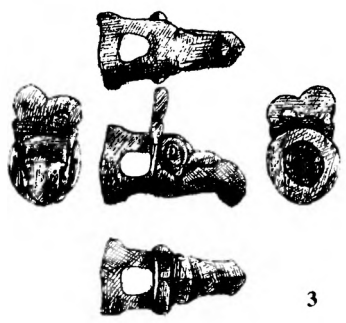
Рис. 22. 1. Могильник Кырык-Оба II. Курган 15. План кургана.
 2. План могильной ямы.

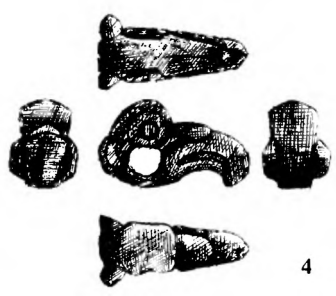
1

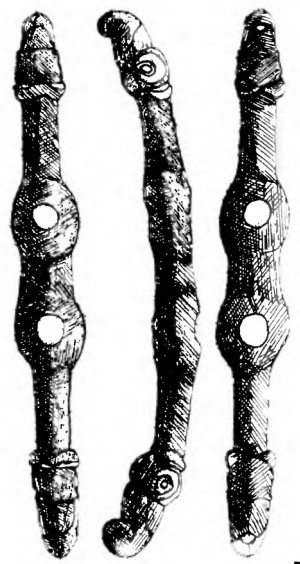
2

3

4

5

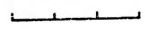
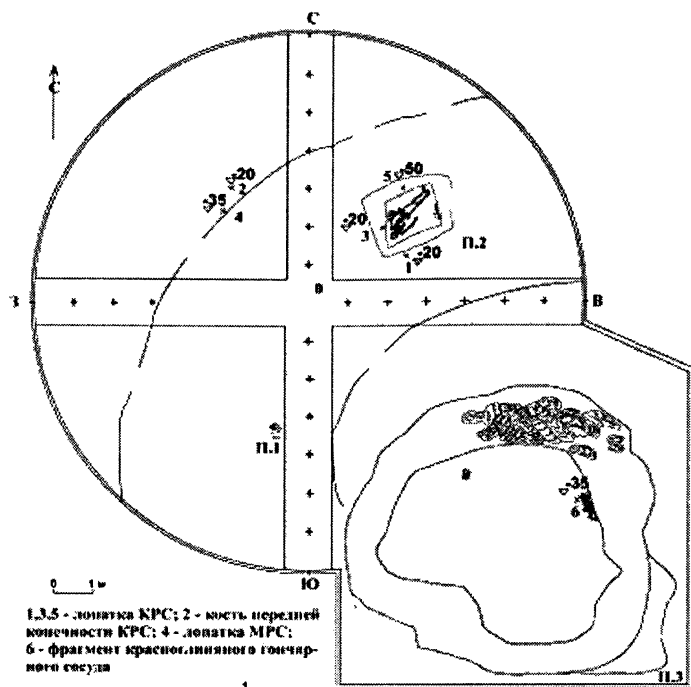

Рис. 23. Могильник Кырык-Оба II. Курган
 1-3 - изделия из металла; 4 - керамика; 5 - бронза и
 изделия из дерева кургана.

пронижи и

1

2

Рис. 24. 1. Могильник Кырык-Оба II. Курган 10. План кургана.
2. Могильник Кырык-Оба II. Курган 28. План могильной ямы.

гумусообразования, текстурной дифференциации профиля. Сравнительно в меньшей степени разработаны вопросы географии палеопочв в различные исторические эпохи, что требует весьма обширного фактического материала. Тем не менее, для ряда регионов (Северный Кавказ, Нижнее Поволжье, Южный Урал, Западная Сибирь и др.) выявлены факты неоднократного смещения границ почвенно-географических зон и подзон, для отдельных районов Русской равнины составлены картосхемы состояния почвенного покрова в эпохи бронзы, раннего железа и средневековья. В последние годы особое внимание уделяется познанию закономерностей развития и функционирования микробных сообществ в процессе естественной эволюции почв. Впервые при почвенно-археологических исследованиях использован комплекс современных методов почвенной микробиологии (Демкина и др., 2000). Дана характеристика состояния микробсообществ разновозрастных подкурганых степных палеопочв, включающая величину микробной биомассы, численность микроорганизмов различных трофических групп и грибных колониеобразующих единиц, оценку дыхательной активности микробного сообщества и интенсивности минерализации гумуса; рассчитаны оригинальные коэффициенты и индексы. Принципиально новыми являются данные о пространственно-временной изменчивости эколого-трофической структуры микробного сообщества, отражающей вековую динамику почвенно-ландшафтных и климатических условий. Крайне важной представляется согласованность палеоэкологических выводов, полученных по микробиологическим данным, с природными реконструкциями, проведенными путем традиционного морфолого-химического анализа свойств палеопочв. Более того, микробиологические данные

заметно детализировали и уточнили эти реконструкции.

Реконструкция палеоэкологических условий в рамках археологического почвоведения базируется прежде всего на сравнительном анализе свойств подкурганых палеопочв, развитых в различные археологические эпохи, их таксономической принадлежности, особенностях структуры и состава почвенного покрова. Эти показатели дали возможность судить об особенностях климатических условий в тот или иной исторический период, о направленности и масштабах вековой динамики атмосферной увлажненности, выявить палеоэкологические кризисы и оптимумы, что в свою очередь позволило оценить роль окружающей среды в жизни древних обществ, а также провести корреляцию природных и исторических процессов и событий. Кроме того, палеопочвы археологических памятников, прежде всего курганов, содержат информацию о других природных явлениях, имеющих важное социальное значение. Так, например, получены данные о вековой динамике уровня залегания грунтовых вод на недренированных низменностях Русской равнины, о степени минерализации воды в мелких реках Северного Прикаспия в эпоху бронзы, об интенсивности процессов денудации земной поверхности, в частности, эрозии, о ритмичности дефляции песчаных массивов Волго-Уральского междуречья и Южного Урала на протяжении голоцена.

Работы почвенно-археологической направленности в странах СНГ в большей степени ориентированы на изучение курганов, тогда как за рубежом – древних (главным образом каменного века) поселений, стоянок, городищ и т. п. Вероятно, именно это определило отечественную специфику интеграции почвоведения с археологией и этнологией, в

которой значительное место занимают вопросы, связанные с реконструкцией погребального обряда древних народов. Современная методическая оснащенность почвоведения позволила выявить новые стратиграфические особенности погребальных памятников, восстановить технологические приемы их сооружения и исходную архитектуру. Сезон создания курганов определяется различными методами, в частности, по изменению величины электропроводности засоленной почвенно-грунтовой толщи, характеру структурных отдельностей почвенной массы, заполняющей могильные ямы, биоморфному анализу растительных подстилок, встречающихся в погребениях. Существует много примеров эффективного решения вопросов относительной и абсолютной хронологии конкретных объектов. Основными параметрами при этом служат различные почвенные свойства и признаки: содержание и профильное распределение гумуса, легкорастворимых солей, гипса, карбонатов, степень выраженности (или отсутствие) солонцеватости, величина магнитной восприимчивости, микробиологическая активность и ряд других. На основе их качественных и количественных показателей без особых затруднений устанавливается относительный возраст памятников даже в рамках одной культурно-исторической общности, а также время их сооружения в случаях сильного нарушения грабительскими лазами, в результате современной хозяйственной деятельности, геодезических работ и др. Использование ряда минералогических и химико-аналитических методов, применяемых в почвоведении, дало возможность получить новую информацию, а также уточнить существующие представления о некоторых атрибутах погребального обряда. В частности, это касается реконструкции состава

погребальной пищи в глиняных сосудах с помощью фосфатного метода; так называемых «меловых посыпок и побелок», которых в действительности не было; диагностики встречающихся в захоронениях обломков минералов и пород.

Таким образом, в последнее десятилетие в России и в мире наблюдается активный процесс интеграции археологии и естественных наук. Получены принципиально новые оригинальные данные об истории развития природы и древних обществ, сложился ряд интегративных научных направлений. В системе мировых и отечественных геoarхеологических исследований заметное место заняло археологическое почвоведение.

Курганный комплекс «Кырык-оба» расположен в 100 км восточнее г.Уральска в Бурлинском районе. В геоморфологическом отношении территория исследований входит в Подуральское плато и представляет собой увало-волнистую равнину с абсолютными высотами в пределах 100 м (Котин, 1967). Для отдельных геоморфологических элементов они достигают 200-260 м. Плато сложено породами мелового возраста, которые обычно сверху прикрыты четвертичными желтовато-бурыми суглинками, супесями и песками. На облик геоморфологического ландшафта существенно влияет ассиметричность форм рельефа, проявляющаяся в том, что северные склоны водоразделов более пологие, чем южные. Это, в свою очередь, приводит к тому, что формирующиеся на северных склонах почвы менее эродированы. Равнинные нераспаханные участки характеризуются микрорельефными понижениями и повышениями. На пашнях и залежах они сглажены. Характерной геологической особенностью является

наличие многочисленных брахиантиклинальных поднятий с соляными ядрами протыкания.

Климат района исследований можно в целом охарактеризовать как сухой и континентальный. Среднегодовое количество осадков составляет около 300 мм в подзоне черноземов южных и темно-каштановых почв, а южнее, в подзоне каштановых почв, оно заметно убывает. Среднегодовая температура воздуха составляет 3,9 – 4,4 °С. Отмечается значительная амплитуда среднемесячных температур: от –14°С в январе до +22,5°С в июле. Преобладающие ветры имеют южное направление.

Вследствие сложного геологического строения исследуемый район отличается большой изменчивостью гидрогеологических условий. Наиболее перспективным водоносным горизонтом в данном районе является верхнемеловой, развитый практически повсеместно. Он залегает на глубине от 5 до 10 м на крыльях солянокупольных поднятий и опускается до 150-200 м в межкупольных понижениях.

Растительный покров района разнообразен как во флористическом, так и в геоботаническом отношении и в основном складывается ксерофильными, континентальными типами с включением бореальных типов по поймам рек и в местах выклинивания пресных грунтовых вод (Котин, 1967). Преобладают ковыльные степи, характеризующиеся в целинном состоянии господством узколистных дерновинных злаков – ковылей и типчака.

В целом в природном отношении исследуемый регион входит в подзону умеренно сухой степи с преимущественным развитием темно-каштановых почв. Специфика геоморфологических, геологических, почвенных и других факторов позволяет выделить его как

Федоровский умеренно-сухостепной полого-волнистый район (Котин, 1967). Он сложен тяжелосуглинистыми и среднесуглинистыми отложениями с развитыми на них темно-каштановыми нормальными почвами, которые сменяются на склонах каштановыми эродированными. В понижениях залегают лугово-каштановые почвы и их комплексы с солонцами. В результате широкого сельскохозяйственного использования территории на настоящий момент остались весьма ограниченные участки целинных почв.

Для изучения свойств современных фоновых почв района исследований был заложен разрез (Д-637) в 200 м к западу от кургана №1 могильника «Кырык-оба». В сельскохозяйственном отношении данный участок представляет собой залежь, занятую разнотравно-злаковой растительной ассоциацией с преобладанием осота, ковыля, пырея, типчака. По комплексу признаков современные фоновые почвы района относятся к темно-каштановым несолонцеватым незасоленным. Для них характерно следующее морфолого-генетическое строение профиля (рис.2, табл.4):

горизонт Апах (0-30 см): однородный темно-серый средний суглинок комковатой структуры. Свежий, уплотнен. С поверхности задернован. Много корней. Средняя величина магнитной восприимчивости (МВ) 101 единица. Встречаются мелкие плотные вскипающие обломки карбонатов. Нижняя граница ровная, переход резкий по цвету.

горизонт АВ (30-38 см): верхняя часть горизонта (5-7 см) припахана. Неоднородный по цвету, коричнево-бурый средний суглинок. Структура комковатая. Свежий, плотный. Горизонт гумусовых затеков. Не

трещинам гумусовые затеки проникают в горизонты В и ВС. Величина МВ 68 единиц. По граням структурных отдельностей встречаются пленки. Вскипание с глубины 30 см повсеместно бурное, граница вскипания ровная и резкая. Нижняя граница языковатая, переход постепенный по цвету.

горизонт В (38-54 см): бурый средний суглинок мелкопризматической структуры. Свежий, плотный. Величина МВ 52 единицы. По трещинам гумусовые затеки. На поверхности структурных отдельностей органоминеральные пленки. Нижняя граница ровная, переход ясный по появлению карбонатных новообразований.

горизонт ВССа (54-100 см): желто-бурый средний суглинок. Структура ореховатая. Плотный, свежий. Обильная крупная белоглазка – 10 шт/дм², средний размер 7 мм. Величина МВ 46 единиц. Грани структурных отдельностей хорошо отмыты. Мощность горизонта варьирует незначительно. Переход резкий по исчезновению карбонатных новообразований.

горизонт С (100-230 см): желто-бурый лессовидный средний суглинок. Структура глыбистая. Свежий, в нижней части влажный, плотный. Величина МВ 39 единиц. Легкорастворимые соли и гипс визуально не прослеживаются. Встречаются редкие точки оксидов марганца. Единично встречаются корни растений. Нижняя граница слабо волнистая. Переход заметный по появлению гипсовых новообразований.

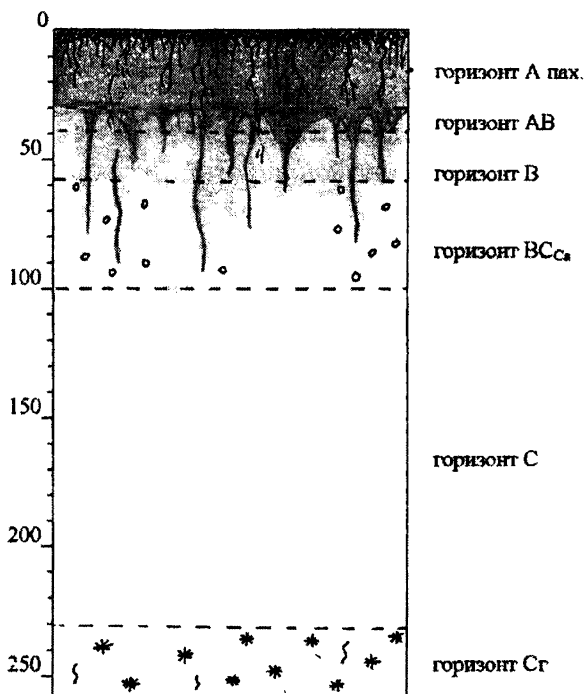
горизонт Сг (с глубины 230 см): аналогичный вышеописанному желто-бурый лессовидный средний суглинок. Встречаются новообразования гипса в виде крупных рыхлых скоплений кристаллов.

Таблица 4. Морфологические свойства погребенной почвы кургана №1 могильника «Кырык-оба» и современной фоновой почвы

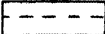
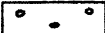

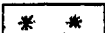
Показатели	Погребенная каштановая солончаковатая почва	темно-глубоко	Современная каштановая незасоленная почва	темно-
Мощность горизонтов, см	<i>Al</i>	24	30	
	<i>AB</i>	11	8	
	<i>B</i>	20	16	
	<i>BC_с</i>	35	46	
Мощность гумусового горизонта <i>Al+AB</i> , см	35		38	
Степень белесоватости горизонта <i>Al</i>	нет		нет	
Морфология горизонта <i>B</i>				
<i>цвет</i>	бурый		бурый	
<i>структура</i>	мелкопризматическая		мелкопризматическая	
<i>солонцеватость</i>	нет		нет	
Гранулометрический состав профиля	средний суглинок		средний суглинок	
Глубина вскипания, см	24		30	
Глубина залегания аккумуляции карбонатов, см	55		54	
Мощность горизонта максимальной аккумуляции карбонатов, см	35		46	
Формы новообразований карбонатов в горизонте <i>BC_с</i>	белоглазка		белоглазка	
Количество белоглазки, шт./дм ²	12		10	
Средний размер белоглазки, мм	2-3		7	
Глубина залегания легкорастворимых солей, см	90		230	
Глубина залегания гипса, см	90		230	
Новообразования гипса	скопления кристаллов		скопления кристаллов	
Величина восприимчивости, $n \cdot 10^{-3}$ ед. СИ				
<i>горизонт Al</i>	89		101	
<i>горизонт AB</i>	71		68	
<i>горизонт B</i>	61		52	
<i>горизонт BC_с</i>	39		46	
<i>горизонт C</i>	38		39	

Таким образом, для современных фоновых почв региона характерно отсутствие признаков солонцеватости, промытость профиля от легкорастворимых солей и гипса до глубины 230 см. Характерной особенностью современных

Рис.2. Стратиграфия профиля современной фоновой почвы
могильника Кырык-оба
(Разрез Д-637. Темно-каштановая несолонцеватая незасоленная почва)

Условные обозначения

- Границы почвенных горизонтов
- Карбонатные новообразования (белоглазка)
- Прожилки легкорастворимых солей
- Новообразования гипса

почв является проникновение до горизонта ВС гумусовых затеков и отмытость граней структурных отдельностей с наличием органоминеральных пленок.

Для исследования свойств погребенной почвы кургана №1, а также стратиграфии курганной насыпи, была заложена траншея длиной более 6 м (разрез Д-636) в северной части кургана. Она имела прямоугольную в плане форму и ориентирована в направлении север-юг. Верхний южный край траншеи располагался на отметке 600 см от уровня современной поверхности за пределами рва, нижний северный край на высоте около 100 см. Общая глубина разреза курганной насыпи и погребенной почвы составила 650 см (рис.3). После изучения стратиграфии курганной насыпи и свойств погребенной почвы была проведена полная рекультивация внешнего облика кургана. Траншея была закопана, сверху уложен дерновый слой.

По всей длине траншеи на боковой и фронтальной стенке верхние 20 см материала насыпи задернованы (рис.4). Характерна белесоватость этого слоя, которая на расстоянии 400-450 см к северу от южного края траншеи пропадает. Цвет почвенной массы изменяется от светло-серого до темно-серого. Материал верхнего слоя насыпи среднесуглинистого гранулометрического состава, сильно трещиноватый, сухой, плотный. Структура комковатая. До глубины 100 см интенсивно пронизан корнями.

На протяжении всей траншеи на глубине 35-45 см встречаются обломки песчаника светло-палево-серого цвета в виде плоских плит неопределенной формы. Толщина плит не превышает 3-4 см (среднем 2-2,5 см), размер достигает 40-45 см. Средний размер плит около 35 см. В общей массе плиты песчаника залегают под углом, соответствующим

Рис.3. Стратиграфия насыпи и погребенной почвы кургана №1
могильника Кырык-оба (северная часть).
Фронтальная стенка разреза Д-636

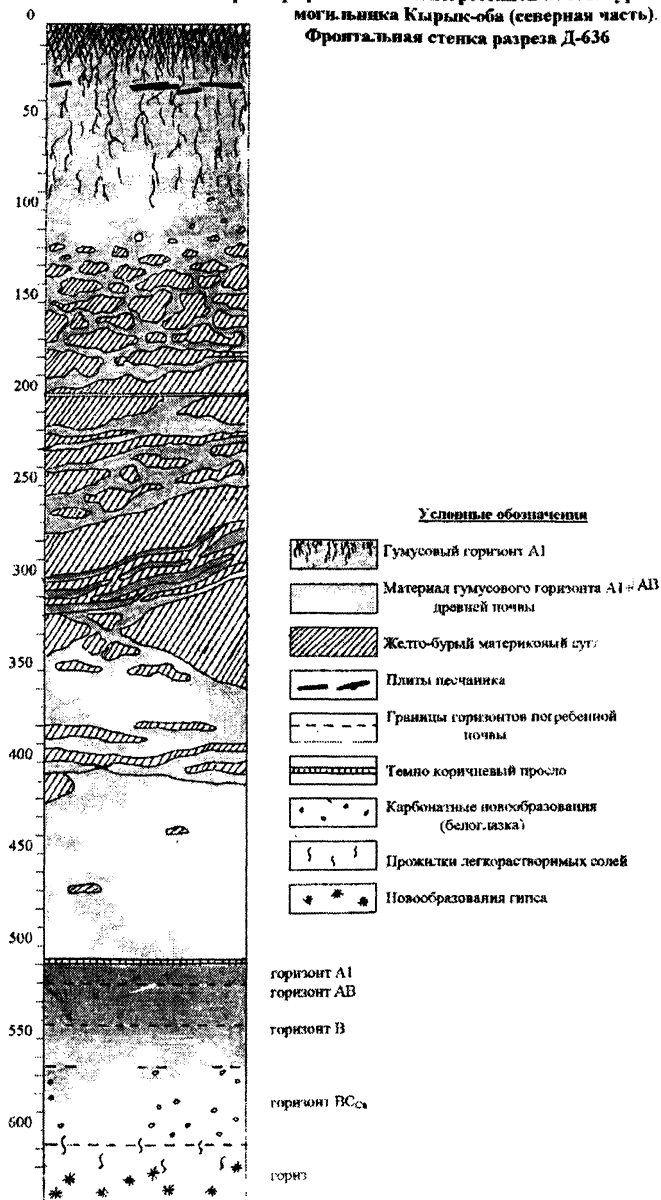
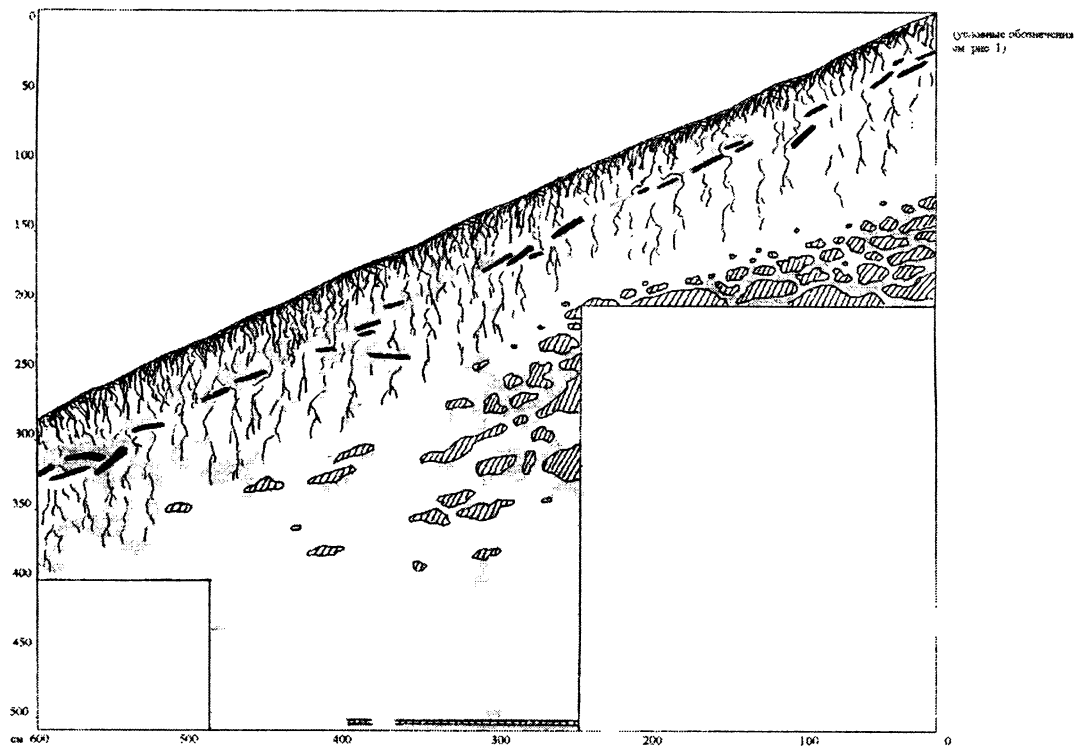

Рис. 4 Стратиграфия иасын кургана №1 могильника Кырык-оба. (северная часть). Боковая стенка разреза Д-636

углу склона курганной насыпи. Нижняя поверхность всех плит имеет характерный белый налет.

Такого рода налет, известный как “степной загар”, представлен углекислым кальцием CaCO_3 , что подтверждается вскипанием налета под воздействием соляной кислоты. Для его образования необходимым условием является длительное экспонированное состояние плит песчаника, что обусловило интенсивную восходящую миграцию карбонатов из грунтового материала насыпи с их аккумуляцией на нижней поверхности плит. Следовательно, принимая во внимание правильную ориентировку плит и их повсеместную встречаемость, можно предположить, что они представляют собой древнюю каменную крепиду, перекрывавшую всю поверхность кургана. Вероятно, в древности курган имел вид светло-серой, практически белой горы. В дальнейшем каменная крепида была перекрыта слоем гумусированного задренованного материала. Следует подчеркнуть, что в окрестностях памятника естественных выходов песчаника нет. Со слов местных жителей, ближайшие каменные карьеры расположены не менее чем в 10 км от кургана.

Процесс почвообразования на насыпи протекал довольно активно, чему способствовал слагающий материал. Как видно из рис.4, основная часть курганной насыпи представляет собой смесь гумусовых горизонтов A_1+AB древней почвы. В то же время, размеры прикурганного ровика явно недостаточны для обеспечения такого количества гумусированного материала. Отсюда представляется оправданным вывод, что прикурганый ровик имеет, скорее, ритуальное, нежели технологическое значение, и строительный материал для создания памятника использовался не только из ровика, но и с прилегающей

территории. И если в ровике почвенно-грунтовой материал выбирался до глубины 150-200 см, то на близлежащей территории срезался лишь верхний гумусовый слой (горизонты А1 и АВ) мощностью около 30 см.

К настоящему времени верхняя метровая толща насыпи оказалась в той или иной мере переработана почвообразованием. Так, до глубины 100 см и более не встречается не переработанных фрагментов материкового суглинка. На большей глубине встречаемость фрагментов почвообразующей породы значительно возрастает. С глубины примерно 100 см начинается горизонт В кург., практически незатронутый почвообразованием. Количество корней существенно уменьшается.

Определенной закономерности в расположении гумусированного и материкового материала не выявлено. Это позволяет сделать вывод, что при создании кургана в исследованной его части не преследовалась определенная конструктивная задача и строительный материал насыпался, вероятнее всего, хаотично. При этом на поверхности древней почвы оказался преимущественно слой А1+АВ из курганного ровика. В пользу этого говорит отсутствие вскипания в нижних слоях насыпи. Выше 150-200 см материал курганной насыпи представлен смесью почвообразующей породы из курганного ровика и гумусового горизонта с прилегающей территории.

На стенках траншеи нами не обнаружено следов досыпок, либо слоев, находившихся в экспонированном состоянии. Можно предполагать, что сооружение насыпи осуществлялось в довольно короткие сроки и курган был воздвигнут над одним погребальным комплексом. Впускные захоронения, если они имели место, либо не сопровождалась досыпками, либо

такого рода досыпки были незначительными и носили локальный характер.

Верхняя граница погребенной почвы четко отделяется от курганной насыпи. По всем стенкам разреза на поверхности погребенной почвы прослеживается тонкий (2-3 см) прослой темно-коричневого суглинка. Морфологические свойства материала прослоя близки свойствам иллювиального горизонта солонцов. Коричневый цвет прослоя резко контрастирует с вышележащим темно-серым гумусированным перемешанным суглинком курганной насыпи и нижележащим темно-серым горизонтом А1 древней почвы. Кроме того, следует отметить большую плотность и слитость материала прослоя. Вероятно создатели памятника, будучи знакомы с цветовой гаммой почвенных слоев региона, целенаправленно отбирали материал иллювиального горизонта солонцов, увлажняли его, и полученным “раствором” покрывали поверхность почвы на месте создания кургана. Следует отметить, что в настоящее время мы не обнаружили солонцов в окрестностях кургана.

Под описанным выше прослоем залегает собственно погребенная почва памятника. Благодаря столь значительной мощности насыпи палеопочва оказалась надежно законсервированной и диагенетические изменения в ней были минимальными. По комплексу свойств погребенная почва кургана №1 может быть идентифицирована как темно-каштановая несолонцеватая глубоко солончаковатая. Ее профиль дифференцирован на горизонты:

горизонт А1 (0-24 см): темно-серый средний суглинок комковатой структуры, свежий, уплотнен. Величина МВ 89 единиц. Нижняя граница языковатая, переход ясный по цвету.

горизонт АВ (24-35): неоднородный по цвету, буровато-серый средний суглинок. Структура комковатая. Свежий, плотный. Величина МВ 71 единица. Гумусовые затеки по трещинам достигают нижней границы горизонта. на поверхности слабо отмытых граней структурных отдельностей пленок и примазок нет. Вскипание бурное с 24 см. Нижняя граница волнистая переход заметный по цвету и структуре.

горизонт В (35-55 см): бурый средний суглинок мелкопризматической структуры. Свежий, плотный. Редко встречаются тонкие гумусовые затеки. Величина МВ 61 единица. Нижняя граница волнистая, переход ясный по появлению карбонатных новообразований.

горизонт ВССа (55-90 см): желто-бурый средний суглинок. Структура ореховатая. Свежий, очень плотный. Обильно встречается мелкая (средний размер 2-3 мм) белоглазка. Величина МВ 39 единиц. Нижняя граница ровная, переход резкий по появлению прожилок легкорастворимых солей и новообразований гипса.

горизонт Сг₁с (90-150 см): желто-бурый лессовидный средний суглинок. Структура глыбистая. Величина МВ 38 единиц. Повсеместно встречаются точки и прожилки легкорастворимых солей с обилием до 100 см – 1-2 балла, глубже – 4 балла. Гипс в виде небольших скоплений кристаллов.

Как видно из приведенной выше характеристики, многие свойства погребенной почвы заметно отличаются от свойств современной фоновой почвы (табл.4). Хотя они относятся и к одному подтипу темно-каштановых почв, для палеопочв характерны несколько меньшая мощность гумусового горизонта А1+АВ, менее выраженная языковатость нижней границы горизонта А1

проникновение гумусовых затеков на меньшую глубину, более высокое залегание линии вскипания, засоленность нижней метровой толщи почвенного профиля, значительное количество гипса, меньшие значения величины магнитной восприимчивости. Карбонатный горизонт менее мощный, новообразования карбонатов представлены более мелкой белоглазкой. Перечисленные отличия свойств погребенной и современной почв свидетельствуют о том, что первая развивалась в более засушливых климатических условиях. Однако природные различия были не столь резкими, так как исследованные почвы имеют одну таксономическую принадлежность на уровне подтипа. По мнению археологов, курган №1 «Кырык-оба» скорее всего относится к кругу памятников Филипповского типа, то есть должен датироваться концом V – началом IV вв. до н.э. Как показали наши исследования (Рысков. Демкин, 1997) курганных могильников у с.Покровка (Оренбургская область), в южноуральских степях упомянутый хроноинтервал в природном отношении характеризовался началом аридизации климата, которая в первую очередь обусловила увеличение степени засоленности почв. Следовательно, высокое содержание легкорастворимых солей и гипса в палеопочве кургана №1 дает основание датировать его сооружение именно этим временем.

5.2. Древняя строительная архитектура царских курганов

Курганный комплекс «Кырык-Оба» состоит из несколько десятков больших земляных курганов, вытянувшихся широкой полосой на десятки километров. Особняком стоят 3 главных, так называемых «царских» кургана, выделяющиеся

своими гигантскими размерами. Насыпи диаметром от 80 до 150 м, высотой от 8 до 20 м на вершине имеют глубокие воронки – следы древних ограблений. На насыпи наиболее крупного кургана (курган №1) на отдельных его участках заметны следы каменного «панциря», который ранее покрывал поверхность погребального сооружения (Демкин, 2003).

Главный курган, самый северный из данной группы это одна из самых высоких точек местности. С вершины кургана на несколько десятков километров открывается панорамный обзор. В частности, практически полностью просматривается долина реки Кырык-Оба, являющаяся притоком р. Урал, за которой видны техногенные сооружения Аксайского газоперерабатывающего комплекса. В юго-западном направлении хорошо просматривается высотное здание зернохранилища – последний атрибут современной цивилизации в долине упокоения «царей». Практически мало затронутая антропогенной деятельностью территория древнего могильника в его естественном природном ландшафте, вместе с флорой и фауной, представляет собой перспективный участок для создания здесь природного, историко-культурного заповедника. При непосредственном посещении курганных сооружений они поражают своей грандиозностью и масштабами архитектурных форм древней культуры, оставляя неизгладимое впечатление на психику людей. Курганный комплекс «Кырык-Оба», с одной стороны, имеет ярко выраженное региональное значение, а с другой стороны, его исторический феномен несет в себе глобальные характеристики (Сдыков, Демкин, Бисембаев, Гуцалов, 2007).

В ходе плановых полевых экспедиций проведённых в апреле, июле и октябре 2008 г. с использованием

естественно-научных технологий были обследованы территории, непосредственно прилегающие к курганам №1, №2, №3 царского могильника «Кырык-Оба». Ниже приводится краткая характеристика комплекса работ и результаты исследований.

Опираясь на проведённые в разные годы исследования (с 2002 по 2008 гг.) можно дать общую характеристику курганной группе, особенно в контексте подхода в решении вопросов генезиса древней культуры. Показательно местоположение курганной группы в регионе, топография, архитектура комплекса. Считается, что территориально и по внешнему облику курганному могильнику «Кырык-Оба» ближе всего комплекс Филипповского могильника, исследованного во второй половине 80-х гг. XX в. А.Х. Пшеничнюком, а впоследствии и другими археологами. Вместе с тем есть и отличительные признаки, связанные с наличием дополнительных парных сооружений, так называемых «батонов», хронология которых (как впрочем, и кургана) без археологических раскопок достаточно затруднена.

Территория могильного комплекса «Кырык-Оба» входит в подзону умеренно сухой степи и в основном сложена тяжелосуглинистыми и среднесуглинистыми отложениями с развитыми на них темно-каштановыми нормальными почвами (Котин, 1967). Геоморфологический ландшафт представлен ассиметричностью форм рельефа, выражающаяся в том, что северные склоны водоразделов более пологие, чем южные. Формирующиеся почвы на северных склонах менее эродированы. Вместе с тем равнинная зона в районе могильного комплекса «Кырык-Оба» достаточно протяжённая, практически не имеет резких перепадов высот — лишь небольшие нераспаханные

участки характеризуются микрорельефными понижениями и повышениями.

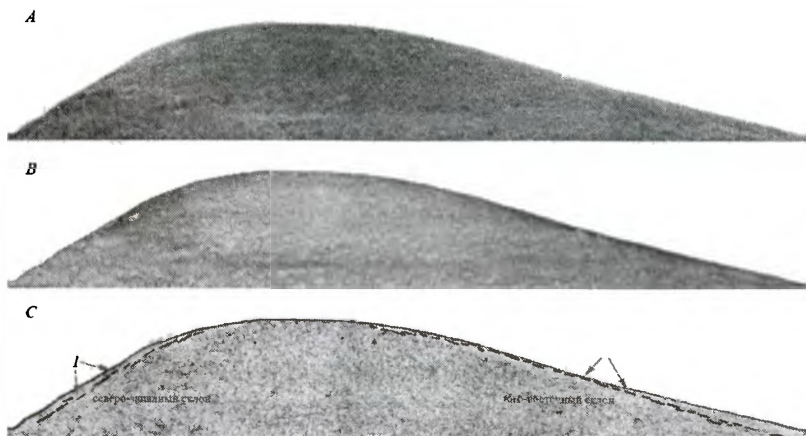
Геоморфологические особенности описываемых могильных сооружений видны на расстоянии многих километров (рис. 1). Бросающая «каплеобразность» формы всех трёх курганов в северо-западном направлении, как показали проведённые исследования, не связана с атмосферной эрозией или гидрогеологическими особенностями слагающего покрова насыпей, а связана с антропогенной деятельностью древних строителей при возведении могильного сооружения (рис. 2). Курганы достаточно часто имеют ассиметричную в профиле форму.

Рис. 1. Форма курганов №3 (А), №2 (В), №1 (С). Вид с юго-запада

При этом как наружное, так и внутреннее устройство курганов весьма разнообразно. Вместе с тем большинство курганов изначально были сложными архитектурными сооружениями. Стоит отметить, что в своём первоначальном значении тюркское слово «курган» означало крепость, прочное строение. Очевидно, отсюда и часто наблюдаемая сложность, слоистость курганных сооружений с использованием различных инженерных решений, культовых и прочих древних строительных особенностей. По образному замечанию учёных-почвоведов: масштабы деятельности древних строителей можно сравнивать с процессами структурированного геологического осадконакопления (Демкин, 1997; Марфенина, 2003).

Возведение курганов и других грунтовых сооружений, ставших характерным элементом степного ландшафта, надолго фиксировало древнее состояние современных почв. Очевидно, что и форма насыпи кургана диктовалось

**Рис. 2. Курган №1 (А, В). Вид с юго-востока.
Профиль каменной кладки - С.**

1, 2 - глубина задержанного каменного «панциря»

не только на основании каких-то культовых предпочтений древних племён, его функционального назначения, но и условиями инженерной целесообразности, особенностями рельефа, геологии почв, розы ветров и многими другими причинами и особенностями.

Для строительства курганов, как правило, применялся почвенно-грунтовый материал взятый из кольцевого ровика вокруг памятника. Так насыпи курганов «Кырык-Оба» сложены в основном из древнего гумусового слоя (Демкин, 2003). Учтённые точные площади, с которых снимался гумусовый горизонт для строительства насыпей, благодаря космическим мультиспектральным данным дистанционного зондирования (ДДЗ), сегодня представляется возможным (рис. 3). Принимая, что в древних палеопочвах средняя мощность гумусового горизонта составляла около 30 см, и имея данные об объёме грунта расплывшейся к современности насыпи, можно рассчитать примерную площадь древнего нарушения вокруг кургана. Интересно отметить, что площади с которых снимался гумусовый горизонт для строительства насыпей, в основном располагались к югу, юго-востоку от курганов.

Масштабы современного антропогенного воздействия на территориях прилегающих к памятнику невелики, в основном связаны с аграрно-земледельческой деятельностью середины 50-х гг. XX в. Существенно от распашки степи пострадала лишь территория вокруг кургана №3, самого южного в описываемой группе и частично кургана №2. Кольцевой ровик у первого полностью запахан, а у второго – наблюдается фрагментарно. Вместе с тем на территории вокруг кургана №1 удаленной от населенных центров, где в перспективе предполагается создать природный, историко-культурный заповедник, современное антропогенное

воздействие является минимальным. Это обстоятельство необходимо учитывать при проведении дальнейших обследований кургана №1, особенно при организации подъезда и стоянки автотранспорта, выбора лагеря, сбора мусора и др.

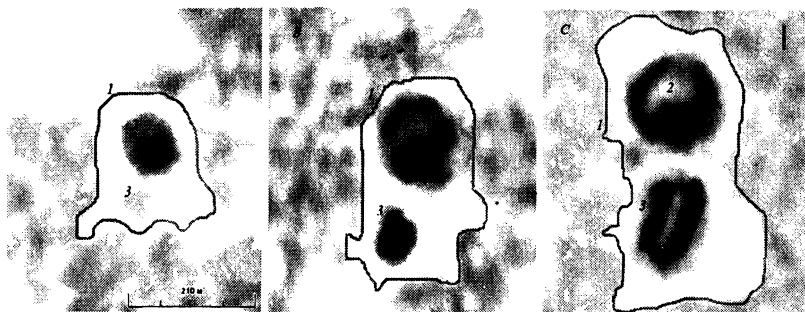

Рис. 3. Границы подрезки гумусового горизонта для строительства насыпей.

**А – курган №3, В - курган №2, С - курган №1,
1 - граница подрезки, 2 - курган, 3 – «батон»**

Самый большой курган №1 располагается в северо-восточной части могильной группы «Кырык-Оба» разделенной на две части защитной лесополосой. Линейные размеры кургана по овальному в плане основанию (на уровне древнего горизонта) достигают 150 м, с ориентировкой большой полуоси в сторону северо-запада. Диаметр по внешнему кольцеобразному рову – 208 м. Ров глубиной от 1,4 м до 2,2 м. Высота насыпи кургана относительно современного горизонта достигает 18,6 м или 20,2 м от видимого основания ровика. На вершине насыпи находится воронка, смещённая центром к северному склону кургана, диаметром 32,2 м по условной линии запад-восток и 27,4 м по линии север-юг, со средней глубиной

6,2 м (рис. 4). Центральная часть сильно деформирована из-за неоднократных ограблений. Ограбление совершалось вертикальным колодцем на вершине кургана. Насыпь не имеет четкой структуры, но изучение её профиля показало, что на уровне 6 м от горизонта она многослойна (3-4 слоя). Поверхность кургана с запада, севера, юга и частично с востока была обложена каменным плитняком (песчаником светло-серого цвета) размерами 25-35 см и толщиной 3-4 см, не образующими сплошной кладки. Сейчас это каменное покрытие полностью задернованное можно обнаружить на склонах кургана на глубинах 20-30 см.

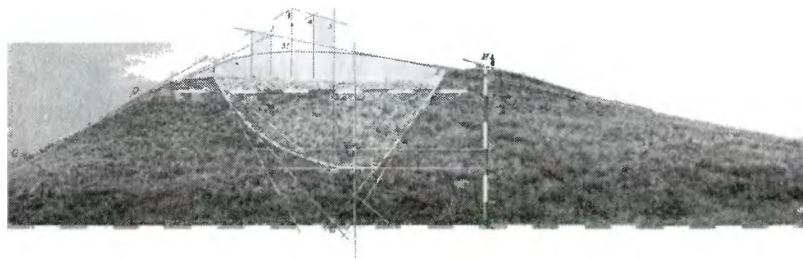

Рис. 4. Геометрические промеры внешних и внутренних частей кургана №1

Южный склон кургана сильно уплотнен и деформирован, очевидно не только в результате современной антропогенной деятельности, но и в результате «утаптывания» в более древнюю историческую эпоху, во времена сооружения могильного комплекса. По всей вероятности, именно здесь, с юга находился вход на верхнюю часть кургана связанный с волоком грунта для подсыпки склонов. Общая ширина этой плоской «протоптанной» дорожки достигает 20 м.

Достаточно интересными являются дополнительные с курганом сооружения, так называемые «батоны». У курганов

№1 и №2 имеется парное число «батон» располагающиеся (по «правую руку») к юго-востоку от кургана. В паре с курганами №1 и №2 они образуют зеркальную симметрию. Причём, один из «батон» всегда меньше другого. «Батон» располагаются параллельно к друг другу в направлении магнитного меридиана. Магнитный меридиан в большинстве случаев не совпадает с истинным (географическим) и образует угол, называемый магнитным склонением для этого места. Для района «Кырык-Оба» угол склонения «батон» составляет около 90. Полученные по участку малого «батона» результаты магнитометрии комплексной экспедицией проведённой в 2003 г. с помощью квантового магнитометра ММП-203 свидетельствовали о сложной конфигурации и напряженности магнитного поля в общей электромагнитной обстановке (Дёмкин, 2003). Вместе с тем сооружение насыпей «батон» также сопровождался снятием гумусового горизонта. Поэтому в непосредственной близости от «батон» можно наблюдать аналогичный курганному ровик. Изучение местности, мест перекрытий почвенного покрова с помощью ДДЗ позволяет утверждать, что ровик «батон», более овальный в плане, был создан позже основного курганного.

В отношении наличия «батон» у кургана №3, утверждать однозначно пока преждевременно. Визуальные разведки не подтвердили, но и не опровергли существование такового у кургана №3. Такая же ситуация связана и с существованием предполагаемых парных «батон» и кургана №4, которые визуально обнаруживаются на ранних космических снимках (1976-1991 гг.), но реально не идентифицированы.

Общая площадь древних антропогенных нарушений фиксируемых сегодня в районе комплекса «Кырык-Оба»

(курганы №1-3) составляет 21,9 га. Нарушения представлены не только курганными насыпями, ровиком, парными «батонами», но и срезанной почвой. Площадь курганных насыпей составляет около 4,95 га.

Для расчёта объема перемещенного грунта курганных насыпей обычно пользуются стандартными формулами объема шарового сегмента:

$$V = \pi h(3a^2 + h^2)/6,$$

где a – радиус насыпи, h – высота насыпи (Бронштейн, Семендяев, 1981).

Однако приведённая формула достаточно приблизительно отражает состояние геометрии кургана, которое не учитывает объёмные формы наслоений, промоин, выбросов, деформации и пр. Более правильное отражение ситуации выражает классическая формула объёма любого тела в виде:

$$V = \int_0^H S(h) dh \quad U_t,$$

где H – высота, $S(h)$ – площадь сечения, проведённого параллельно основанию тела

на высоте h от основания, U_t – коэффициент скважности грунта.

Вместе с тем просчёт формы кургана, объёма выбросов, его дополнительных конструктивных элементов - ровиков, «усов», «батонов» и пр., составляет предмет отдельного исследования, которое может быть эффективно выполнено с помощью компьютерной техники и специального

программного обеспечения. В основе таких исследований лежат фотограмметрические данные, полученные путём фотофиксации исследуемого объекта с помощью съёмочного оборудования (Лобанов, 1984). Ключевой особенностью фотограмметрических исследований является реализация стереорежима, позволяющего восстанавливать пространственную информацию - о местности из стереопар (локальных, аэрофото, космических снимков). Стереофотосъёмка позволяет наблюдать объект объёмно и с высокой точностью определять пространственные соотношения между исследуемыми объектами, природной средой, восстанавливать пространственные формы его элементов. При этом методика проведения стереофотосъёмки мало чем отличается от традиционных способов полевой фотографии и, по сути, производится фотографическое дублирование объекта съёмки с разных углов. Полученные таким образом фотографии образуют стереопары, по которым измеряется параллакс, исходя из которого можно вычислить относительную высоту любого запечатлённого объекта по формуле:

$$f \times b = L \times p$$

где f – фокусное расстояние линзы, b – расстояние между камерами (база или базис

съёмки), p – параллакс, L – расстояние от камер до объекта съёмки.

По приведённой формуле осуществляется простейшие фотограмметрические вычисления для любой сложной формы или объёма. При получении стереофотографических снимков возможно любое изменение масштаба без потери

качества изображения, измерение любого выделенного объекта, восстановление пространственной сцены съёмки (рис. 5).

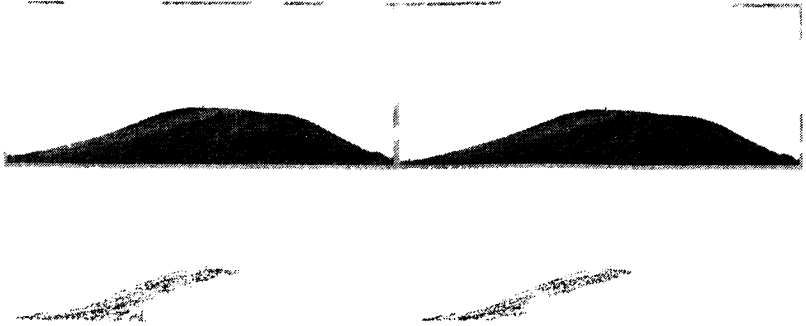
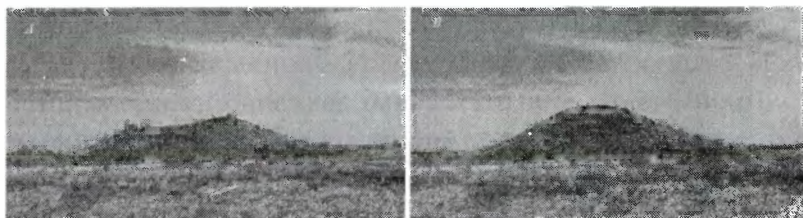

Рис. 5. Стерефотограмметрический анализ левой (А) и правой (В) части стереофотоснимка (соответствие линий-гомологов фотоснимков А1 и В1)

В то же время благодаря применению мультиспектральных средств, особенно при малоглубинной стереосъёмке, открываются возможности не только фиксации, оценки состояния (мониторинга) памятников неразрушающими дистанционными методами, но и появляется возможность выявлять и идентифицировать внутренние невидимые структуры и материальные остатки археологических памятников (Сингатулин, Плотников, Рамзаев, 2001). На сегодняшний день существуют десятки доступных компьютерных программ для обработки стереофотоснимков, анализа данных методами фотограмметрии с помощью персонального компьютера (например, IMAGINE OrthoBASE, ERDAS IMAGINE, ERDAS Stereo Analyst и др.).

Стереофотосъёмка курганного комплекса «Кырык-Оба» в весенне-осенний период 2008 г. осуществлялась

неметрическими цифровыми камерами SONY Cyber-shot DSC-F828 и Canon EOS 5D с использованием механизма параллельного смещения. База стереофотосъёмки менялась в зависимости от задач исследований и размеров объектов (в среднем от 56 мм до 108 мм). В общей сложности было получено 1248 пар изображений в форматах RAW, TIFF и JPEG, которые в дальнейшем использовались для просчёта сцен съёмки с помощью программного обеспечения ER-DAS Stereo Analyst и Photomod. Данные программы создают исходные трёхмерные модели путём преобразования двухмерной информации, содержащейся в фотографиях (стереопарах), в точно рассчитанные трёхмерные точки, линии и плоскости. Созданная трёхмерная модель в дальнейшем экспортируется в формате DXF в трёхмерные графические редакторы AutoCAD 3D Studio, 3D max Studio и после соответствующей обработки в любую доступную ГИС-программу или специализированную базу данных. Просчёт отдельных конструктивных элементов, формы, подсчёт вывала земли и некоторые другие задачи позволяют подробно воссоздать конструкцию древних строений (рис. 6).

**Рис.6. Реконструкция внешнего вида кургана №1.
А – современное состояние (высота – 18,6 м), В –
реконструкция кургана (высота – 22 м)**

Накопленный сегодня экспериментальный материал с использованием новых информационных технологий, круг и полнота решаемых вопросов, уровень теоретического обобщения данных дают возможность не только достоверно воссоздать курганные комплексы, но и реконструировать все сопутствующие этому времени исторические события.

Создание в степной зоне природного, историко-культурного заповедника предоставляет необычайно широкие возможности для реализации просветительских и образовательных программ в области древней истории региона, происхождения современных народов Урала. Вместе с тем, при дальнейших исследованиях курганных комплексов и их территорий, необходимы согласованные действия специалистов, находящиеся на стыке наук и современных научных комплексных методов. Правильный подбор новых археологических технологий и их комплексное применение поможет наиболее эффективно решить задачу по изучению курганных комплексов и их территорий.

Для детального комплексного изучения курганной группы «Кырык-Оба» необходимо осуществить дополнительный комплекс измерительных и аналитических работ, среди которых в качестве первоочередных можно отметить:

Охрана курганов и окружающего ландшафта с помощью информационных и телекоммуникационных систем.

Привлечение дополнительных архивных и современных материалов ДДЗ - аэро- и космических снимков, радарных измерений, мультиспектральных фотосъемок с высоким разрешением (до 0,2 м) для получения целостной картины геоморфологических характеристик размещения курганных комплексов по исследуемому региону.

Проведение локальных мультиспектральных стереофотограмметрических съемок для выявления

внутренней структуры курганной насыпи, дешифровки структуры малого и большого «батонов», топографических и ландшафтных особенностей местности, геолого-структурных особенностей древних антропогенных воздействий.

Создание базовой инфраструктуры историко-культурной территории.

При рассмотрении дальнейших научных исследований, необходимо произвести дополнительные мероприятия, учитывающих характер прошедших полевых работ и современных научных методов, средства изучения природных и антропогенных исторических объектов.

6. НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ ЗАПАДНОГО КАЗАСТАНА (VIII – III вв. до н.э.)

6.1 Народы

Традиционно принято считать, что в древние времена на территории Западного Казахстана обитали кочевники-савроматы. Мнение это транслируется через учебники по истории Казахстана, как в школьные, так и в студенческие аудитории, а также доходит до читателя посредством художественной и научно-популярной литературы. Истоки данного, надо сказать, очень прочного научного мифа лежат в идеологии сталинской эпохи. Не думаем, что читателю будет интересно знать, какой из советских археологов породил его в 40-е гг. ушедшего столетия, важно, что сейчас эта идеологическая установка идет явно в разрез с накопленным археологическим материалом.

Учитывая последнее обстоятельство, уже в конце 70-х гг. прошлого века корифей сарматской археологии К.Ф. Смирнов высказал мнение о проживании савроматов на территории Западного Казахстана, только в районах

примыкающих к Заволжью, а к востоку от них, он полагал, – кочевали племена дахов и массагетов. Однако, представляется, что ситуация была еще сложнее. К настоящему моменту, благодаря археологическим раскопкам удалось установить, что в древности в степях к югу от Уральских гор существовало несколько районов, имевших различный культурный и, значит, этнический облик. Особо важное значение в этом плане приобрели раскопки в Западно-Казахстанской области, о которых идет речь.

Анализ погребального обряда раскопанных в 2002 году курганов позволяет говорить, что при наличии общих черт в обряде захоронения (сложные погребальные склепы, возведенные из сырцового кирпича, ритуальные захоронения лошади у края могильной ямы) эти некрополи по целому ряду элементов погребального ритуала отличаются друг от друга. Так, в захоронениях в качестве деревянных надмогильных сооружений фиксируются только бревенчатые накаты, ямы отличает простота форм, а ориентировка покойников преимущественно западная, и только один раз отмечена северная. Деревянные сооружения, возведенные над могилами кочевников, в могильнике Кырык-Оба II имели вид шатра, опиравшегося на деревянные столбы. Также в Кырык-Обе зафиксирована могила с дромосом. Встречено здесь и коллективное захоронение людей на открытой площадке. Из ориентировок покойников отмечена только южная и юго-восточная. Кроме того, в ходе раскопок в 2001 г. в данном могильнике было раскопано так называемое «святилище огня» – сооружение, в котором приносились жертвы, в том числе человеческие, языческим богам.

Поиск аналогов данным обрядовым группам неожиданно привел к отдаленным друг от друга

регионам. Так, курганы Кырык-Обы, как в обряде, так и в инвентаре, имеют наибольшее сходство с погребальными памятниками кочевников Приаралья VII-VI вв. до н.э., в 1-ю очередь из могильника Уйгарак в Кызылординской области. Это сходство проявляется, во-первых, в наличии деревянных столбовых конструкций, как на погребальной площадке, так и в могилах; во-вторых, в распространении «святилищ огня»; в-третьих, в существовании практики коллективных захоронений на погребенной почве; и, наконец, в-четвертых, в значительном преобладании южной ориентировки умерших в процессе захоронения. Приаральские параллели кырыкобинским находкам есть и среди предметов сопровождающего покойников инвентаря – единственный аналог парадному мечу, обломки которого были найдены в коллективном погребении кургана № 18, имеется в могильнике Тагискен в низовьях Сыр-Дарьи.

С другой стороны, нельзя не отметить скифское направление культурных связей кочевников Приуралья, которое прослеживается в обряде и вещевых наборах курганов. В Кырык-Обе своеобразным этнокультурным скифским маркером, кроме южной ориентировки скелетов и дромосной могильной ямы, являются бронзовые нащечники из комплектов конской узды (только в Скифии они имеют самое широкое распространение, а в нашей зоне встречены впервые!).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в указанное время в Западном Казахстане в составе политического союза кочевников присутствовало не менее 3-х этнических компонентов. При этом скифы должны были играть ведущую роль в процессах этнокультурогенеза в Западном Казахстане в середине I тыс. до н.э.

Следовательно, материалы курганов древних кочевников Кырык-Обы, информируют нас о наличии различных векторов этнических и культурных связей. Причем рассматриваемые памятники не соприкасаются с регионами-донорами, а находятся на значительном удалении от них, в окружении других этнокультурных массивов. Хотелось бы обратить внимание и на то, что достаточно сильное приаральское влияние на территории Уральского левобережья наблюдается в курганах у оз. Челкар, в то же время в обряде могильников у села Алебастрово и аулов Увак и Танаберген (среднее течение Илека) имеются существенные параллели с савроматской (блюменфельдской) культурой Нижнего Поволжья, тогда как среди археологических памятников рассматриваемого времени в верховьях Илека (Бесоба, Сынтас) и Ори (Уркач) отчетливо наблюдается среднеазиатское влияние. Все это позволяет видеть мозаичную этнокультурную карту территории Западного Казахстана в конце VI-V вв. до н.э.

Напрашивается вопрос: как могло получиться так, что племена с несколько отличной культурой и, может быть, говорившие на разных языках или, по крайней мере, разных диалектах одного языка, расселились в пределах Западного Казахстана чересполосно, соприкасаясь с чуждыми родовыми группами. Ответ может быть, скорее всего один: такое могло произойти лишь в связи с процессом завоевания и освоения кочевниками новых земель. Хрестоматийный пример подобного характера расселения кочевников – создание улусной системы Чингисханом, когда на завоеванные земли (нунтуки) он передавал потомкам и соратникам народы, проживавшие, порой, до этого на значительном удалении друг от друга, и при этом родственные связи совершенно не учитывались.

В результате старые племена дробились на куски, а взамен их создавались, новые этнополитические союзы – улусы.

Резонно предположить, что примерно такая же ситуация сложилась в исследуемом регионе в VI в. до н.э. До этого, судя по археологическим данным, плотность населения из-за засушливых природных условий была чрезвычайно низка. И лишь в начале-середине VI в. до н.э. в Южном Приуралье появились могилы с инвентарем, присущим скифским всадникам Восточной Европы. Возникает вопрос: кто такие скифы и как они оказались в пределах Казахстана?

Скифская культурно-историческая общность сложилась в поясе степей от Монголии до Дуная в начале I тыс. до н.э. Имя «скифы», как свидетельствует историк Геродот Галикарнасский, греческого происхождения и оно было общим для всех евразийских кочевых «варваров». Он замечает, что самоназвание этого народа – «сколоты». Другое имя древних кочевников Казахстана и Восточной Европы известно из древнеперсидских письменных источников, где они называются «сака». Свое появление на исторической арене они отметили вторжением на Ближний Восток в начале VII в. до н.э. В ассирийских памятниках письменности их именуют «ишкуза», в Ветхом Завете – «ашкеназ». Долгое время евразийские «кентавры» были самой влиятельной политической силой в Передней Азии, пока в конце вышеназванного столетия предводители скифов не были предательски перебиты на пиру царем Мидии Киаксаром. После этого происшествия скифы (саки) вынуждены были вернуться в родные степи Восточной Европы и Казахстана.

Судя по сообщениям древних авторов, возврат этот был отнюдь не мирным. Как пишет Геродот, потомки скифских жен и рабов восстали против скифов и не пропускали их в

собственные земли. Лишь в результате ожесточенной борьбы скифы вернули себе родной юрт. Это почти легендарное сообщение является отражением реальных исторических событий, развернувшихся в то время в степях Восточной Европы. В конечном итоге, с середины VI в. до н.э. скифская культура распространяется на широком пространстве от Истра (Дуная) до Танаиса (Дона). Именно с процессом возвращения скифов из Передней Азии и повторным освоением ими евразийских степей необходимо связывать появление воинских захоронений в 1-й половине VI в. до н.э. на Илеке – в Оренбуржье и в Западном Казахстане, а также целого ряда курганов в степном Зауралье. Это суждение может быть аргументировано следующим образом:

Во-первых, для них характерны элементы погребальной архитектуры скотоводов лесостепной Украины и предгорий Северного Кавказа, а именно столбовые курганные конструкции, возведенные над дромосными и катакомбными могилами.

Во-вторых, с конца VI в. до н.э., то есть с момента окончательного оформления племенного союза кочевников Южного Приуралья, в данном регионе получили широкое распространение предметы материальной культуры, производные от скифских вещей. Главным образом, это положение касается предметов вооружения и конской узда. Бронзовые втульчатые наконечники стрел, характерные для погребений лесостепного Приднепровья и Северного Кавказа VII–VI вв. до н.э., встречаются в самых ранних комплексах исследуемого региона не разрозненно, а в совокупности, насчитывая десятки экземпляров. Некоторые же из них, вероятно, можно считать типично приуральскими, но появившимися в результате контактов со скифами. Приуральские мечи и кинжалы, вероятно, произошли от

акинаков, получивших более раннее распространение в Причерноморье и Северном Кавказе. При этом специалисты отмечают скифскую технологию изготовления сарматского оружия. Скифские истоки узды приуральских номадов подчеркивают находки конских налобников и нащечников, характерных именно для скифской культуры. Находки этих предметов фиксируются в курганах воинской знати Илека с середины VI в. до н.э. В этот перечень необходимо включить отдельные типы бронзовых зеркал, глиняной посуды и наборы украшений (преимущественно стеклянных бус).

В-третьих, присутствие скифского этноса надежно подтверждается распространением в VI в. до н.э. на Южном Урале такой разновидности монументальных памятников как скифские каменные изваяния. Каменные изваяния, также как наскальные изображения и массивные каменные жертвенники-алтари являются надежными индикаторами миграций, поскольку они изготавливались на месте, так как перевозить их в телегах на тысячекилометровые расстояния было затруднительно. Более того, археологами зафиксированы случаи погребения скифских статуй. Вероятно, это происходило перед уходом родоплеменного объединения из родных мест в дальние страны. Показательно, что изваяния, открытые археологами за последнее десятилетие в Западном Казахстане, по своей морфологии и иконографии самые близкие параллели имеют среди скифской каменной скульптуры. И потому, мы предполагаем, что именно скифы стали этническим ядром мощного кочевого союза, зародившегося во 2-й половине VI в. до н.э. и получившего у археологов название «прохоровская культура». Для этого есть, по крайней мере, два аргумента: 1) скифы раньше всех вторглись в Южное Приуралье; 2) они идеологически доминировали в новом

племенном союзе. Кроме того, нельзя забывать об их воинском потенциале, – они сами по себе представляли грозную силу, но еще более значительные войсковые объединения родственных племен находились в Северном Причерноморье.

По мнению многих исследователей, на восток от Причерноморья к горам Южного Урала мигрировали так называемые «скифы-отщепенцы». По этому поводу Геродот сообщает, что на восток от земли савроматов у подножья каменистых гор проживают скифы, отделившиеся от царских). Они то и оставили воинские могилы начала-середины VI в. до н.э. на Илеке и на востоке Башкирии. В это время скифские лучники подчиняют местных скотоводов (возможно, это были савроматы), а в конце рассматриваемого столетия инкорпорируют в свою среду большую группу кочевников Приаралья – массагетов.

Всёбольшеспециалистовсклоняетсякмнению, что другое имя массагетов – «сака-тиграауда» древнеперсидских источников. В конце VI в. до н.э. им пришлось выдержать несколько ожесточенных войн с Ахеменидским Ираном. О перипетиях этой борьбы свидетельствуют Геродот и древнеперсидские письменные сообщения. В частности «отец истории» рассказывает о войне Кира Великого с массагетами в 530 г. до н.э., когда предводительница азиатских кочевников царица Томирис одержала верх над персидским царем. Однако на этом событии враждебные отношения между персами и массагетами не заканчиваются. Наличие на северных границах персидской державы мощного кочевого союза сковывало завоевательную политику Ахеменидов, поэтому очередная персо-массагетская война была неотвратима. Примерно 519 г. до н.э. историки датируют войну преемника Кира –

Дария I с объединением «сака-тиграхауда», в результате которой последние, как свидетельствует Бехистунская надпись, были покорены персидским владыкой и изгнаны из Средней Азии. Это событие удивительным образом перекликается с рассказом Геродота о войне Дария I со скифами. В частности, греческий историк сообщает, что в ходе скифской кампании Дарий приказал создать на границе со Скифией на расстоянии дневного перехода линию из 8 крепостей. На территории Украины ни одной иранской крепости по сей день не обнаружено, зато система крепостей с ахеменидской архитектурой открыта на границе Хорезма с Тураном. И, как полагают исследователи, датируются они V в. до н.э.

Судя по тому, что в курганах кочевников Западного Казахстана конца VI-V вв. до н.э. отчетливо проявляются приаральские культурные параллели, не все массагеты (сака-тиграхауда) подчинились завоевателям – значительная их часть ушла в степи Южного Урала. Более того, элитарный характер этих курганов, позволяет высказать предположение, что массагеты вошли в состав воинско-жреческой знати местных кочевников. Отсюда можно предположить особый характер отношений среднеазиатских беглецов со скифскими правителями. Интересно, что еще С.П. Толстов, известный организатор советской археологии полагал, что массагеты – это «великие саки», то есть «царские скифы». В свете того, что было сказано выше, данное предположение нам кажется вполне вероятным.

Скифо-массагетские рода, вероятно, составляли верхушку общества в новом племенном союзе. Влияние же номадов Западного Казахстана в то время было огромно. Их культура распространилась от Устюрта на юге до истоков Урала на севере и от Тургайского прогиба

на востоке до Камыш-Самарских озер – на западе. Воинский потенциал носителей прохоровской культуры был значителен. Отдельные конные отряды приуральских номадов проникают далеко на восток. Оружейные комплексы западноказахстанского происхождения археологи находят на Алтае и юге Западной Сибири. Под влиянием западноказахстанского пассионарного толчка перекраивается этнополитическая карта Степи. Так, вероятно, не без участия «прохоровцев» в V в. до н.э. прекращает свое существование тасмолинская культурно-историческая общность кочевников Центрального и Северного Казахстана, а затем в лесостепной зоне Западной Сибири складывается саргатская культура с сильными степными элементами в традициях элиты общества. При этом исследователи отмечают высокий уровень ее милитаризации: проживая по соседству с воинственными соседями, скотоводы юга Западной Сибири должны были пребывать во всеоружии.

Стоит заметить, что приуральские номады вступили в тесные контакты самого различного характера с зауральскими и западносибирскими угорскими лесостепными племенами. Надо полагать, что в условиях завоевания в приуральские степи из Скифии прибыли в основном молодые мужчины-воины. Потому, велика была роль брачных контактов с лесными племенами. Свидетельством таковых может быть распространение у кочевников керамики, в тесто которой добавлялся тальк (типично зауральский технологический прием изготовления лепной посуды). С другой стороны, данные контакты были обусловлены поисками кочевниками рудных баз для изготовления оружия. В этой связи Б.Ф. Железчиков высказал мнение о том, что лесные угры поставляли кочевникам металл в качестве дани. Таким

же образом в степь могла поступать пушнина, возможно, рыбный клей, используемый для скрепления деревянных предметов, в частности, луков.

Могучий союз кочевников Западного Казахстана и в последующее время осуществлял активную внешнюю политику, участвуя во многих политических акциях как в пределах Восточной Европы, так на Среднем и Ближнем Востоке.

6.2. Культура и религия

Все погребения, описание которых приведено выше, относятся к концу VI – середине V вв. до н.э. Об этом свидетельствуют их обряд и достаточно многочисленный инвентарь. В плане датировки исследованных памятников показательно стрелковое вооружение. Некоторые из наконечников стрел относятся к архаичному I-му отделу втульчатых двухлопастных, время распространения которых приходится на VII-VI вв. до н.э. Однако, в колчанах преобладают трехлопастные бронзовые наконечники со сводчатой головкой (типы VI и XI по классификации К.Ф. Смирнова), типичные для V в. до н.э. Железные мечи с брусковидными навершиями и бабочковидными перекрестиями, плоскодонные лепные горшки появляются в приуральских степях в конце VI в. до н.э. и получают широкое распространение в V в. до н.э. Характерны для указанного времени и предметы конской упряжи, украшенные в зверином стиле. Остальной вещевой материал, встреченный в могильниках Кырык- Оба II и Лебедевка II (стеклянные бусы, золотые подвески и нашивные бляшки и пр.) не противоречит вышеназванной дате.

У археологов нет единого мнения о том, к какой культуре относятся памятники кочевников Южного Приуралья указанного времени. Долгое время в научной среде догматически господствовало представление о том, что в степях Урало-Поволжья в VI-V вв. до н.э. существовала савроматская (блюменфельдская) культура. Сторонники этой гипотезы полагают, что для носителей этой культуры в обряде захоронения характерны широкие могильные ямы и западная ориентировка покойников. В начале IV в. до н.э., по их мнению, савроматскую культуру сменяет прохоровская, культурно-диагностирующими элементами которой являются южная ориентировка погребенных и наличие камерных могил (катакомб, подбоев, дромосных могил). В конце 80-х – 90-х гг. ушедшего столетия целый ряд ученых, среди которых А.Х. Пшеничнюк, А.Д. Таиров, Б.Ф. Железчиков, высказали сомнение в подобном ходе развития культуры. Мы также разделяем точку зрения о более раннем времени формирования прохоровской культуры.

Приступая к изучению генезиса данного культурного явления, изначально обращаешь внимание на существенное различие т.н. «бедных» и «богатых» захоронений VI-V вв. до н.э. Помимо разницы в размерах курганов и могил (а значит и в уровне трудозатрат), проявились многие обрядовые элементы, типичные, с одной стороны, для аристократии, а с другой, – для рядового населения. К погребальным традициям кочевой элиты относятся: мощные надмогильные деревянные сооружения, сопровождающие человеческие жертвы, захоронения в насыпях лошадей, погребения на уровне древнего горизонта, устройство камерных могил, коллективные захоронения с ортогональной (южной и западной) ориентировкой покойников. При этом стражников

или воинов чаще ориентировали головой на юг. Для курганов знати также характерно размещение в могилах большого количества заупокойного инвентаря, в том числе предметов социального престижа (блюда из драгоценных металлов, ритоны², гривны, жезлы, котлы). Погребальные комплексы, связанные со слоем рядовых скотоводов, отличаются следующие признаки: простота земляных могильных конструкций, незначительные «стандартные» размеры могил, западная ориентировка умерших и т.д.

В добавок ко всему, основные признаки прохоровской культуры появляются в курганах воинской верхушки, причем в тесной увязке друг с другом, уже в VI в. до н.э. Об этом говорят и материалы раскопок 2002 года, в первую очередь, – в Кырык-Обе. Да и в Лебедевке во всех воинских захоронениях скелеты были ориентированы головой на юго-запад или юго-восток.

Уже отмечалось, что в исследованных курганах, судя по их размерам, степени сложности погребальных конструкций, а также характеру заупокойного инвентаря, открыты захоронения, скорее всего, двух социальных групп древнего кочевого общества: рядовых общинников и воинско-жреческой знати. Причем, и те и другие представляют значительный интерес для изучения древней истории Западного Казахстана, но большую историко-культурную информацию дают могилы кочевой элиты.

Особенное значение в деле получения исторической информации имеют погребальные конструкции. В связи с этим, первый момент, на который необходимо обратить внимание, – это то, что в специальной литературе, посвященной публикациям материалов раскопок курганов, общераспространенным для обозначения погребального объекта являются термины: "курганная насыпь" или просто

"насыпь". Данные дефиниции имеют обращение в науке уже более ста лет, и правомерность использования их в научных исследованиях серьезно не была оспорена в теоретической археологии. Хотя подобные попытки предпринимались отдельными авторами. Основная же масса археологов полагает, что после положения покойника в яму, над ней насыпался могильный холм. Тем интереснее оказался тот факт, что в двух древних некрополях, удаленных друг от друга на сотни километров, синхронные захоронения кочевой знати совершались в земляных склепах и следов насыпи (в обыденном понимании) не зафиксировано.

Исследованные курганы оказались достаточно однородными по погребальному обряду. Их структура и планиграфия были стандартными. Исключение составляет курган № 18 могильника Кырык-Оба II, в котором было совершено коллективное захоронение на уровне погребенной почвы. В остальных же случаях, в центре погребальной площадки находилась могильная яма, перекрытая мощной деревянной конструкцией, опиравшейся, в свою очередь, на вал из гравия и белой, либо желтой материковой глины, насыпанный на древней поверхности. В нескольких десятках сантиметров от края могилы и на вершине глиняного вала фиксировались стены, выложенные из кирпича-сырца, либо самана, в основание которых укладывалось не менее 4-х кирпичей. С высоты 70-80 см от «пола» – в центре, и 20-30 см – на валу, наблюдались следы разрушения стенки: кирпичи рушились в ту или иную сторону от стенки и имели менее четкие, аморфные очертания. Причем большая часть стен заваливалась внутрь погребальной конструкции, что позволяет предположить наличие какого-то перекрытия, возможно, глиняного свода, под тяжестью которого стены заваливались к центру. В частности, подобную форму

погребальной конструкции можно предполагать в курганах №№ 6,8,9 могильника Лебедевка II. В курганах Кырык-Обы, вероятно, глиняный свод отсутствовал, так как там прослежены остатки деревянного шатра.

Порой разрушение глиняного склепа занимало длительный период (возможно, в несколько десятков лет), поэтому его остатки фиксировались в виде послойных напластований, создавая для современных раскопщиков иллюзию насыпи. Справедливости ради следует сказать, что в ходе полевых изучений средних и больших курганов ранних кочевников Евразии археологами неоднократно фиксировались каменные или деревянные склепы, но только не земляные. Авторы раскопок, вероятно, по причине экстренности вскрытия подобных курганов, ведь чаще всего при помощи техники копаются аварийные памятники, или же редкой практики вскрытия элитарных могильников ранее не придавали особого значения описанной выше структуре грунтовых объектов. Все же очевидно, что данные погребальные объекты представляют собой сооружения квадратной или прямоугольной формы, сложенные из глиняных кирпичей.

В связи с этим возникает вопрос: распространяется ли данный вывод на все курганные захоронения номадов Южного Приуралья скифского времени – носителей культуры, известной в науке под названием «прохоровская»? Ведь, кочевое наследие Уральского левобережья того времени в культурном плане сложно отделить от всего кочевого мира южноуральских степей и, более чем вероятно, что оно входило в единый племенной союз, который объединяли, помимо прочего, общие религиозные воззрения. Более того, не исключено, что данное наблюдение может иметь всеобщий характер для всех культур степной

части Евразии скифской эпохи. Однако, оно остается пока на уровне гипотезы и требует своего подтверждения в ходе дальнейших археологических раскопок.

Весьма интересным для исследователей является тот факт, что сжигание деревянных погребальных конструкций в курганах Кырык-Обы происходило уже после совершения погребальных ритуалов, непродолжительное время спустя³. Думается, что можно предполагать именно такую последовательность событий, происходивших в древности на этом могильнике. В частности, во всех трех раскопанных в 2002 году курганах были зафиксированы остатки мощных костров, в результате которых глиняные стены склепов теряли прочность и разваливались в разные стороны. При этом могильные ямы оказывались полностью засыпаны руинами земляных сооружений. Если бы ограбление было проделано после пожара, то многие вещи, лежавшие на дне могилы, оказались бы предметами находок археологов. Кроме того, выше было отмечено, что почти все кости скелетов людей, обнаруженные в раскопанных курганах, не подверглись воздействию огня. Такое было бы невозможно, если бы костер был разведен в процессе или в самом конце обряда захоронения. И потому, следы кострищ в погребальных камерах элитных курганов носителей прохоровской культуры Западного Казахстана почти всегда – результат деятельности грабителей.

Вышеприведенное положение весьма важно потому, что до сих пор в работах различного характера по истории кочевников Южного Урала и Западного Казахстана их религиозные взгляды характеризовались как «огнепоклонничество». Культу огня исследователи придавали всеобщий характер. Правда, в последнее время этот, казалось бы, незыблемый научный постулат

был оспорен молодым челябинским археологом Иваном Ульяновым. В своей диссертации он привел целый ряд весомых аргументов, опровергающих наличие подобных идеологических представлений среди ранних кочевников Урало-Поволжья. Остатки мощных костров, прослеженные в курганах на Кырык-Обе, однозначно свидетельствуют в пользу гипотезы И.В. Ульянова. И потому, использование таких эпитетов как, например, «сарматы или же савроматы–огнепоклонники» для характеристики религиозных взглядов с научной точки зрения будет принципиально неверным. Оппоненты могут возразить, что иногда могло происходить и ритуальное ограбление могил. Да, могло, но только не в нашем случае. Если бы был совершен обряд обезвреживания покойников, то наверняка обстановка в погребальной камере имела бы несколько иной вид. Мы же фиксировали либо полное отсутствие костных останков людей, либо их беспорядочный разброс. А вещи, которые все-таки стали добычей археологов, валялись так, как будто бы грабители в могильной тьме их просто не заметили. Возгорание дерева в могилах (в нашем случае) происходило, как раз таки от их неосторожного обращения с огнем.

Гораздо более обоснованной является предположение сарматолога В.К. Федорова о распространении среди кочевников Южного Приуралья скифского времени культа Сомы (Хаомы). Этот культ на территории Западного Казахстана имеет глубокие корни. О его наличии сообщают древнейшие религиозные книги, такие как, «Ригведа» и «Авеста». Как полагает Виталий Федоров, о почитании данного божества древними обитателями нашего региона свидетельствуют находки в могилах кочевников таких предметов заупокойного инвентаря, как каменные жертвенники (алтарики) и костяные ложечки. Очень

часто на бортиках переносных алтарей и ручках ложечек изображаются волк, орел и сайгак (реже лось). Он привел весьма убедительные доводы о том, что в них зашифрован миф о похищении растения, содержащего Сому (Хаому). При этом волк трактуется как – хранитель Сомы, а орел – его похититель, сайгак же – ипостась бога Индры, для которого Сома был похищен. Как отмечалось выше, высока вероятность того, что во всех трех элитарных курганах 2-го лебедевского некрополя были погребены жрецы или члены их семей. Не исключено, что в разрушенном погребении кургана № 18 могильника Кырык-Оба II также были похоронены представители сословия жрецов: в нем найдены обломки двух каменных жертвенников.

К атрибутам жрецов относят и костяные ложечки. Однако, гораздо чаще их находят в воинских могилах. Как, например, в одном из рядовых погребений костяная ложечка лежала в колчане среди наконечников стрел. Она могла использоваться для ритуального окропления наркотическим напитком Сомой (Хаомой) предметов вооружения, и, в первую очередь, стрел для придания им меткости и быстроты полета. Судя по тому, что в костях скелета одного из воинов найдено вонзенными сразу несколько наконечников стрел, – он, вероятно, был убит в межплеменной стычке, либо в ходе ритуальных действий в качестве жертвы.

Полагают, что предметом религиозных культов были деревянные чаши, окованные золотыми или серебряными пластинками. Они имели не столько утилитарное, сколько ритуальное значение. Так, по сведениям Геродота, священной золотой чашей обладал предок царских скифов – Колаксай. Причем только он мог быть собственником этой вещи. По мнению А.Х. Пшеничнюка, поскольку их обычно

находят в «царских» или богатых воинских погребениях, они могли являться общеродовой или общеплеменной собственностью, переданной «царям» или выдающимся воинам на хранение и используемых в церемониалах только в особых случаях.

Воинские культы имели самое широкое распространение в кочевой среде. Скажем, на каменных статуях региона в I тыс. до н.э. обязательно ваялся могучий мужчина с воинскими атрибутами (меч, секира и колчан со стрелами) и, при этом, очень часто изображался фаллос, чем наглядно демонстрировалась мощь героя-предка. Геродот сообщает, что одним из наиболее почитаемых божеств у скифов был меч – акинак. Только ему приносились человеческие жертвы. В воинских погребениях ранних кочевников Западного Казахстана неоднократно зафиксирован ритуал намеренной порчи оружия, при котором ломались мечи и притуплялись острия наконечников стрел. Этот ритуал появился не позже V в. до н.э. и представляет собой отражение, культа героев среди выдающихся воинов скифского мира. Параллели в погребальном ритуале знатных воинов Скифии и Южного Приуралья столь отчетливы, что, вероятно, есть смысл говорить не о близости идеологических представлений черноморских скифов и приуральских “сарматов”, а об их тождестве, или даже об абсолютной идентичности. И в этой связи возникает вопрос об этническом содержании культуры древних номадов изучаемого региона. Иными словами: кто проживал в Западном Казахстане в скифскую эпоху?

**ПРОЕКТ ОРГАНИЗАЦИИ
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
И ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНОГО
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КЫРЫК-ОБА»**

1. ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЛИСТ ПРОЕКТА

1.1. Название проекта	Строительство «Музея - заповедника под открытым небом «Степная пирамида»
1.2. Ответственное министерство	Министерство культуры и информации Республики Казахстан
1.3. Отрасль	Культура
1.4. Срок реализации	2009-2012 гг.
Начало проекта	2009 г.
Предполагаемое завершение	2012 г.
1.5. Общая стоимость проекта	850 миллионов тенге
1.6. Место реализации проекта	Республика Казахстан Бурлинский район Западно-Казахстанской области, комплекс царских курганов «Кырык - Оба»
1.7. Цель и задачи проекта	
а) Цель	Главной целью проекта «Музея - заповедника под открытым небом «Степная пирамида» является содействие развитию национальной культуры и истории
б) Количественные задачи	В рамках данного проекта предусматривается: -реконструкция царских курганов, -создание музея, -реставрация природно-ландшафтного фона, -строительство административного здания и других объектов инфраструктуры: гостиницы, кафе, выставочного зала, смотровой площадки, - благоустройство и озеленение территории, - создание зеленого пояса ограждения территории музея, -электрификация и газификация комплекса, - создание научно-технических лабораторий.
1.8. Описание проекта	В рамках данного проекта предполагается строительство «Музея - заповедника под открытым небом «Степная пирамида» как культурно-просветительного и туристского центра Западного Казахстана, имеющего общенациональное значение и способствующего развитию национальной культуры, истории и самосознания. Реализация проекта предполагается в 3 этапа: 1 этап - подготовительный для решения следующих вопросов – определение площади музея и юридическое оформление выделения земли, разработка и утверждение проектно сметной документации, архитектурного, реставрационного, археологического планов - 2009 год; 2 этап – реализация утвержденного проекта - строительство всех объектов и коммуникаций, реконструкция всех археологических памятников, природно-ландшафтные работы и благоустройство территории музея – 2010 – 2012 годы; 3 этап – научно – пропагандистская и рекламно – имиджевая работа – баннеры, буклеты, книги, научно- практическая конференция, разработка турмаршрутов, открытие веб-сайта, установление внешних связей музея через ярмарку и т.д. 2012 год

<p>1.9.Обоснование проекта</p>	<p>Строительство музея-заповедника позволит привлечь внимание и интерес подрастающего поколения к истории казахского народа, будет способствовать развитию национальной культуры и самосознания, будет способствовать имиджу Казахстана как страны с богатой историей и развитой культурой;</p> <p>Музей даст толчок разработке и внедрению новых методов и технологий, в том числе информационных, в историческую и археологическую науку;</p> <p>Музей станет центром пропаганды культурного наследия и воспитательной работы средствами науки и туризма;</p> <p>Музей станет визитной карточкой, брендом Казахстана.</p>
<p>1.12.Выгоды проекта</p>	<p>Выгодами проекта являются:</p> <ul style="list-style-type: none"> • создание условий для пропаганды национальной истории, развитие интереса населения к собственной истории и культуре; • проведение художественных выставок, семинаров, конференций для историков, искусствоведов; • развитие целого комплекса наук, связанных с реставрационным искусством, методикой археологических исследований и природно-ландшафтных разработок; • расширение базы туристских объектов и включение западного региона в единую туристическую систему страны. Развитие новых видов туризма для зарубежных туристов; • сохранение целого комплекса уникальных памятников истории и культуры с целью включения их в систему памятников Всемирного культурного наследия.
<p>1.13.Способность реализовать проект</p>	<p>В области создана и успешно работает специализированная организация – «Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии» Управления культуры области. За период с 2001 года, когда начались научные исследования на комплексе царских курганов, накоплен значительный опыт археологических работ, освоены современные методики и технологии исследований, налажены постоянные связи с научными учреждениями Казахстана и России. То есть, кадровое и научно – техническое обеспечение всех работ имеется.</p> <p>Строительство и реставрационные работы будут проводить специализированные предприятия и организации, определенные на основе тендера. Работы будут вестись в соответствии с ТЭО и планом-проектом реконструкции и строительства музея, утвержденного соответствующими органами власти.</p>

	Управление проектом осуществляется Министерством культуры и информации Республики Казахстан, акиматом Западно-Казахстанской области, областным управлением культуры и акиматом Бурлинского района
1.14. Статус проекта	Строительство «Музея - заповедника под открытым небом «Степная пирамида» как историко-археологического и природно-ландшафтного музея предполагает придание ему статуса музея республиканского значения.
1.15. Стоимость проекта и источники финансирования	Полная стоимость проекта составляет 250 миллионов тенге в текущих ценах и его реализацию планируется осуществить за счет средств республиканского бюджета
1.16. Исполнитель проекта	Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии (г. Уральск) с последующей передачей всего комплекса специально созданному самостоятельному юридическому лицу ГККП «Музей - заповедник под открытым небом «Степная пирамида»
1.17. Характеристика инвестиционного проекта по возвратности финансирования проекта	Финансирование проекта планируется на безвозвратной основе

2. ВВЕДЕНИЕ

Главной целью проекта «Музей - заповедник под открытым небом «Степная пирамида» является содействие развитию национальной культуры и истории через исследование, сохранение и использование историко-культурного и археологического наследия, через содействие развитию туристической инфраструктуры региона.

На заре своего становления музеи в Казахстане воспринимались как хранилища раритетных и уникальных вещей, но со временем большее значение стала приобретать их образовательная и просветительная функция. В «Музее - заповеднике

под открытым небом «Степная пирамида» будет иметь место концепция коммуникационного подхода воздействия на своего посетителя, что подразумевает использование мультимедийных и интерактивных форм представления музейных экспозиций и коллекций. В будущем музей-заповедник станет одним из центров изучения истории и традиционной культуры казахов. В музее будут вестись исследования по истории, архитектуре, этнографии,

фольклористике, археологии. Специалистами музея будут проводиться лекции, творческие встречи, научные конференции, посвященные актуальным проблемам отечественной истории и культуры. Продолжится развитие культурно-образовательной и информационной деятельности музея-заповедника, что позволит эффективно реализовать его ресурсы в качестве особо ценного научного института.

Музей-заповедник «Степная пирамида» расположен в центре уникального природного комплекса. Главной ценностью данной территории является историко-культурный ландшафт, образованный гармоничным взаимодействием природы и многовековой деятельностью человека, нашедшей отражение в характере и красоте исторических памятников.

В рамках проекта по созданию музея-заповедника будет проведено экологическое изучение природных ресурсов, что значительно расширит охрану и использование природного наследия региона и создаст базу для создания культурно-развлекательной инфраструктуры.

В результате реализации проекта комплексного развития музея-заповедника, в ее границы войдут все участки, на которых расположены памятники архитектуры, музей получит территорию для развития новых видов деятельности. Будут созданы условия для действенной охраны культурного и природного наследия и контроля его использования, обеспечено проведение реставрационных работ на археологических памятниках музея-заповедника. Начнется создание экскурсионно-туристической инфраструктуры и развитие туристической деятельности, вся территория музея-заповедника станет доступна посетителю. Получит развитие система архитектурно-

ландшафтных экспозиций, в экспозиционном показе и экскурсионных маршрутах будут задействованы памятники на всей территории музея-заповедника. Появятся новые экскурсионные и туристические программы и маршруты. Значительно увеличится приток в музей-заповедник туристов, в первую региональных.

Создание музея-заповедника и развитие туристической инфраструктуры будет способствовать образовательному, культурному и экономическому развитию региона вследствие обеспечения населения рабочими местами, развитию местных промыслов, подъему хозяйства за счет развития сферы обслуживания.

Музей-заповедник «Степная пирамида» станет центром развития региональной туристической инфраструктуры. Для Западно-Казахстанской области музей-заповедник может стать важным ресурсом развития региона, центром инвестиционных вложений в туристскую индустрию, туристическим центром международного значения и точкой притяжения туристов со всей страны.

Музеефикация находок из царских курганов имеет целью охрану и сохранение редких памятников культуры. В рамках проекта будут осуществляться реставрация археологических памятников региона, создание уникальных коллекций и экспозиций по истории, культуре, военному делу кочевников эпохи раннего железа и тюркского времени. Создание музея откроет научно-исследовательский потенциал для изучения историко-культурного наследия Западно-Казахстанской области.

Музей – заповедник можно рассматривать не только как базу для развития научно – исследовательских работ по истории, археологии, этнографии, но и как основу для изучения и сохранения природных ресурсов

региона, охраны и использования историко-культурного наследия. Музей станет значимым объектом в культурной жизни и своеобразной «визитной карточкой» Западно-Казахстанской области.

3. ОПИСАНИЕ ПРОЕКТА

Проект планируется реализовать на земельном участке, расположенном в Бурлинском районе Западно-Казахстанской области, общей площадью 1200 гектаров.

Степи Западного Казахстана – это обширный курганный регион, где цепочки курганов являются примечательной чертой местного ландшафта и зримыми свидетельствами прошедших исторических событий на значительном хронологическом отрезке – от энеолита до позднего средневековья. Одним из наиболее примечательных свидетельств древней истории края является курганный могильник Кырык-Оба, который в силу своей уникальности на фоне других памятников археологии, несомненно, необходимо сохранить в неприкосновенном виде.

Актуальность организации археологических музеев-заповедников обусловлена, с одной стороны необходимостью сохранения археологического наследия, с другой стороны – его огромным потенциалом, который до сих пор практически не используется в образовательно-воспитательных целях и в целях организованного туризма.

Однако для того, чтобы сохранить не просто отдельные памятники истории, культуры и природы, а целостную природную и историко-культурную среду, необходимо не только выделение особо охраняемых территорий, где природа и культура формируют единые и целостные

образования, но и разработка комплексной программы реконструкции, охраны и использования природных и историко-культурных объектов в целях организованного туризма и сохранения культурного наследия.

В настоящее время в условиях возрастания темпов хозяйственного освоения природных ресурсов и усиления негативных последствий антропогенных воздействий на окружающую среду особенно важной представляется организация охраны и использования особо ценных историко-культурных и природных объектов Западно-Казахстанской области.

Мировой опыт организации археологических музеев под открытым небом известен давно и впервые применен в 1922 году на берегах Боденского озера в Швейцарии, где были восстановлены в первоначальном виде поселения каменного и бронзового веков.

К настоящему времени подобные музеи, реконструированные на основе раскопок археологических памятников, существуют в Дании (экспериментальный историко-археологический центр в Лейре), Германии (средневековая деревня в Дюппеле), Англии (кельтское поселение раннего железного века в Батсер-Хилле), России (палеолитическая стоянка в Костенках, античный Танаис на Нижнем Дону, укрепленное поселение бронзового века Аркаим на Урале) и других странах. Казахстан богат памятниками культурного наследия и здесь также существует опыт создания археологических музеев. Святилище эпохи бронзы Тамгалы и шедевр мирового зодчества тимуридской эпохи – мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави включены в список Всемирного культурного наследия. На очереди по включению в этот список находится Отрар, как город на Великом Шелковом пути

Республика нуждается в новых типах музеев, основанных на музеефикации археологических и культурных памятников. Причем это должна быть музеефикация памятника в его естественной природно-исторической среде, когда максимально бережно сохраняются не только сам объект археологии, но и окружающий ландшафт для создания наиболее благоприятного восприятия исторического памятника. В случае Кырык-Обой уместнее всего говорить о создании именно музея-заповедника.

Актуальность создания музея-заповедника вытекает из отсутствия на территории Западно-Казахстанской области аналогичных музеев, основной целью которых является сохранение и использование в научной, образовательной и туристической сферах историко-культурных и природных ресурсов.

Археологический музей-заповедник определяется как музей, созданный на основе археологического комплекса (памятника) и исторически связанной с ним территории. Археологические музей-заповедники создаются в соответствии с определенными критериями, такими как историческая значимость, сохранность, информативность, доступность, современное значение (Медведь А.Н., 2004, с. 47). Музеефикация археологических памятников, как один из способов их сохранения и использования на постсоветском пространстве явление относительно новое, в бывшем Советском Союзе первые археологические музей-заповедники стали создаваться в 60-е годы прошлого века (Медведь А.Н., 2004, с. 38). Первым из них был музей-заповедник «Танаис» на Нижнем Дону. За прошедшие годы музей-заповедник «Танаис» превратился в крупный музейный и научно-исследовательский комплекс и центр притяжения туристов. Здесь удачно показаны законсервированные участки раскопа, макеты и

реконструкции вне раскопанных участков и организована постоянная музейная экспозиция. Но Кырк-Оба, в отличие от античного города Танаиса – памятник погребальный и это накладывает свой отпечаток на требования к организации здесь музея-заповедника.

Разумеется, для реконструкции предшествующих этапов исторического развития западноказахстанского региона погребальные памятники информативно емки и весомы и зачастую являются едва ли не единственными источниками сведений о древнейшем населении и его материальной культуре. Особенности погребального обряда дают возможность проводить социальные реконструкции и выявлять специфику жизненного уклада, получать сведения о духовной культуре и верованиях. Погребальные памятники позволяют составить относительно полную картину прошлого, особенно для кочевых обществ, которое не оставили или почти не оставили поселенческих памятников археологии.

Но раскопки погребальных памятников (курганов, могильников) практически полностью уничтожают их, ведь сегодня мы практически всегда не можем извлечь содержимое погребального памятника неразрушительным способом.

Неразрушительные или дистанционные методы исследования археологических объектов разрабатываются давно, но на практике они еще не нашли широкого применения. Методика дистанционного исследования пока еще только разрабатывается и обычно просто предшествует полным археологическим раскопкам кургана или могильника с целью сравнения результатов дистанционного исследования и результатов вскрытия археологического объекта обычными раскопными методами.

При современном антропогенном воздействии на памятники археологии вкуче с природными разрушительными факторами вполне возможна ситуация, что к моменту появления неразрушительных способов исследования собственно исследовать будет практически нечего. Уничтожение и разрушение памятников археологии – один из наиболее весомых аргументов в пользу создания музеев-заповедников.

Всемирная практика показывает, что исследование уникальных объектов традиционными раскопочными методами необходимо проводить в очень ограниченных объемах. Крупнейший искусственный холм доисторического периода в Европе Силбюри-Хилл (высота 40,1 м) в Великобритании исследован несколькими разрезами, по которым установлены этапы и время сооружения насыпи (Брей У., Трамп Б., 1990, с. 223). Однако полные исследования не производятся, англичане ожидают появления неразрушительных методов исследования. Следует отметить, что по своему историческому значению Кырык-Оба вполне можно поставить в один ряд с наиболее значимыми памятниками археологии в Евразии, в том числе и с Силбюри-Хилл.

Современные концепции музейной организации предполагают активное участие посетителей в некоем действе по реконструкции жизни и быта древнего населения. Музеи-заповедники на основе поселенческих памятников (древних стоянок, городищ, городов) предлагают посетителям целые кварталы, в которых организовано производство предметов быта по древним технологиям. Посетители могут видеть, как раньше изготавливали керамику, пряли, ткали, пекли хлеб и т.п. Могут сами принять участие в ремесленном процессе.

попробовать блюда древних кухонь. Все это естественно увеличивает туристическую привлекательность таких музеев-заповедников, и не случайно подавляющая часть музеефицированных объектов – это древние поселения и города. В этом плане экспозиционные возможности археологических музеев-заповедников, в основе которых лежат погребальные памятники археологии, несколько ограничены, но есть и свои преимущества.

Погребальные археологические памятники могут быть притягательными для посещения, даже не являясь музеефицированными объектами. Например, самый крупный курган в Калмыкии – Зунда-Толга – является объектом поклонения местного населения и рядом с ним сооружена небольшая буддийская ступа. В 1997 году в г.Энгельсе Саратовской области проводилась международная конференция «Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей». К этой конференции был раскопан и временно законсервирован участок грунтового могильника срубной культуры эпохи поздней бронзы «Смеловка» (Лопатин В.А., 1997; он же, 2000). Во время конференции на памятнике сотрудниками Энгельского краеведческого музея была проведена презентация музейного проекта «Половецкий стан» во время которой показано костюмированное представление из жизни и быта средневековых половцев. Проект вызвал необычайный интерес не только у участников конференции, студентов, но и местных жителей. И особенную «изюминку» всему этому придавал тот факт, что все действие разворачивалось на памятнике археологии, широко известном по многим годам предшествующих раскопок. В свое время был даже разработан проект музеефикации этого могильника и расположенного

рядом синхронного поселения. Посещаемость этого объекта туризма гарантирована, так как предполагалось построить экспозиционную деятельность на контрасте с современностью – всего в 4-км от этого места расположен памятник новейшей истории – место приземления первого космонавта Ю.А.Гагарина, один из наиболее популярных туристических объектов в Саратовской области. К сожалению, финансовые трудности не дают пока возможности реализовать этот проект.

Представляется, что относительно близко расположение Кырык-Обы от оживленной автомобильной трассы Уральск-Аксай и наличие целого комплекса уникальных погребальных памятников также сделает кырыкобинские курганы привлекательным для посетителей. А отсутствие стесненных городских условий может сделать Кырык-Оба привлекательным объектом для презентации музейных проектов типа «Половецкого стана» или проведения народных праздников.

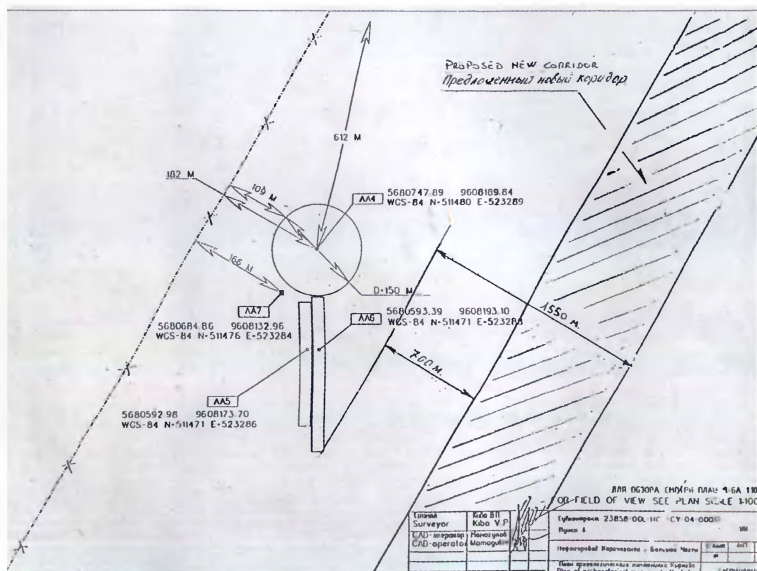
Музеефицированные курганы обладают двумя несомненными преимуществами относительно музеев на базе древних поселений. Во-первых, это уже упомянутое отсутствие стесненных городских условий. В условиях аридной зоны степей Евразии удобных и пригодных для поселений мест во все времена было немного и значительное количество населенных пунктов из века в век основывалось на одних и тех же местах или существовало непрерывно на протяжении многих столетий. Подобная ситуация зачастую приводит к различного рода затруднениям при музеефикации памятника, когда он находится на территории современных поселений. Причем это характерно не только для городов, но и сельской местности. Например, процесс музеефикации археологических памятников (да и просто их

1. Археологические исследования возобновились после долгого перерыва в 2001 году

2. Маршрут трубопровода: Аксай-Большой Чаган-Атырау

3. В первом проекте трасса трубопровода проходила вблизи главного царского кургана

Общественные слушания

Обращение и защита историко-культурного наследия для жителей поселка в зоне строительства трубопровода «Аксай-Атырау»

7 апреля 2001 года в 15.00
Актовый зал районного центра ЗКО
г.п. Акжол (12)

При поддержке
Фонда «Союз Казахстана»,
Западно-Казахстанского областного
управления культуры и
общественного фонда

И с участием
Института археологии
Национальной Академии наук РК,
Западно-Казахстанского
государственного университета

Уральск, апрель 2001 г.

4. Приглашение - обращение по общественным слушаниям, организованным общественным фондом науки и образования "Акжол"

Карагагайское месторождение расположено в 16 км от города Аксай. Оно занимает площадь примерно в 30 000 гектаров и содержит более 1200 млн. тонн нефти и конденсата и более 1350 млрд. куб. м. газа.

Месторождение было открыто в 1979 году. Добыча началась в 1984 году с экспорта газа и конденсата на Оренбургские нефтеперерабатывающий завод.

В 1997 году было подписано российско-казахстанское Соглашение о разделе продукции, предусматривающее дальнейшую разработку и эксплуатацию месторождения. Сторонами Соглашения явились Республика Казахстан и петербургская компания «Совместное предприятие кампания - Аксай» (32,5%), Бритиш газ (32,5%), Тексаско (20%) и ЛУКОЙЛ (15%).

Одним из важнейших сроков 2-й части соглашения и эксплуатации месторождения является строительство к трубопроводу Каспийского - трубопроводного Консорциума (КТК). Для этого будет проведено строительство желонного трубопровода «Аксай - Большой Чаган - Атырау».

Однако первоначальный проект трассы данного трубопровода встретил справедливую критику со стороны многих организаций и ученых, в

особенности историков и зоологов.

Одной из таких проблем стало сохранение историко-культурного наследия. В зоне строительства, по мнению археологов, оказалось более 150 курганов. Доказательством может служить судьба уникального археологического комплекса «Крык-Оба». По первоначальному проекту трасса проходила всего в 107 метрах от открытого кургана. Лишь после вмешательства общественности линия трубопровода была перенесена в сторону, более чем на 1 км. Остальные курганы по-прежнему остаются в зоне возможного техногенного воздействия при эксплуатации.

Западно-Казахстанский общественный фонд науки и образования «Акжол» при поддержке Фонда «Союз Казахстана» проводит сейчас активные общественные мероприятия для сохранения памятников истории и культуры. Впервые областными партнерами - местными организациями проводятся общественные слушания с целью информирования и привлечения населения к участию в решении проблем, возникших в связи с предстоящим строительством. Активное участие в организации и проведении слушаний принимают научные организации и учебные заведения, научная общественность. Как показала социологический опрос, требовались защита и изучение историко-культурного наследия

поддерживает население Уральск и Аксай, включенных пунктов, расположенных вдоль трассы трубопровода.

Наша цель - защита исторических и культурных ценностей, окружающей среды от возможного разрушения в зоне Карагагайского месторождения, а также создание компетентной комиссии с участием представителей общественности для постоянного мониторинга строительства трубопровода.

В условиях расширения производственной деятельности на Карагагайском месторождении актуальное значение приобретает скорейшее создание полной археологической карты и организация археологических раскопок по всей трассе трубопровода.

Поддерживая активные Карагагайские и мировой рынок как рыночный и суверенного государства, мы стоим за соблюдение законов Республики Казахстан. Только уважая свои законы, мы можем добиться уважения к себе, к своему государству, к своей истории.

Президент
общественного фонда
науки и образования «Акжол»
д.и.н., профессор
М.Н.С. ДЫКОВ

5. Уточнение параметров комплекса царских курганов. Слева направо: Сдыков М.Н., Сингатулин Р.А., Юдин А.И.

6. Основной царский курган с двумя "батанообразными" курганами

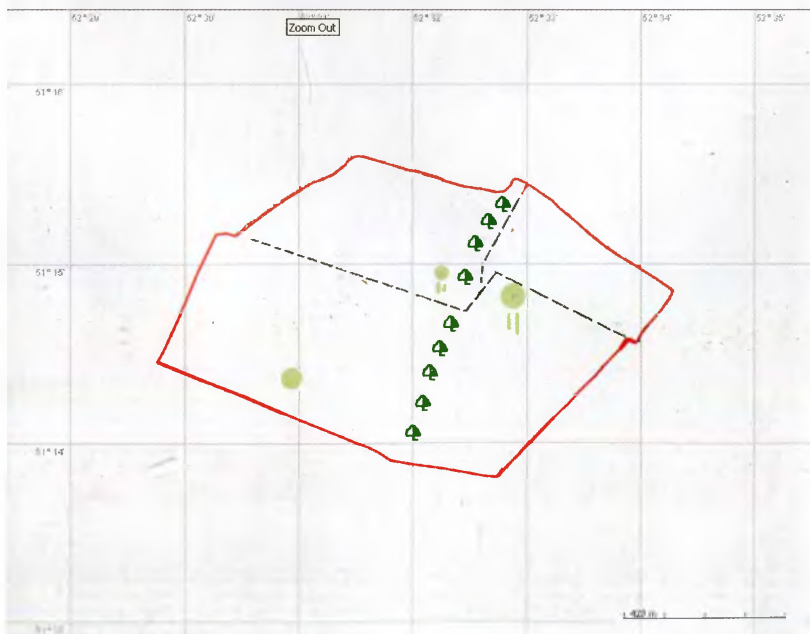

7. Второй царский курган с двумя "батанообразными" курганами

8. Третий царский курган

9. План-схема территории будущего музея-заповедника под открытым небом "Кырык оба"

10. Археологический отряд Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии

11. Археологические раскопки

12. Скульптурно-антропологическая реконструкция женщины
VI-IV вв. до н.э. (комплекс Кырык оба)

13. Псалии и пронизи

14. Пронизи

15. Псалии

16. Уздечная бляха

17. Бляхи - нащечники

18. Уздечные бляхи

19. Золотая серьга

20. Пронизи

научное исследование) в Костенковско-Борщевском районе на Дону тормозится местным населением, на участках которого находятся палеолитические объекты (Попов В.В. и др., 2006, с. 499).

Во-вторых, погребальные памятники практически всегда интегрированы в природную среду, являются ее частью, а природа всегда привлекает туристов. Встречаются даже предложения законсервировать курганы от любых посягательств, объявив их неприкосновенными памятниками природы. Конечно, подобный подход слишком радикален, но во всех случаях музеефикация предполагает комплексный подход к охране объекта, что предполагает активное участие не только археологов, музейщиков, но и экологов, зоологов, ботаников. Кроме собственно археологических исследований памятников при музеефикации проводятся ландшафтно-почвенные, инженерно-геологические и геофизические исследования на памятниках, в их охранной зоне и прилегающих территориях.

По близкой схеме выработана концепция создания природно-исторического парка на территории локализации святилища тюрков Мерке в Жамбыльской области (Досымбаева А., 2002, с. 34-35). Кроме собственно археологических исследований здесь изучен растительный покров и дана характеристика животного мира. Изумительные горные пейзажи Киргизского Алатау, древние святилища с каменными изваяниями, служившие местом проведения различных обрядовых действий на протяжении более тысячелетия, несомненно, станут привлекательным объектом туризма, несмотря на их относительную удаленность от современной инфраструктуры.

Впрочем, и поселенческие объекты при возможности всегда охраняются комплексно. Один из лучших примеров такого рода – это музей-заповедник «Аркаим», характер деятельности которого сразу становится понятным из его полного названия «Специализированный природно-ландшафтный и историко-археологический центр «Аркаим».

Говоря о процедуре создания любого археологического музея-заповедника, в первую очередь встает вопрос о собственности (праве пользования) на землю, которую необходимо вывести из разряда земель сельскохозяйственного назначения и перевести в категорию земель историко-культурных заповедников согласно ст. 37 Закона Республики Казахстан «Об охране и использовании историко-культурного наследия». Ведь, исходя из вышесказанного, для максимально полного восприятия древнего объекта необходимо, чтобы окружающая территория имела первозданный вид без следов вмешательства человека. Иными словами, на территории заповедника должна быть прекращена распашка земель с целью восстановления природной растительности, убраны лесополосы (два самых крупных кургана Кырык-Обы разделены лесополосой, что затрудняет визуальное восприятие памятника как единого целого), оставлен минимум дорог.

Далее встает вопрос о списке собственно археологических объектов в составе историко-культурного заповедника и его границах.

Центром всего музея – заповедника «Степная пирамида» должна стать группа царских курганов «Кырык-Оба I» из трех насыпей. Два самых крупных кургана с «батонами», несомненно, являются не только царскими усыпальницами скифского времени, но и представляют собой единый погребальный комплекс. Расположены они строго по

линии запад – восток. «Батоны» примыкают к ним с юга, почти по линии север – юг. Причем в их расположении прослеживается определенная логика: меньший «батон» кургана 1 расположен к западу от оси кургана, а более маленький «батон» кургана 2 находится к востоку от оси кургана, образуя, таким образом, зеркальную симметрию с курганом 1. Не исключено, что и курган 3 имел такие же «батоны», хотя из-за сильной распашки визуально в настоящее время на поверхности нет никаких следов, которые могли бы указать на их наличие.

Вообще эти «батоны» составляют одну из ярких особенностей Кырык-Обы и не находят близких аналогий среди курганов степей Евразии. Лишь в отдаленной степени с ними можно сопоставить курганы с «усами», большая часть которых относится к эпохе Великого переселения народов и ни в коей мере не могут сравниваться по своим размерам с курганами Кырык-Обы (Любчанский И.Э., Таиров А.Д., 1999; Боталов С.Г., Любчанский И.Э., Таиров А.Д., 2006). Хотя совершенно не исключено, что и «батоны» и «усы» несли одинаковую семантическую нагрузку, несмотря на хронологический разрыв между ними в тысячу лет.

Вторая особенность – это выявленная в ходе палеопочвенных исследований каменная крепида из тонких песчаниковых плит, покрывавших поверхность насыпи кургана. Предполагается, что из-за этих плит в древности курган имел вид светло-серой, практически белой горы (Скифы... 2007, с. 120). На поверхности двух других курганов также встречены обломки песчаника, возможно они также были покрыты каменным панцирем.

Выделение насыпи светлым цветом изредка встречается и на других памятниках евразийской степи более раннего

времени. Монументально-ритуальное сооружение Трехостровское в Волгоградском Задонье представляло из себя пирамиду из мелового известняка, окаймленную белой лентой меловой щебенки и окруженную рвом шириной от 22 до 32 м и первоначальной глубиной 4 м. Культовое сооружение относится к заключительному этапу бронзового века (Скрипкин А.С., Дьяченко А.Н., с. 264-266).

Если говорить о собственно курганах, то встречается обмазка светлой материковой глиной. В кургане у с.Шумейка в Саратовском Заволжье насыпь кургана была перекрыта светлой материковой глиной толщиной 0,2-0,4 м. По этой обмазке удалось установить, что первоначальная высота кургана могла достигать 6 м, хотя к моменту раскопок не превышала 1,7 м (Юдин А.И., 2007, с. 162-164).

Учитывая, что каменная выкладка на Кырык-Обе была исследована в нижней части северной полы, которая обычно оплывает под действием природных факторов меньше всего и, зная угол наклона кладки, а также диаметр насыпи, вполне возможно вычислить максимальную первоначальную высоту кургана 1, которая, несомненно, будет превышать современные 14 метров. Общеизвестно, что сооружение курганов в степи и строительство пирамид в Египте имеют в своей основе единый побудительный мотив – сооружение усыпальницы для главы общества и связаны с идеологическими представлениями. В этом плане интересно вспомнить, что и египетские пирамиды в древности были облицованы белоснежным известняком, правда, не сохранившимся до наших дней.

Все это дает возможность как для создания музейной экспозиции на базе произведенных раскопок, так и для производства реконструкций погребального сооружения главного царского кургана. Такая музейная экспозиция

необходима для привлечения туристов – она наглядно показывает, что представляет из себя курган как усыпальница, его архитектуру, обряд захоронения и комплекс погребальных вещей сопровождающих умершего.

Важным звеном всего музея должен стать экспозиционный павильон на территории комплекса Кырык-Оба I.

Именно здесь, в помещении можно будет на экране монитора совершить виртуальную прогулку вокруг анимированной модели современного состояния курганов Кырык-Обы и тех же курганов в древности, сразу после сооружения, когда они еще сохраняли на поверхности свой каменный панцирь.

Поскольку уже раскопан ряд курганов Кырык-Оба II, то на основе полученных материалов вполне возможно воспроизвести реконструкцию погребальной постройки, тем более что графические варианты реконструкции по кургану 19 уже предложены (Скифы..., 2007, с. 84). В свое время вывод С.Ю.Гуцалова о том, что курганы, которые до сих пор считались простыми земляными насыпями, на самом деле представляют собой остатки гигантских архитектурных сооружений – мавзолеев, вызвал большой интерес в научном мире и у общественности. И естественно, реконструкция даже одного из таких мавзолеев несомненно только повысит привлекательность для туристов всего археологического музея-заповедника.

Вообще реконструкция какого-либо археологического объекта является неотъемлемой частью музеев-заповедников. Этот принцип соблюден в Танаисе и Аркаиме и даже в Этнографическом музее народов Забайкалья, где на огромной территории воссозданы бурятские улусы, деревни русского старожильского населения.

казачий дворик, есть археологический комплекс из двух объектов. Это так называемые «плиточные могилы», появившиеся в эпоху бронзы во второй половине II тыс. до н.э. и просуществовавшие до середины I тыс. до н.э., и реконструкции двух жилищ хунну рубежа новой эры (Сокровища..., 2002, с. 92-95).

По результатам микромагнитной съемки кургана 1 был сделан вывод, что насыпь памятника сложена из довольно однородного почвенно-грунтового материала и о существовании каких-либо сложных внутренних конструкций из материкового суглинистого материала говорить нет оснований, а в кургане имелось одно основное погребение, которое было разрушено грабителями (Скифы..., 2007, с. 129).

Однако в настоящее время в наиболее глубокой части древней грабительской воронки в насыпи кургана есть довольно свежий грабительский шурф глубиной до 4 метров. При его осмотре летом 2008 года на его стенках была отмечена необычная структура насыпи, когда слои светло-коричневого суглинка перестилались темно-коричневыми тонкими прослойками. Все это очень напоминает сырцовую кладку, аналогичную той, которая была обнаружена в мавзолеях Кырык-Обы II. То есть мы можем предполагать, что и в данном случае, под земляной насыпью кургана может скрываться мавзолей, сложенный из сырцовых кирпичей, а также с использованием дерева, как в курганах Кырык-Обы II. Данное предположение может быть подтверждено или опровергнуто только после проведения комплекса работ по дистанционному, неразрушительному исследованию насыпей всех трех курганов.

Если при создании археологического музея-заповедника одной из основных целей, наряду с сохранением

памятников, считать привлечение максимально большого количества туристов, то будет неплохо включить в его состав поселенческий памятник на территории между царскими курганами. Разумеется, этот поселенческий памятник не будет синхронен курганам, поскольку в раннем железном веке на данной территории не было оседлого населения. Наиболее вероятно найти поселение бронзового века – как показывает опыт разведок в степной зоне на 5 км течения реки приходится как минимум одно поселение срубной культуры эпохи поздней бронзы. В экспозиционном плане такие поселения нельзя назвать особенно выигрышными – от эпохи бронзы на поверхности обычно в лучшем случае остаются только западины от жилищ, но данный участок необходим как место отдыха экскурсантов. Здесь также может быть организован экспозиционный павильон и представлены на всеобщее обозрение законсервированные разрезы культурного слоя.

Таким образом, центральным пунктом всего музея должен стать курганный комплекс «Кырык-Оба 1». Заповедная зона с полным запретом хозяйственной деятельности и какого-либо изменения ландшафта. Охранная зона – по 500 метров от курганов и все межкурганное пространство в соответствии с требованиями и особенностями режима использования охранной зоны, т.е. теми функциями, которые выполняет охранная зона в целях сохранения памятника археологии, а именно:

обеспечение сохранности памятника археологии и ближайшей к нему среды;

- доступность для научных и охранных археологических мероприятий на памятнике по плану государственного органа охраны памятников с возникновением такой необходимости (в том числе, для строительства экспозиционного павильона,

для строительства реконструированных объектов, для размещения экспедиционного лагеря и т.д.);

- обеспечение благоприятного и целостного зрительного восприятия археологического памятника (курганных групп) и возможных в дальнейшем реконструкций погребальных камер и сооружений;

доступность для туристских целей, образовательно-воспитательных задач, консервации и музеефикации;

восстановление первоначального внешнего вида памятника (рвов, насыпей и т.п.) и растительности, которые являются элементами исторически сложившейся природной среды памятника археологии;

- устройство указателей, дорожек, смотровых площадок, относящихся к памятнику и не нарушающих историко-природный ландшафт.

Необходимость 500-метровой охранной зоны вокруг ядра музея-заповедника (зона 1) обусловлена также особенностями сооружения и функционирования памятников археологии.

Такой тип памятников археологии, как курганные группы, помимо собственно насыпей (где сосредоточен основной массив исторической информации), выделяющихся своими размерами, могут иметь отдельные архитектурные сооружения – рвы и «батоны» и культовые места, функционально связанные с данным памятником, но не выраженные в рельефе. Обнаружение последних возможно только в результате полного археологического исследования памятника раскопками или неразрушающими дистанционными методами естественных наук. Таким образом, граница охранной зоны участка 1 археологического музея-заповедника «Кырык-Оба» устанавливается в 500 м по периметру

памятника. Отсчет производится от крайних точек рвов, окружающих насыпи и «батоны».

Поселенческий памятник (пока необходимо найти в окрестностях курганов). Рекреационная зона для организации отдыха и пунктов питания (палаточный городок, кемпинги). В перспективе возможно создание научного городка по примеру Аркаима, где сейчас круглогодично проживают до 20 сотрудников музея.

Примером в организации археологического музея-заповедника может служить уже неоднократно упоминаемый Аркаим, где кроме основного объекта – укрепленного поселения синташтинской культуры эпохи бронзы – созданы «Музей человека и природы», «Музей древних производств», исторический парк, в котором представлены разные типы погребальных конструкций бронзового века и раннего средневековья, реконструированы погребальный склеп кургана вождя раннего железного века и жилище каменного века.

В организационно-правовом отношении археологический музей-заповедник удобнее объединить в единый комплекс с городищем Жайык и мавзолеями кыпчакской знати Золотой Орды, которые находятся в 8 км южнее г. Уральска и где также предполагается провести комплекс мер по музеефикации.

Таким образом, для музеефикации курганов Кырык-Обы необходим следующий комплекс мероприятий.

1. Разработка эколого-исторического обоснования музея-заповедника «Степная пирамида», которая включает комплексный анализ историко-культурного и природного наследия музея-заповедника. В первую очередь необходимо подготовить картографический материал, определить участки с памятниками и количество самих памятников археологии.

2. Проведение историко-культурного и природного зонирования территории.

3. Разработка проектов охранных зон с обоснованием границ музея-заповедника, их типов и режима охраны.

4. Комплекс мер организационно-правового характера по закреплению выделенных земель за археологическим музеем-заповедником, придание особого статуса выделенной историко-культурной территории и разработка законодательных решений, утверждающих статус территории.

5. Разработка комплекса мер по использованию территории музея-заповедника:

- мероприятия по изучению археологического наследия музея-заповедника;

- мероприятия по консервации памятников археологии и их охране, установка охранных знаков по периметру выделенных участков;

- работы по реконструкции погребальных сооружений;

- развитие экспозиционного комплекса;

- развитие туристско-рекреационного комплекса.

По подобному алгоритму рассматриваются и предлагаются к осуществлению проекты музеефикации, преимущественно поселенческих памятников, но и они всегда включают кроме основного объекта, по возможности большее количество памятников археологии, исторические реконструкции, павильонную экспозицию и отдельную туристско-рекреационную зону (Останина Т.И., 1999, с. 253-258; Старков А.Е., 1999, с. 259-266; Наровчатский... 1998).

Из всего комплекса мер первоочередными представляются две. Это определение точных границ участков с археологическими объектами и придание

им статуса земель историко-культурных заповедников, согласно ст. 37 Закона Республики Казахстан «Об охране и использовании историко-культурного наследия».

Могильник Кырык-Оба представляется несомненно перспективным для использования в качестве туристического объекта. Дальнейшее его комплексное изучение будет способствовать его охране как объекта культурного наследия и, позволит перейти к использованию данного памятника в туристических целях и повысить уровень туристической привлекательности Западно-Казахстанской области.

4. СРОКИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА

Проект предлагаем осуществить в течение 4-х лет. Поскольку проект планируется для финансирования из государственного бюджета его начало и завершение будут увязаны с графиком бюджетного цикла. Проект предполагается начать в 2009 года и завершить в 2012 году.

Строительство будет осуществляться в соответствии с графиком реализации проекта. Строительные работы будут осуществляться в зависимости от климатических условий региона, сезон строительных работ продлится с середины марта по октябрь. До начала строительных работ осуществляется подготовка рабочей документации с учетом наличия отвода земельного участка местными исполнительными органами и прохождении государственной строительной экспертизы.

В среднем строительные работы осуществляются в период от 6 до 9 месяцев в течение года, период проектирования рабочего проекта занимает в среднем от 6 до 9-ти месяцев.

Сложившаяся практика процесса выделения бюджетных средств и реализации государственных проектов показывает, что в первый год реализации проекта будут осуществлены работы по решению всех правовых сторон, разработке рабочей документации. Строительные работы осуществляются в зависимости от климатического сезона.

Основная часть строительных работ, их завершение и сдача объекта в эксплуатацию будут осуществлены в 2010 – 2012 годах. Финансирование проекта планируется в соответствии с графиком бюджетного цикла.

5. СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ значение ПРОЕКТА

Социальное значение проекта. В современном культурном пространстве у музеев особая ответственная миссия. В начале XXI века общество воспринимает музей не только как архив человеческой памяти, приобщающий современного человека к культурному наследию прошлого. Музей превращается в общественный институт, который активно влияет на социальные и культурные процессы современности и формирует культуру будущих поколений. Это делает место музея в мире более значительным и многократно повышает его ответственность перед обществом. И такие тенденции в развитии музейного сообщества характерны не только для культурной жизни Казахстана, они является частью мирового культурного процесса.

Последнее десятилетие XX века и первые годы века XXI стали для учреждений культуры, науки и образования временем испытаний на стойкость и выживание. Рубеж веков ознаменовался для Казахстана крупнейшими изменениями

в политической, социально-экономической и культурной жизни, которые не могли не затронуть музейное дело. Несмотря на то что, последние полтора десятилетия независимости был одним из самых сложных в жизни казахстанских музеев, сегодня наблюдается качественный взлет всех направлений музейной деятельности. Безусловным знаком новой эпохи в развитии музеев Казахстана стал неуклонный рост популярности музеев, признание обществом заслуг музеев в деле сохранения историко-культурного потенциала нации и вера в их способность решать кардинальные задачи духовного развития общества.

Наиболее эффективной организационно-правовой формой охраны и использования всего потенциала историко-культурного наследия в нашей стране является институт музеев-заповедников. Они обеспечивают сохранность, восстановление, изучение и публичное представление целостных территориальных комплексов культурного и природного наследия в их традиционно сложившейся исторической среде. Музеи-заповедники обеспечивают возможность сохранения не только уникальных памятников истории, культуры, природы, но и природных ландшафтов и местной экосистемы. По определению французского этнографа Жоржа Анри Ривьера, основателя движения по созданию музеев под открытым небом, музей-заповедник это «...и лаборатория, поскольку в нем изучается прошлое и настоящее, и заповедник, так как он способствует сохранению природного и культурного наследия. Наконец, это и школа, так как он вовлекает в свою деятельность местных жителей».

Музей-заповедник «Степная пирамида» представляет собой музей под открытым небом, в котором архитектурно-археологические памятники восстанавливаются на

первоначальном местонахождении в соответствующем природном окружении. Ключевая задача музея-заповедника состоит в сохранении и оптимальном развитии природной и культурной среды как взаимосвязанных частей единого целого, в создании реальных условий для сохранения исторического наследия. Музей и население округа в состоянии выступать активными партнерами, определяющими на практике экологическое равновесие между людьми и их окружением — живой и неживой природой.

Современное экономическое и социальное развитие Казахстана повышает роль музея-заповедника «Степная пирамида», гармонично соотносящегося с культурной средой, с возрождением не только национальной, но и экологической культуры. Музей-заповедник может стать важным средством идентификации нации с его культурными традициями и природным окружением, развить чувство межнациональной солидарности. Как никакое другое учреждение музей-заповедник может научить, просветить, увлечь население, побудить его отказаться от равнодушного отношения к своему культурному наследию, составить представление об его действительной ценности. В целях развития социальной активности музей-заповедник должен быть не только местом просвещения, но и местом проведения досуга. Деятельность музея позволяет реализовать принципы патриотического воспитания молодежи, формировать привлекательный образ Казахстана как внутри страны, так и за рубежом.

В будущем музей-заповедник «Степная пирамида» станет одним из центров изучения истории и традиционной культуры казахов. Музей станет научно-познавательным

центром, где будут проводиться исследования по истории, археологии, этнографии и антропологии.

В силу своего уникального географического положения, природных условий и исторического наследия Западно-Казахстанская область имеет высокий потенциал для развития на своей территории различных видов внутреннего и въездного туризма. Создание музея-заповедника «Степная пирамида»:

будет способствовать развитию туристической инфраструктуры региона,

будут созданы условия для действенной охраны культурного и природного наследия и контроля его использования,

обеспечено проведение реставрационных работ на памятниках музея-заповедника,

ускорится создание экскурсионно-туристической инфраструктуры и развитие туристической деятельности,

- получит развитие система архитектурно-ландшафтных экспозиций, в экспозиционном показе и экскурсионных маршрутах будут задействованы памятники на всей территории музея, включая сопредельные археологические памятники,

появятся новые экскурсионные и туристические программы и маршруты. Значительно увеличится приток в музей-заповедник туристов, в первую очередь региональных. Продолжится развитие инфраструктуры, культурно-образовательной и информационной деятельности музея-заповедника, что позволит эффективно реализовать его ресурсы в качестве особо ценного объекта культурного наследия.

Реализация проекта окажет большое позитивное влияние на развитие и деятельность не только музея-

заповедника «Степная пирамида», но и на состояние и дальнейшее развитие культурной и духовной жизни местного сообщества и республики в целом. Для Западно-Казахстанской области музей может стать важным ресурсом развития региона, центром инвестиционных вложений в туристскую индустрию, туристическим центром международного значения и точкой притяжения туристов со всей страны.

Реализация проекта создаст в регионе новые рабочие места, будет содействовать развитию местных промыслов, подъему хозяйства за счет развития сферы обслуживания.

Наличие уникального комплекса царских курганов «Кырык - Оба» ставит его в один ряд с уникальнейшими явлениями мировой культуры. Музей-заповедник «Степная пирамида» станет популярным казахстанским и международным объектом туризма, музей достойно будет представлять национальную историю и культуру. Главной миссией музея станет формирование уважения и гордости граждан Казахстана за свою историю перед лицом человечества.

Экологическое влияние проекта. Технологии, принятые для реализации проекта, соответствуют стандартам и нормативам, действующим на территории Республики Казахстан по влиянию на окружающую среду.

Охранная зона музея-заповедника «Степная пирамида» общей сложности составит примерно 1200 гектаров. В этой зоне предусматривается обеспечение повышенного уровня благоустройства и инженерного обеспечения не только территории музея-заповедника, но и прилегающих участков. Здесь необходимо устройство дорожно-тропиночной сети с учетом сложившихся трасс и необходимых маршрутов, проведение работ по восстановлению и поддержанию

исторического облика зеленых насаждений и природного ландшафта.

Зоной регулирования застройки будет охвачена территория от автодороги «Уральск Аксай» до поселка Алгабас и до самого музея. Будет проложена дорога с твердым покрытием, строительство выставочных павильонов и административного здания будет проводиться у центрального входа в музей. Такое решение вызвано необходимостью сохранения целостного восприятия архитектурного облика царских курганов.

Основной функцией данной охранной зоны, зрительно представляющей собой целостную территорию, является содержание в определенном режиме специального территориального резерва для развития музея-заповедника с организацией дополнительных экскурсионных маршрутов.

Зона охраняемого природного ландшафта включает территории, которые участвуют в восприятии основных туристско-экскурсионных маршрутов и играют ответственные фоновые роли.

Все работы, связанные с реконструкцией и новым строительством, мелиорацией, очисткой водоемов, строительством инженерных сетей и сооружений, новых дорог, подземных коммуникаций не допускаются без согласования с государственными органами охраны памятников культуры и природы.

Здесь предусматривается:

– меры по снижению уровня загрязнения на стадии строительства;

– уменьшение неблагоприятного воздействия атмосферных выбросов

– сохранение и посадка зеленых насаждений на территории заповедника;

- создание в хозяйственных зонах музея и поселка санитарно-защитных зон;
- мероприятия по охране артезианских водных источников;
- регулируемый выпас скота.

На территории зоны охраняемого ландшафта по условиям проекта не допускается:

- строительство экономически вредных промышленных объектов, крупных животноводческих комплексов, многоэтажных жилых домов;
- промышленная разработка полезных ископаемых, строительных материалов;
- проведение крупных строительных работ, способствующих развитию эрозии рельефа;
- повреждение форм рельефа, загрязняющих артезианские источники;
- порча и изменение видимого состава растительности;
- распыление ядохимикатов и химических средств с воздуха в сельскохозяйственном производстве в зоне памятников природы;
- нарушение культурного слоя в зонах археологических объектов.

По функционально-территориальному признаку музей-заповедник включают в себя музейно-экспозиционный участок, представляющий собой непосредственно царские курганы, экспозиционный павильон, поселенческий поселок, и отдельно расположенные в пределах охранной зоны здания научного и административно-хозяйственного назначения.

Планировочная схема музея-заповедника «Степная пирамида» и его функциональное зонирование ориентированы на максимальное воссоздание исторического облика, взаимосвязей культовых сооружений.

Архитектурно-планировочная организация музея – заповедника «Степная пирамида», обеспечивающая охрану окружающей среды, основана на учете следующих основных задач:

– сохранение, реставрация и подготовка как экскурсионному показу воссоздаваемых историко-культурных комплексов;

– максимальное сохранение и воспроизводство ценного природного ландшафта, включенного в состав охранных зон музея;

– научно обоснованное формирование музейно-экскурсионных зон, размещение перевозимых и воссоздаваемых объектов в увязке с характерными особенностями ландшафтных участков;

– рациональная организация туристско-экскурсионного показа и обслуживания;

– обеспечение оптимальных условий для научно-методической и хозяйственной работы музея-заповедника;

– планомерное и последовательное развитие музея-заповедника путем создания комплексного учреждения нового типа, в котором под единым руководством осуществляется музейно-экскурсионная работа и различные формы обслуживания.

После создания музея-заповедника «Степная пирамида» в данной зоне появится реальная возможность спасения природной и культурной среды в охранных территориях музея, выполняющих роль национально-культурных и учебно-научных центров формирования экологической культуры населения Западно-Казахстанской области.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

- Акишев К.А. Феномен элитарных курганов Северного Тянь-Шаня // *Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху*. СПб., 1994.
- Алексеев А.Ю. Большие «царские» курганы V-IV вв. до н.э. в Европейской Скифии: хронология и толкования // *Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху*. СПб., 1994.
- Алексеев А.О., Моргун Е.Г., Ковалевская И.С., Самойлова Е.М. Магнитная восприимчивость почв сопряженных ландшафтов // *Почвоведение* 1988. №7
- Алексеев А.О., Алексеева Т.В., Моргун Е.Г., Самойлова Е.М. Геохимические закономерности формирования состояния соединений железа в почвах сопряженных ландшафтов Центрального Предкавказья // *Литология и полезные ископаемые*. 1996. №1. с. 12-22.
- Алексеев А.О., Демкин В.А., Алексеева Т.В. Использование минералогических и петрофизических параметров состояния соединений железа в палеопочвах археологических памятников для реконструкции климатических условий степей Восточной Европы // *Нижевоолжский археологический вестник*. Вып. 3 2000, С.240-251
- Алексеев А.О. Алексеева Т.В., Махер Б.А. Магнитные свойства и минералогия соединений железа степных почв // *Почвоведение*. 2003. № 1. С.62-74
- Александровский А.Л., Александровская Е.И. Определение содержимого сосудов из погребений эпохи бронзы – раннего железного века могильника Манджикины-1 // *Могильник Манджикины-1 – памятник эпохи бронзы раннего железного века Калмыкии*. М.-Элиста. 1999. С.48-51
- Arrenius B. Trace element analysis of human skulls // *Stockholm. Laborativ Arkeology*. 1990. №4. P.19
- Аринушкина Е.В. Руководство по химическому анализу почв. М., 1970. С.332-335
- Бабанин В.Ф., Трухин В.И., Карпачевский Л.О., Иванов А.В., Морозов В.В. Магнетизм почв // Ярославль, Москва: Изд. ЯГТУ, 1995. 219 с.
- Barba L. The old as source of new archaeological information // *15th World Congress of Soil Science*. Acapulco. 1994. Vol.6a. P.321-329
- Бахирева Л.В., Родина Е.Е. Инженерно-геологические исследования с целью сохранения архитектурно-исторических памятников на урбанизированных территориях (примеры зарубежного опыта) // *Инженерная геология*. 1992. №6.
- Болиховская Н.С. Палеоиндикация изменения ландшафтов Нижнего Поволжья в последние 10 тысяч лет // *Каспийское море. Вопросы геологии и геоморфологии*. 1990.

Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е. Курганы царей скифии второй половины IV в. до н.э. Поиск исторических реалий // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994.

Боталов С.Г. Любчанский И.Э., Таиров А.Д. Курганы с «усами»: к вопросу о культурной принадлежности // Современные проблемы археологии России: Матер. Всеросс. арх. съезда. Новосибирск, 2006. Т. II.

Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М., 1990.

Бронштейн И.Н., Семендяев К.А. Справочник по математике для инженеров и учащихся ВТУЗов. М.: Наука, 1981. 704 с.

Быструшкин К.К. Феномен Аркаима. Космологическая архитектура и историческая геодезия. М., 2003.

Веллесте Л. Анализ фосфатных соединений почвы для установления мест древних поселений // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. 1952. Вып.42. С.135-140

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII-V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака) // ТХАЭЭ. – 1973. – Т. VIII.

Смагулов Е.А. Исследование на некрополе Кыркоба // Древнее наследие. Алматы. 2005. с.137-141.

Веддер Д., Егоров В., Дэвис-Кимболл Д. Моргунова Н., Трунаева Т., Яблонский Л. Раскопки могильников Покровка 2 и Покровка 8 в 1992 году // Курганы левобережного Илека. М., 1993. Вып. 1.

Верхотуров Д.Н. Аркаим: несчастливое открытие // www.kyrgyz.ru (Центральноазиатский исторический сервер)

Гайдученко Л.Л. Композитная пища и освоение пищевых ресурсов населением Урало-Казахстанских степей в эпоху неолита-бронзы // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск. 2000. С.150-169

Герман П.В. Культовое строительство в системе погребального обряда (по материалам курганных погребений тагарской культуры) // Древности Алтая, 2003. № 10.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992.

Гольева А.А. Фитолиты и их информационная роль в изучении природных и археологических объектов. М. 2001. С.66-68

Гольева А.А., Чичагова О.А., Цуцкин Е.В. Влияние исторических событий на эволюцию почв Северо-Западного Прикаспия // Проблемы эволюции почв: Материалы IV Всерос. конф. Пуцинэ, 2003.

Гуцалов С.Ю. Культовый комплекс на горе Жилантау // Уфимский археологический вестник. Уфа. 1998. Вып.1. С.138-151.

Гуцалов С.Ю. Скифы на Южном Урале // Дарьял, 2003. № 4.

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII-I вв. до н.э. Уральск, 2004

Гуцалов С.Ю., Таиров А. Д. 2000. Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века южноуральских степей // Археология, палеоэкономика и палеодемография Евразии. М., «Наука»,

Демкин В.А. Почвы сухих и пустынных степей Восточной Европы в древности и средневековье. Автореф. дисс. д-ра биол. наук. МГУ. 1993. 48 с.

Демкин В.А. Палеопочвоведение и археология: интеграция в изучении природы и общества. Пуцино: ОНТИ ПНЦ РАН. 1997. 213 с.

Демкин В.А., Алексеева Т.В., Демкина Т.С., Алексеев А.О. Палеопочвенные исследования загадочного памятника древней истории в излучине Дона // Почвоведение. 2001. №5. С.533-543

Демкин В.А., Демкина Т.С. О возможности определения погребальной пицци в керамических сосудах из курганов бронзового и раннежелезного веков // Этнографическое обозрение. 2000. №4. С.73-81

Демкин В.А., Дьяченко А.Н. Итоги палеопочвенного изучения поселения "Ерзовка-1" в Волгоградской области // Российская археология. 1994. №3. С.216-222

Демкин В.А., Лукашов А.В., Ковалевская И.С. Новые аспекты проблемы палеопочвенного изучения памятников археологии // Российская археология. 1992. №4. С.43-49

Демкин В.А., Лукашов А.В., Ковалевская И.С., Скрипниченко И.И. О возможности истории-социологических реконструкций при почвенно-археологических исследованиях. Препринт. Пуцино, 1988. С.15-16

Демкин В.А., Рысков Я.Г., Губин С.В. и др. Палеопедологическое изучение археологических памятников степной зоны // Известия АН СССР, сер. географ. 1989. №6. С.40-51

Демкин В.А., Сергацков И.В., Демкина Т.С., Борисов А.В. Палеопочвы, природная среда и древние общества нижневолжских степей // Экология и почвы. Избранные лекции X Всероссийской школы. Т. IV. 2001.

Демкина Т.С., Борисов А.В., Демкин В.А. Микробные сообщества палеопочв археологических памятников пустынно-степной зоны // Почвоведение. 2000. №9. С.1117-1126

Демкина Т.С., Борисов А.В., Демкин В.А. Палеопочвы и природная среда Северных Ергеней в эпохи энеолита и бронзы (IV-II тыс. до н.э.) // Почвоведение. 2003. №6. С.655-669

Демкин В.А. Палеопочвоведение и археология. Пуцино, 1997.

Демкин В.А., Алексеева Т.В., Борисов А.В., Ельцов М.В. Алексеев А.О. Палеопочвенные и магнитные исследования археологических памятников Западно-Казахстанской области // Отчёт по договору №6 от 20 июня 2003 г. Пуцино, 2003. 61 с.

Дергачева М.И. Археологическое почвоведение. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 1997. 228 с.

Летюк А.Н., Тараненко Н.П. Анализ почв на содержание фосфатов

метод определения мест расположения древних поселений // Естественно-научные методы в полевой археологии. М., 1997. Вып.1.

Детюк А.Н., Тараненко Н.П. Анализ почв на содержание фосфатов как метод определения мест расположения древних поселений // Естественно-научные методы в полевой археологии. М., 1997. Вып.1. С.43-58

Дремов И.И., Юдин А.И. Древнейшие подкурганные захоронения степного Заволжья // Российская археология, 1992. № 4.

Досымбаева А. Мерке – сакральная земля тюрков Жетысу. Тараз, 2002.

Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI-II вв. до н.э.). М., 2006.

Заварзина Д.Г., Алексеев А.О., Алексеева Т.В. Роль железоредуцирующих бактерий в формировании магнитных свойств степных почв // Почвоведение. 2003. № 10

Зданович Д.Г. Могильник Большекараганский (Аркаим) и мир древних европейцев Урало-Казахстанских степей // Аркаим: исследования, поиски, открытия. Челябинск, 1995.

Зданович Д.Г. и др. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Челябинск, 2002. Кн. 1.

Иванов И.В. Почвоведение и археология // Почвоведение. 1978. №10. С.18-28

Иванов И.В. Эволюция почв степной зоны в голоцене. М.:Наука. 1992. 143 с.

Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.:Интеллект. 1995. 264 с.

Иванов И.В., Демкин В.А. Почвоведение и археология // Почвоведение. 1999. №1. С.106-113

Ильинская В.А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев., 1968.

История города Кургана: от основания до революции // www.article-writer.info/

pazvanie-goroda/tsarev-kurgan // Август, 29, 2006.

Итина М.А. Загадочные ограды на курганных группах низовьев Сырдарьи и Южного Приуралья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. С.78-84.

Кадырбаев М.К. 1984. Курганные некрополи верховьев р.Илек. // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Кирьянов А.В. К вопросу о раннеболгарском земледелии // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1958. Т.II. №61. С.282-291

Козловская М.В. Микроэлементы в костной ткани человека и некоторые аспекты палеоэкологических реконструкций // Тез. докл. Международной конференции по применению методов естественных наук в археологии. СПб., 1994. Ч.2. С.137

Козловская М.В. Реконструкция питания и палеоэкологические следования антропологических материала: могильника Сухоты III

Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. М., 1996. Т.2. С.237-243

Кореневский С.Н. Современник пирамид. Большой Ипатовский курган на Ставрополье // *Достояние поколений*, 2007 № 2 (3).

Кореневский С. Н., Белинский А. Б., Калмыков А. А. Большой Ипатовский курган на Ставрополье. М., 2007.

Кореневский С.Н., Ростунов В.Л. Большие майкопские курганы у с.Заманкул // *Памятники археологии и древнего искусства Евразии. Памяти Виталия Васильевича Волкова*. М., 2004.

Котин Н.И. Почвы Уральской области. Алма-Ата. Наука, 1967.

Кузнецов П.Ф., Плаксин А.В. Край Самарский. Древности Нефтегорского района. Самара, 2004.

Кукушкин И.А. Элементы солярной символики в погребальных комплексах Евразийских степей // *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана*. Уральск, 2004. Вып. 3.

Курманкулов Ж, Ишангали С., Раймкулов Б. Исследования курганного отряда № 2 УКАЭ в 2001 г. на могильнике Кырык-Оба 2 // *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана*. Уральск. Вып. 1. С. 87-92

Liden K. A diet study from Middle Neolithic site Ire // *Stockholm, Laborativ Arkeology*. 1990. №4. P.22

Sillen A. et al. Analysis of excavated bone by atomic absorption // *American Journal of Phys. Anthropology*. 1978. №2. P.200

Лобанов А.Н. Фотограмметрия. М.: Недра, 1984. 552 с.

Лопатин В.А. Сเมลовский грунтовый могильник (к проблеме формирования срубной культуры в степном Заволжье) // *Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Матер. междунар. научн. конф. Саратов, 1997.*

Лопатин В.А. Культовые сооружения Сเมลовского могильника // *Взаимодействие и развитие культур южного пограничья Европы и Азии: Матер. междунар. научн. конф. Саратов, 2000.*

Любчанский И.Э., Таиров А.Д. Археологическое исследование комплекса курган с усами Солончанка I // *Курган с усами Солончанка I*. Челябинск, 1999.

Ляшко С.М., Фридман М.И., Скіфська антропоморфна скульптура Нижнього Подніпров'я // *Археологія*. № 60. Київ. 1987. С.71-80.

Марфенина О.Е. Возможности почвенно-микологической индикации древних антропогенных воздействий // *Проблемы эволюции почв: Материалы IV Всерос. конф. Пушино, 2003.*

Матюхин А.Д., Ляхов С.В. Новое позднесарматское погребение в лесостепном Саратовском Правобережье // *Археология Восточно-Европейской степи*. Саратов, 1991. Вып. 2.

Maher B.A., Thompson R. (editors). *Quaternary Climates, Environments and Magnetism* // Cambridge University Press. 1999. 390 p

Maher B.A., Alekseev A., Alekseeva T. *Climate dependence of soil magnetism*

across the Russian steppe: significance for use of soil magnetism as a palaeoclimatic proxy // *Quaternary Science Reviews* 2002. V.21. P. 1571-1576.

Медведь А.Н. Музеефикация памятников археологии в России (прошлое и настоящее). М., 2004.

Минх А.Н. Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии: собраны в 1861-1888 годах. СПб, 1890.

Мирошина Т.В. Головные уборы // *Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. М.

Моргунова Н.Л. Становление комплексного общества эпохи ранней и средней бронзы на юге лесостепи Волжско-Уральского междуречья // *Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей*. Челябинск – Аркаим, 1999.

Москалев Г.В., Таранов А.Г. Природа Уральской области. Саратов, 1985.

Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.

Мошкова М.Г., Кушаев Г.А. Сарматские памятники Западного Казахстана // *Проблемы археологии Урала и Сибири*. М., 1973.

Наровчатский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник. Сборник материалов. Пенза, 1998.

Останина Т.И. Историко-культурный заповедник-музей «Иднакар». перспективы развития // *Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья*. Ижевск - Глазов, 1999.

Плеханова Л.Н., Иванов И.В. Инверсионные соотношения почвенно-растительного покрова и микрорельефа в степной зоне // *Степи Северной Евразии*. Оренбург, 2000.

Попов В.В., Дудин А.Е., Котлярова И.В., Попова Т.В., Пустовалов А.Ю., Чернышов С.С. Музеефикация археологических памятников в Костенковско-Борщевском районе на Дону // *Современные проблемы археологии России: Матер. Всеросс. арх. съезда*. Новосибирск, 2006. Т. II.

Рамазанов С.К. Природно-географические условия региона-основной фактор истории расселения человечества (на примере Западно-Казахстанской области) // *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана: Сборник научных статей*. Вып. I.-Уральск, 2002.

Рау П.Д. Курганы и древние находки в представлении крестьян немецкого Поволжья // *Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южноурских степей*. Саратов, 1997. Ч. 2.

Рысков Я.Г., Демкин В.А. Результаты естественно-научного изучения курганов левобережного Илека // *Курганы левобережного Илека*. М., 1995. Вып.3. С.62-63

Рысков Я.Г. Демкин В.А. Развитие почв и природной среды степей Южного Урала в голоцене. Пуцино: ОНТИ ПНЦ РАН, 1997 167 с.

Савинов Д.Г. Ситаишта и Аржан // *Элитные курганы Евразии в скифо-сарматский* СПб, 1994.

Савельева Т.Н., Смирнов К.Ф. Ближневосточные древности на Южном Урале // ВДИ, № 2.

Сдыков М.Н., Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю. Отчет о раскопках могильника Кырыкоба II. Уральск 2002.

Сдыков М.Н. Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю. Отчет об археологических раскопках курганов Кырык-Оба II в 2003 г. Уральск 2003.

Сингатулин Р.А., Плотников П.К., Рамзаев А.П. Структура и функционирование инерциальной термографической системы стереосъемки и идентификации археологических следов и объектов // Мат. VIII-Санкт-Петербургской между. конф. по интегрированным навигационным системам. СПб.: ЦНИИ, 2001. С. 236-238.

Скифы Западного Казахстана / Под ред.: Сдыкова М.Н. // Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии. Алматы, 2007. 208 с.

Создание Свода памятников природного и культурного наследия в Западном Казахстане // Вопросы археологии и истории Западного Казахстана. 2007, № 2.

Скрипкин А.С., Дьяченко А.Н. Монументально-ритуальное сооружение в Волгоградском Задонье // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. Челябинск, 1999.

Сойер К. Фосфор и экология // Фосфор в окружающей среде. М., 1977. С.690

Сокровища культуры Бурятии. Специальный выпуск-приложение к журналу «Наследие народов Российской Федерации». 2002. № 1.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961.

Станюкович А.К. Основные методы полевой археологической геофизики // Естественно-научные методы в полевой археологии. М., 1997. Вып.1. С.19-42

Старков А.Е. Проект организации особо охраняемой историко-культурной территории «Парк Андронов» в черте Перми // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Ижевск - Глазов, 1999.

Трифонов В.Г. Караханян А.С. Геодинамика и история цивилизаций. М.: Наука, 2004. 668 с.

Thompson, R., Oldfield, F. Environmental Magnetism // London: Goerge Allen and Unwin., 1986. 230 p.

Туганаев В.В. Агрофитоценозы современного земледелия и их история. М., 1984. С.41

Федоров В.К. Савромато-сарматские костяные ложечки: к вопросу об индо-арийских корнях некоторых явлений савромато-сарматской культуры // Башкирский край. Вып.2. Уфа.

Федоров В.К. О функциональном назначении так называемых «савроматских жертвенников» Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник

Уфа. Вып. 2,3.

Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Курганный могильник Михайловский VI на юге Кулунды и некоторые вопросы, связанные с интерпретацией курганов скифского времени с шатровыми деревянными конструкциями под насыпью // Михайловский район: очерки истории и культуры. Барнаул, 1999.

Хазанов А.М. 1971. Очерки военного дела сарматов. М.

Хотинский Н.А. Климат и человек в голоцене аридных и гумидных зон Северной Евразии // Аральский кризис. М., 1991.

Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Элитное погребение эпохи ранних кочевников в Туве (Предварительная публикация полевых исследований российско-германской экспедиции в 2001 г.) // Археология, этнография и антропология Евразии, 2 (10), 2002.

Штобе Г.Г. Применение методов почвенных исследований в археологии // Советская археология. 1959. №4. С.135-139

Юдин А.И., Матюхин А.Д. Социальная структура раннесрубного общества по материалам могильников Кочетное и Золотая Гора // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2005. Вып. 6.

Юдин А.И. Исследование курганов эпохи средней бронзы у с.Шумейка Энгельсского района // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2007. Вып. 5.

Яблонский Л.Т. Основные итоги исследования второго «царского кургана» Филипповки // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2007

Hamond F.W. Phosphate analysis of archaeological sediments // Landscape Archaeology in Ireland. Oxford, 1983. BAR British Series 116. P.47-80

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
1. Первые исследователи древней истории региона	11
2. Деятельность общественного фонда науки и образования «Акжол» по спасению уникального памятника.....	21
3. «Царские» курганы Кырык-Оба: к истории проблемы.....	36
4. Археологические исследования комплекса «Кырык-Оба»	67
5. Современные методы исследования царских курганов	123
6. Народы и культуры Западного Казахстана (VIII – III вв. до н.э.)	160
Проект организации историко-археологического и природно-ландшафтного музея-заповедника "Кырык-Оба"	179
Литература и источники	212

СДЫКОВ М.И.

Степная пирамида

Уральск 2008

Формат А5. Тираж 200. Бумага офсет.

Типография «Полиграфсервис»
Уральск, ул.Л.Толстого 27/6.
8 (711-2) 50-51-46, 51-41-99

**АВТОРЫ ПРОЕКТА
МУЗЕЯ – ЗАПОВЕДНИКА ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ «СТЕПНАЯ ПИРАМИДА»**

Сдыков Мурат Наурызгалиевич – доктор исторических наук, профессор. Главный редактор журнала «Вопросы истории и археологии Западного Казахстана». Директор Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии, президент общественного фонда науки и образования «Акжол». Область научных интересов: отечественная история, историческая демографии, археология, этнография, современные информационные технологии в исторических и археологических исследованиях. Автор более 150 научных работ, в том числе 20 монографий.

Сингатулин Рустам Адыгамович – кандидат исторических наук, доцент кафедры информационных систем и технологий в обучении, заведующий лабораторией информационных технологий при педагогическом институте Саратовского государственного университета им. Чернышевского. Секретарь Научного Совета Саратовского отделения Института истории Академии наук Республики Татарстан, почетный работник образования Российской Федерации. Область научных интересов: методы естественных и технических наук (палеофонография, мультиспектральная стереофотограмметрия, биотуальная археология). Автор свыше 80 научных публикаций и изобретений, в том числе 2 монографий.

Юдин Александр Иванович – доктор исторических наук, заместитель начальника отдела охраны объектов культурного наследия Комитета по охране культурного наследия Саратовской области, главный редактор 10 научных изданий по археологии. Область научных интересов: неолит Нижнего Поволжья, бронзовый век, история Золотой Орды, новые археологические технологии. Автор свыше 100 научных работ в том числе 2 монографий.

**Музей-заповедник
«СТЕПНАЯ ПИРАМИДА»**

Музей-заповедник «Степная пирамида»
г. Саратова, ул. Космонавтов, 11
Тел: (8452) 42-11-11, 42-11-12
e-mail: info@stepy-pyramida.ru